

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1906.

№ 18.

СЕНТЯБРЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
О предсоборныхъ совѣщаніяхъ при Св. Синодѣ и о представительствѣ епископовъ. <i>Д. Брянцева</i>	269—286
О современномъ сектантствѣ и борьбѣ съ нимъ. <i>Свящ. Д. Ромашкова</i>	287—311
Христосъ въ современной духовной жизни. (Christus im modernen Geistesleben). <i>Е. Пфеннигсдорфа</i> . (Переводъ съ нѣмецкаго). <i>Н. Н.</i>	312—326
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Вл. С. Соловьевъ и его религіозно-нравственные идеалы. (Окончаніе). <i>Д. Снегирева</i>	179—199
Религіозное міровоззрѣніе Гартмана. (Продолженіе). <i>Н. Щеглова</i>	200—218
III. ИЗВѢСТІЯ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. I. Епархіальныя извѣщенія.—Объявленіе отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища. II. О возстановленіи выборнаго начала въ духовенствѣ. <i>Священника Теодора Сулимы</i> .—Еще нѣсколько мыслей по поводу статьи свещ. <i>Н. М. Загоровскаго</i> : „О причинахъ домогательства воспитанниковъ духовныхъ семинарій къ поступленію въ высшія свѣтскія учебныя заведенія“ <i>Сельскаго священника Ин. Гораика</i> .—Изъ жизни расколо-сектантства. Миссіонерскій листокъ: Темнота раскольническая. <i>Миссіонера Якова Глаголева</i> .—Къ вопросу о продажѣ иконъ. <i>Священника Николая Кротенко</i> .—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Соборная пл., въ ад. Присут. мѣстѣ.
1906.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входитъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Извѣстія по Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія прavitельственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 р. за 1890—1896 г. по 8 р. за 1897—1901 годы. За 1902 г.—9 р. и 1903 г. 10 рублей. Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 135 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Брентано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новяцій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождественскаго. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. БЕСВѢДЫ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. Благочинными Харьковской епархіи. 1903 г. Цѣна 25 к. съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν

Вѣрою разумѣаемъ.

Евр. XI.

О предсоборныхъ совѣщаніяхъ при Св. Синодѣ и о представительствѣ епископовъ.

Раньше нерѣдко приходилось слышать, что русская православная церковь находится въ параличѣ, ее нужно оздоровить и вновь призвать къ жизни.

Нѣтъ сомнѣнія, что подобные отзывы всегда представляли много крайняго и неправильнаго. У паралитика, обыкновенно, поражена нервная система; его болѣзнь внутри, отъ этого такому больному, обыкновенно, и трудно бываетъ оправиться, а если такой человекъ и поправляется, то не совсѣмъ; бывшій паралитикъ такъ и остается инвалидомъ на всю остальную жизнь. И церковь, если она, дѣйствительно, парализована, то имѣетъ болѣзнь внутри себя, въ своей нервной системѣ, т. е. въ томъ лучшемъ, что есть въ организмѣ. А при такомъ условіи и оздоровленіе ея невозможно. Она должна будетъ влечить свое существованіе, а не жить полной, здоровой жизнью. Съ этимъ то и никакъ не хотѣло мириться религиозное чувство. Да и разумъ подсказывалъ, что выводъ о безнадежности нашей церкви невѣренъ. Зная многихъ епископовъ въ русской церкви—эти нервы церковные, мы постоянно выносили убѣжденіе, что эти нервы церковнаго организма здоровы и жизненны. Ихъ рѣчи наглядно показывали, что у нихъ ясно понятіе о церкви, какъ тѣлѣ Христовомъ, не затемнено и понятіе объ истинной жизни церковной; извѣстны имъ и каноны, которыми церковь должна руководствоваться. И тѣмъ горестнѣе бывали ихъ рѣчи объ униженіи русской церкви и ея представителей епископовъ. Вспоминали они при этомъ о думахъ такихъ іерарховъ, какъ митр. Исидоръ, Леонтій, Палладій. Какъ они скорбѣли

объ униженія церкви и какъ горячо желали ея возстановленія. Такія же мысли приходилось слышать и отъ лучшихъ членовъ клира русской церкви и отъ лучшихъ мірянъ. Всѣ они одинаково скорбѣли все о такомъ же униженіи церкви. Отъ всѣхъ этихъ рѣчей ясно становилось, что организмъ церкви здоровъ и что не правы утверждающіе о параличѣ церкви. Мысль церкви ясна. А что церковь не можетъ жить такъ, какъ разумъ подсказываетъ, что эта ея бездѣятельность вынужденная, и зависитъ она отъ того, что церковь скована цѣпями настолько крѣпкими, что сорвать ихъ очень трудно. Но какъ только цѣпи, сковывающія церковный организмъ ослабѣютъ, жизнь церкви начнется съ новой силой.

И, дѣйствительно, намъ пришлось дожить до этого великаго часа. По мнѣнію членовъ Св. Синода и по волѣ Государя Императора узы, такъ долго сковывавшія организмъ церкви, ослаблены. И церкви открыта возможность начать жить своею жизнью. Разрѣшено было Св. Синоду созвать Соборъ Русской Церкви и обсудить предварительно вопросы о дальнѣйшей жизни церковной.

И тѣмъ большая отвѣтственность выпадала на долю Свят. Синода поставить это совершенно новое для русской церкви дѣло на твердую и вполнѣ правильную почву. Но созваніе, которое до сихъ поръ было яснымъ въ церкви, подсказало ея представителямъ и теперь, какъ лучше всего поступить. Для сужденія о лучшей постановкѣ рѣшено было созвать предварительное совѣщаніе, которое должно было заняться разработкой вопроса о составѣ предстоящаго собора и тѣхъ вопросовъ, рѣшить которые необходимо прежде всего. На это предварительное совѣщаніе совваны были не одни только епископы, но и лучшіе люди изъ клира и мірянъ. Св. Синодъ въ этомъ случаѣ совершенно справедливо рассудилъ, что лучшіе люди, будь епископы, будь то клирики или міряне, будучи чуждыми узости и крайностей, лучше и рассудятъ о поставленныхъ вопросахъ. Въ этомъ случаѣ онъ не поопасался, что на ряду съ епископами, клириками и мірянами будутъ приглашены представители богословской и канонической науки въ лицѣ профессоровъ академій и университетовъ. Онъ надѣялся, что люди

истиннаго пастырства и истинной науки створятся и вынесутъ правильное рѣшеніе по поставленнымъ вопросамъ.

За исключеніемъ немногихъ, приглашенные отозвались съ полной готовностью на призывъ и собрались съ искреннимъ намѣреніемъ поработать надъ вопросомъ обновленія русской церковной жизни.

Кажется, предусмотрительно соблюдено было все, чтобы внушить довѣріе къ совѣщаніямъ, повидимому можно было бы и ожидать подобнаго довѣрія и не только довѣрія, но полнаго сочувствія къ начатому дѣлу. Вѣдь цѣлыхъ двѣсти лѣтъ даже епископы не могли свободно говорить о самыхъ незначительныхъ церковныхъ дѣлахъ; теперь свободно собрались и свободно разсуждаютъ о коренномъ преобразованіи церковной жизни представители всѣхъ членовъ церкви; и никто имъ не мѣшаетъ. Пускай собравшіеся, порой, говорили бы и не правильно; пускай иногда и заблуждались бы; все это въ новомъ дѣлѣ вполнѣ естественно. Что особенно здѣсь было важно, такъ это—готовность, съ которой собравшіеся отозвались на призывъ; важны тѣ познанія, которыя они обнаружили; важно искреннее желаніе принести посильную пользу своею работой. Все это важно въ томъ отношеніи, что при немъ всегда можно исправить ошибки и выйти на правильную дорогу.

А между тѣмъ вмѣсто самаго искренняго сочувствія предсоборныя совѣщанія встрѣтили удивительное равнодушіе въ однихъ, и самую беспощадную критику въ другихъ. Одни совершенно не интересуются, что готовится великое событіе въ русской церкви; не знаютъ, что въ „Церковныхъ Бѣдомостяхъ“ печатаются протоколы предсоборныхъ совѣщаній; а если и знаютъ объ этомъ, то такъ мало интересуются печатаемымъ, какъ будто бы печатаются обыкновенныя, никому не интересныя оффиціальныя извѣстія Синодальной канцеляріи. Иные же кое-что изъ напечатаннаго читали, но такъ немного и такъ отрывочно, что не могли составить опредѣленнаго представленія о характерѣ совѣщаній. А между тѣмъ и они считаютъ себя въ правѣ высказывать свои сужденія и даже ставить возраженія. Но ихъ возраженія отличаются полной неосновательностью, чтобы не сказать большаго. Говорятъ, напр., что

архіереи привлекли профессоровъ на свою сторону и тѣ за нихъ распиваются. Помилосердствуйте! Это—профессоровъ то университета или академіи можно привлечь на свою сторону? Да и чѣмъ привлечь? Ну, еще было бы похоже на правду, если бы защитниками, такъ называемыхъ интересовъ епископовъ, явились зависимые отъ нихъ священники; профессора же отъ нихъ не зависятъ и привлечь ихъ на свою сторону какими-либо обѣщаніями нельзя. Не архіереи привлекли ихъ на свою сторону различными обѣщаніями, а нѣчто другое заставило ихъ добровольно стать защитниками правъ епископствъ.—Другимъ же не понравилось то, что члены совѣщанія были созваны, а не выбраны. Но вѣдь совѣщанія не самый соборъ. И совѣщанія имѣли своею задачей разобраться въ вашей церковной жизни, сравнить еѣ съ каноническими нормами. А это то и могли лучше всего исполнить люди богословской и канонической науки. Они и были приглашены на совѣщанія. Иные же считаютъ эти совѣщанія мертворожденіями, такъ какъ представляютъ собой кабинетныя разсужденія, чуждыя жизни, а потому и совершенно лишены жизненности. Когда же такимъ возражателямъ указываютъ на то, что члены совѣщаній стремятся возстановить каноническій строй, а поэтому и свои разсужденія утверждаютъ на канонахъ, то они съ своей стороны указываютъ на то, что каноны созданы тысячу лѣтъ тому назадъ; и неужели же ихъ можно положить въ основу обновляемой жизни, когда они давно забыты самой жизнью. Знаемъ, говорятъ они, когда вспоминаются и кѣмъ исполняются эти каноны. Консисторіи только о нихъ вспоминаютъ, да и то только тогда, когда захотятъ кому-нибудь досадить.

Много и другихъ возраженій приходилось слышать по поводу предсоборныхъ совѣщаній. И большая часть изъ нихъ тенденціозны. Въ нѣкоторыхъ возраженіяхъ такъ и сквозитъ мысль, почему ихъ не пригласили, почему ихъ не спросили, какъ лучше поставить совѣщанія. Во многихъ возраженіяхъ нѣтъ справедливости, которая теперь одинаково нужна, какъ для участниковъ совѣщаній, такъ и для всѣхъ остальныхъ. Для первыхъ нужна справедливая оцѣнка ихъ дѣятельности; для вторыхъ истинное освѣщеніе совершающихся церковныхъ

событій. И если мы будемъ справедливыми, то въ работахъ совѣщаній замѣтимъ не только недостатки, но и крупныя достоинства. И обязанность каждаго указывать на одно, но не замалчивать и другого.

Въ настоящей статьѣ мы коснемся только перваго отдѣла совѣщаній.

Крупнымъ достоинствомъ совѣщаній нужно призвать то, что на нихъ приглашены были выдающіеся представители нашей богословской и канонической науки въ лицѣ профессоровъ академіи и университета, а равно и лучшіе представители отъ мірянъ. Хорошимъ въ этомъ случаѣ оказалось и то, что отъ епископовъ и священниковъ было приглашено людей гораздо меньше, чѣмъ отъ первыхъ. Переводя на языкъ современныхъ отношеній, епископы—суть владыки, священники—послушники. И преобладаніе тѣхъ и другихъ на совѣщаніяхъ могло бы внушить недовѣріе къ самымъ совѣщаніямъ, такъ какъ возможно было бы предположеніе о давленіи епископовъ на подчиненныхъ имъ членовъ клира. При теперешнемъ же составѣ совѣщаній говорить о давленіи со стороны епископовъ можно только по недоразумѣнію. Созваны были люди совершенно независимые отъ епископовъ, какъ по своему общественному положенію, такъ и по своимъ воззрѣніямъ. И если такія лица вынесли извѣстныя рѣшенія по поставленнымъ вопросамъ, то руководясь только внутреннимъ убѣжденіемъ и ничѣмъ другимъ.

Собравшіеся принесли съ собой обширныя познанія въ тѣхъ самыхъ наукахъ, которыя наиболѣе необходимы были при ихъ разсужденіяхъ: Св. Писаніи, Церк. Исторіи и Каноническомъ Правѣ. Стоитъ только хоть немного вчитаться въ разсужденія, чтобы видѣть все богатство принесенныхъ познаній. Дѣйствительно, созванными оказались специалисты своихъ наукъ.

Принеся съ собой обширныя познанія, собравшіеся принесли и серьезность научнаго изслѣдованія и преклоненіе предъ научными истинами. Во время засѣданій дебаты часто принимали очень горячій характеръ; но они почти никогда не переходили на личную почву. Объективный характеръ изслѣдованія поставленныхъ вопросовъ представляетъ отличи-

тельную черту предсоборныхъ разсужденій. Многіе выводы шли въ разрѣзъ съ новѣйшими теченіями и взглядами на взаимныя отношенія; но такъ какъ они всецѣло основывались на научныхъ и церковныхъ основаніяхъ, то участники, за исключеніемъ немногихъ, принимали ихъ, какъ истинныя.

А надъ всѣмъ этимъ—глубокая преданность Церкви; искренняя забота объ ея обновленіи и горячее желаніе принести пользу своими познаніями.

Даже самыя изданные протоколы имѣютъ огромное значеніе. Они представляютъ въ большинствѣ подробное воспроизведеніе рѣчей участниковъ. Благодаря такой записи и изданію, каждый разсмотрѣнный вопросъ получаетъ всестороннее освѣщеніе. И каждый интересующійся можетъ получить не только правильное понятіе о многомъ, но и многому поучиться. А это при нашей общей малоучености весьма и весьма важно.

Вотъ тѣ достоинства, которыя бросаются въ глаза безпристрастному читателю.

Можетъ быть, въ этихъ достоинствахъ предсоборныхъ совѣщаній заключались и ихъ недостатки. Таковы напр. научность, кабинетность и, такъ сказать, идеальность самыхъ разсужденій. Можетъ быть, нужно было бы побольше реальности, побольше жизненности. Разсужденія могутъ быть и хорошими, но малопригодными для будничной дѣйствительности. Болѣе простыя, но близкія къ дѣйствительности разсужденія, можетъ быть, могли бы принести и больше пользы. Серьезность многихъ изъ выставленныхъ возраженій заставляеть задумываться надъ ними и признать многое справедливымъ. Но и въ защиту характера предсоборныхъ разсужденій есть не менѣе серьезныя основанія. Будничная дѣйствительность привнесла въ нашу церковную жизнь много неистиннаго. Потому-то и нужно, чтобы возвратиться къ истинѣ, начать съ того, откуда началось уклоненіе.

Намъ представляются совершенно справедливыми взгляды участниковъ совѣщаній на церковь, какъ на Тѣло Христово, въ которомъ всѣ члены имѣютъ значеніе, но каждый исполняетъ только ему свойственное дѣло; всѣ члены почтенны, но каждый при своемъ мѣстѣ, не врываясь въ дѣло другого. Истинными

представляются взгляды на епископовъ, пресвитеровъ и мірянъ и на взаимныя отношенія этихъ частей церковнаго организма. Противоположныя взгляды были опровергнуты во многихъ разсужденіяхъ съ достаточной полнотой самими участниками совѣщаній. Здѣсь мы остановимся своимъ вниманіемъ на вопросѣ о представительствѣ епископовъ отъ лица своей паствы.

„Отвѣтъ“ 32 священниковъ на докладную записку епископа Антонія Волинскаго, написанный г. Н. Аксаковымъ и напечатанный въ ж. „Богословскій Вѣстникъ“ въ одной изъ его книжекъ за 1906-й годъ утверждаетъ, что наши епископы не могутъ быть представителями своихъ паствъ, потому что они не избраны своими паствами, а назначены со стороны и своихъ паствъ не знаютъ. Эта же мысль была поддержана и на предсоборныхъ совѣщаніяхъ нѣкоторыми изъ „меньшинства“. Епископъ Антоній еще въ своей докладной запискѣ отвергалъ эту мысль, доказывая, что епископы являются представителями своихъ паствъ не въ силу своего избранія паствами, а въ силу непрерывной преемственности благодати епископства отъ самихъ апостоловъ. Какъ непосредственные преемники благодати отъ апостоловъ, епископы являются истинными представителями своихъ паствъ и безъ избранія со стороны послѣднихъ. Ту же мысль о непрерывной преемственности апостольской благодати развивалъ въ общемъ присутствіи и проф. Суворовъ, развивалъ её вполнѣ обстоятельно.

Всѣ разсужденія епископа Антонія и профессора Суворова совершенно справедливы и противъ нихъ никто не станетъ спорить. Но 32 священника и нѣкоторые изъ „меньшинства“ стоятъ на иной точкѣ зрѣнія. Ихъ точка зрѣнія такова. Теперешній епископъ не можетъ быть представителемъ своей паствы, такъ какъ не можетъ быть выразителемъ ея воззрѣній и ея нуждъ. Не можетъ же онъ быть выразителемъ ея воззрѣній и нуждъ потому, что, какъ присланный со стороны, чуждъ ей и ея интересамъ.

Эта то мысль и остается не разсмотрѣнной. Несомнѣнно, что епископъ можетъ быть выразителемъ вселенской вѣры и вселенскаго упованія, потому что онъ возведенъ въ свое достоинство епископами, непосредственными преемниками и наслѣд-

никами вѣры апостоловъ, послѣ всесторонняго испытанія его вѣры и послѣ того, какъ, по испытаніи, оказалось, что его вѣра тождественна съ вѣрой апостольской, носителями которой являются они—епископы. Но вопросъ не въ этомъ. Вопросъ въ томъ, епископъ можетъ ли, быть выразителемъ вѣры (не нужды) своей паствы? Вѣдь до своего назначенія на епископскую кафедру онъ не зналъ своей паствы, а слѣдовательно не зналъ ея вѣры и ея упованія. И что гарантируетъ, что его вѣра есть въ то же время и вѣра его паствы. Вѣдь говорятъ же противники, что епископъ не знаетъ нужды своей паствы. А если онъ не знаетъ ея нужды, то знаетъ ли онъ ея вѣру? А потому можетъ ли онъ быть выразителемъ вѣры паствы, а не своей только. Можетъ быть его вѣра и истинна; а вѣра его паствы уже не чужда заблужденій. И исповѣдуя на соборѣ свою вѣру, можетъ ли епископъ быть увѣреннымъ, что онъ будетъ исповѣдывать вѣру и своей паствы. И не можетъ ли случиться, помилуй Богъ, того, что паствы не признаютъ исповѣданія своихъ епископовъ, потому что даже давно отступили и утеряли апостольскую вѣру своихъ епископовъ? Вотъ вопросы, которые несомнѣнно имѣютъ весьма важное значеніе, и разобратся въ которыхъ было бы весьма полезно.

Итакъ, епископъ можетъ ли быть выразителемъ вѣры своей паствы?

Несмотря на то, что при теперешнихъ условіяхъ епископъ назначается на кафедру со стороны, онъ можетъ быть выразителемъ вѣры своей паствы. Вѣдь вѣра и упованіе паствы, тѣ же самыя, что и ихъ епископа. Она восприняла свою вѣру отъ своихъ предыдущихъ епископовъ. А тѣ восприняли ее отъ епископовъ, поставившихъ ихъ на епископство. И паства, храня свою вѣру неизмѣнную, сохраняетъ вѣру апостольскую. И епископъ, правильно избранный епископами, приноситъ своей паствѣ ту же апостольскую вѣру. Такимъ образомъ по источнику своего происхожденія вѣра паствы тождественна съ вѣрой епископа. И, продолжая хранить свою вѣру неизмѣнную, епископъ и паства будутъ пребывать въ полномъ единеніи. И епископъ, правильно поставленный епископами, можетъ быть

предстоятелемъ и выразителемъ вѣры своей паствы; хотя бы онъ не былъ ею избранъ.

Но можетъ ли епископъ знать свою паству и быть выразителемъ ея нуждъ?

32 священника въ своемъ отвѣтѣ, г. Кузнецовъ въ своей рѣчи, сказанной въ „общемъ присутствіи“, утверждали, что епископы не могутъ быть выразителями нуждъ своихъ паствъ, потому что они глубоко разъединены съ клиромъ и народомъ. Да не только они это утверждаютъ, но и нѣкоторые изъ епископовъ въ своихъ отзывахъ говорятъ, что они не могутъ быть выразителями церковнаго сознанія и голоса своихъ паствъ. Но такъ ли это? Намъ кажется, что это не такъ. Несмотря на всѣ несовершенства организаціи вашей церковной жизни, епископъ и теперь можетъ быть выразителемъ церковнаго сознанія и голоса своихъ пасомыхъ, и при томъ лучшимъ, чѣмъ кто-либо другой. Вѣдь и до сихъ поръ епископъ стоитъ въ центрѣ религіозной жизни своей паствы; къ нему, какъ въ фокусъ, сходятся лучи, исходящіе отъ его пасомыхъ. Онъ находится въ постоянныхъ сношеніяхъ со своими сопастырями-священниками и другими клириками. Къ нему они являютъ свои нужды, свои личныя и пастырскія. Вникая въ ихъ нужды, выслушивая ихъ объ ихъ дѣятельности, епископъ прежде всего знакомится съ ними самими, съ ихъ дѣятельностью, а чрезъ нихъ и съ ихъ паствами, съ ихъ нуждами, взглядами и воззрѣніями. Помимо этихъ посредственныхъ сношеній, епископъ настоветувааетъ въ сношенія, и непосредственныя. Многіе изъ пасомыхъ являютъ къ нему лично со своими сокровѣнными тайнами; и раскрываютъ предъ нимъ свои души. И часто епископу приходится узнавать многое такое, о чемъ другіе никогда и не узнаютъ. На основаніи всѣхъ этихъ сношеній епископъ и можетъ узнавать жизнь и нужды своей паствы. Конечно, епископъ не имѣетъ возможности вступать въ сношенія со всеми своими пасомыми и всѣхъ ихъ узнавать; но знать общее настроеніе паствы, знать общія ея нужды у него есть возможность. И епископы несомнѣнно знаютъ свои паствы. Поэтому совершенно несправедливы утверждающіе, что епископы не знаютъ своихъ паствъ. Въ тѣхъ только

случаяхъ епископы могутъ не знать своихъ паствъ, если они только что вступили на свои кафедры и еще не успѣли ознакомиться со своими паствами; или же стремятся перейти на другія кафедры и не интересуются настоящей. У епископовъ, желающихъ узвать свои паствы, всегда найдутся способы пріобрѣсти необходимыя познанія. И въ большинствѣ епископы знаютъ настолько свои паствы, чтобы быть выразителями ихъ возрѣній и ихъ нуждъ.

Мы сказали, что епископы могутъ быть выразителями нуждъ своихъ паствъ и даже лучшими чѣмъ кто-либо другой. Въ самомъ дѣлѣ, ни клирики, ни міряне не могутъ быть такими выразителями. Каждый клирикъ, даже самый опытный, можетъ быть выразителемъ нуждъ и быть представителемъ только своей паствы, своего прихода, потому что онъ стоитъ въ центрѣ религіозной жизни только въ своемъ приходѣ. Къ нему сходятся лучи только отъ его пасомыхъ. И онъ узнаетъ ихъ жизнь, ихъ вѣру и ихъ нужды. Черезъ исповѣдь онъ знакомится съ сокровенными помыслами и болѣзнями своихъ пасомыхъ; узнаетъ общее нравственное настроеніе своей паствы. Все это и даетъ ему возможность знать свою паству и быть выразителемъ ея нуждъ. Но такъ хорошо онъ можетъ знать только свою паству, поэтому онъ можетъ быть выразителемъ нуждъ и возрѣній только своей паствы.

Что же касается мірянъ, то они не могутъ быть и такими выразителями. Каждый мірянинъ знаетъ только самого себя. Окружающихъ же онъ знаетъ только по внѣшнимъ обнаруженіямъ; внутреннее, которое доступно только черезъ исповѣдь, черезъ постоянныя наблюденія надъ совѣстью, никакому мірянину недоступно. А безъ этого нельзя знать истинной жизни вѣрующихъ. И каждый отдѣльный мірянинъ, даже самый лучший, можетъ болѣе или менѣе правильно судить только о самомъ себѣ. И если бы кто взялся быть выразителемъ мнѣнія о другихъ, то его мнѣніе не могло бы быть авторитетнымъ. Представителемъ и выразителемъ возрѣній и нуждъ всей церкви могутъ быть только епископы, потому что только они стоятъ въ центрѣ жизни церкви.

И намъ представляется весьма странной угроза группы пе-

тербургскихъ священниковъ, что церковь можетъ не принять постановленій епископовъ на томъ основаніи; что постановленія эти могутъ не соответствовать вѣрѣ церкви. Прежде всего странно самое понятіе о церкви. Изъ ихъ словъ выходитъ, что клиръ и міряне будутъ составлять церковь даже и безъ епископовъ, потому что они допускаютъ, что церковь останется церковью, если даже и отвергнетъ епископскія постановленія, а слѣдовательно и ихъ самихъ. Мы же знаемъ, что паства безъ епископа не церковь. Церковь составляютъ вѣрующіе во главѣ съ епископомъ. А по словамъ группы петербургскихъ священниковъ выходитъ, что вѣрующіе, отвергнувъ своихъ епископовъ, останутся церковью. Да и не можетъ быть, что вѣрующіе могутъ не признать рѣшеній епископскихъ. Мы уже видѣли, что вѣра паствы одинакова съ вѣрой епископовъ. Паства только въ томъ случаѣ не признала бы рѣшеній епископовъ, если бы рѣшенія эти оказались противорѣчащими ихъ вѣрѣ. Но до сихъ поръ не слышно было, что епископы наши учатъ неправильно; поэтому странно предполагать, что они, собравшись на соборъ, вынесутъ какое либо новое ученіе. Не можетъ быть и того, чтобы епископы о нуждахъ мірянъ предприняли бы рѣшенія, неприемлемыя для послѣднихъ. Не съ луны же они соберутся; а пріѣдутъ отъ тѣхъ же паствъ, съ которыми они находились въ непрерывномъ общеніи, и о нуждахъ которыхъ знаютъ. Конечно, ни одинъ соборъ не можетъ быть застрахованнымъ отъ того, что его рѣшенія могутъ быть непринятными частью или отдѣльными лицами; но чтобы вся паства не приняла епископскихъ рѣшеній—этого быть не можетъ. И по милости Божіей не будетъ.

Говоря объ епископѣ, какъ представителѣ своей паствы и выразителѣ ея возрѣній и нуждъ, мы далеки отъ мысли идеализировать современное положеніе епископа русской церкви, утверждать, что онъ и не можетъ быть лучшимъ выразителемъ своей паствы. Мы считаемъ его лучшимъ сравнительно съ каждымъ клирикомъ или міряниномъ; но онъ не есть и не можетъ быть при настоящихъ условіяхъ идеальнымъ представителемъ своихъ пасомыхъ. Къ такому представительству существуютъ многія препятствія. И мы укажемъ нѣкоторыя изъ

нихъ, я равно отмѣтимъ и то, что, по нашему разумѣнію, могло бы устранить препятствія и сдѣлать епископа лучшимъ выразителемъ уже безъ всякаго сравненія съ другими вѣрующими.

Мы сказали, что епископъ можетъ быть предстоятелемъ и выразителемъ воззрѣній своей паствы въ силу того, что онъ стоитъ въ центрѣ религіозной жизни своей паствы, къ нему сходятся лучи отъ его пасомыхъ. Но къ сожалѣнію, знаніе, которое онъ получаетъ такимъ путемъ, отличается только общимъ характеромъ и, при теперешнихъ условіяхъ, это знаніе не можетъ быть полнымъ. Епископъ не знаетъ и не можетъ знать всѣхъ нуждъ своихъ пасомыхъ. Почему? Наши епархіи слишкомъ велики. Епархіи съ двумя—тремя сотнями тысячъ пасомыхъ—явленіе рѣдкое. Паствы же съ милліономъ пасомыхъ—явленіе самое обычное. Но не рѣдкость епархіи и съ нѣсколькими милліонами. Однихъ пастырей—сотрудниковъ епископа насчитываются цѣлыя тысячи. При такомъ количествѣ епископу нѣтъ возможности знать даже и своихъ сопастырей, быть знакомымъ съ особенностями каждаго изъ нихъ, ихъ достоинствами и недостатками. О милліонной же паствѣ и говорить нечего. А между тѣмъ при такомъ количествѣ пасомыхъ у епископовъ, естественно, накапливается масса дѣлъ. Дѣлъ такъ много, что для непосредственнаго общенія остается очень мало времени. Въмѣсто живого общенія устанавливается общеніе при помощи бумагъ. Да и этихъ бумагъ такъ много, что для епископа оказывается совершенно невозможнымъ справиться съ ними одному. И естественная нужда создала около епископа канцелярію, консисторію и другія немалочисленные учрежденія, которыя еще болѣе заслонили отъ епископа его паству. Большое количество дѣлъ выпадаетъ уже на эти учрежденія. Но и помимо всего этого, у епископа остается столько дѣлъ, что они поглощаютъ всю энергію даже самыхъ даровитыхъ изъ нихъ. Что дѣйствительно вся энергія епископовъ уходитъ на кабинетное дѣло, стоитъ только обратить вниманіе на такое обычное явленіе. Сколько было и теперь есть несомнѣнно даровитыхъ епископовъ. А что съ ними стало? Пока они находились въ Академіяхъ въ качествѣ профессоровъ или на-

чальниковъ, многіе изъ нихъ заявляли себя прекрасными проповѣдниками, или глубокими мыслителями и богословами. А какъ только вступятъ они на епархію въ качествѣ самостоятельныхъ правителей, слава объ ихъ ученой или проповѣднической дѣятельности почти совершенно умолкаетъ. И только о нѣкоторыхъ изъ нихъ становится извѣстнымъ, какъ о хорошихъ практическихъ дѣятеляхъ. Бумаги и канцеляріи совершенно поглощаютъ всѣ силы нашихъ архипастырей. И на пастырство, эту первѣйшую обязанность епископа, остается очень немного времени. И голоса немногихъ архипастырей звучатъ громко и отчетливо. Такъ, благодаря обширности епархій и множеству канцелярскихъ дѣлъ, силы епископскія размѣниваются по мелочамъ.

Правда, это обиліе неотложнаго дѣла вынуждаетъ епископа работать на благо паствы и чрезъ эту работу пріобрѣтать познанія о своихъ пасомыхъ. Но нельзя не сознаться, что знаніе это посредственное; такъ какъ большая часть его познаній создается при посредствѣ бумагъ. А бумаги, иногда самыя разнообразныя по своему содержанію, вложены бывають въ одну стеріотипную форму. И епископу иногда нужно много провицательности, чтобы за мертвой формой усмотрѣть живую душу писавшаго. Даже если бы бумага представляла собой написанное изъ глубины сердца, то и тогда нужна сложная умозаключающая работа, чтобы на основаніи ея составить правильное понятіе о писавшемъ. А тѣмъ болѣе нужна огромная опытность и способность къ широкимъ обобщеніямъ, чтобы на основаніи бумагъ умѣть составлять вполнѣ правильное понятіе о всей паствѣ. Несомнѣнно многіе изъ епископовъ, благодаря вдумчивости и опытности, доходятъ до вполнѣ правильныхъ сужденій и научаются распознавать свою паству. Но вѣдь есть епископы и не столь способные, а есть и не вдумчивые, которые читають бумаги и не дѣлають соотвѣтствующихъ умозаключеній. Для такихъ и долгое управленіе паствой не дастъ нужныхъ познаній.

Не нужно закрывать глаза и на то, что даже и опытный епископъ, знающій свою паству, знаетъ ее не во всемъ объемѣ. Онъ знаетъ преимущественно ту часть, которая къ нему

ближе, которая имѣеть къ нему больше отношеній. Но онъ знаетъ немного о той части, которая не имѣеть къ нему такихъ отношеній. Какъ часто среди клириковъ и простыхъ мірянъ существуетъ много прекрасныхъ людей, но которыхъ епископъ совершенно не знаетъ, такъ какъ такіе люди, обыкновенно, стоятъ въ сторонѣ, или бывають заслонены другими болѣе сильными и искательными. Впрочемъ эта часть его паствы и безъ вниманія епископа всегда является едва-ли не самой лучшей частью его паствы. Но есть третья часть, которую епископъ мало знаетъ, но знать которую было бы крайне необходимо. Эта часть—есть люди равнодушные, мало или совсѣмъ неинтересующіеся жизнью церкви. О нихъ говорятъ, что они уже отпали и ихъ уже не удержатъ. Но вѣдь было же время, когда они не были отпавшими. Да и отпавшіе-ли они на самомъ дѣлѣ? Можетъ быть, и у нихъ живы религіозные интересы; только не подходятъ они подъ обычныя формы. И если бы присмотрѣлись и къ нимъ отнеслись бы со вниманіемъ, очень можетъ быть и среди нихъ оказалось бы много здоровыхъ, хотя и своеобразныхъ членовъ церкви. Наконецъ есть и такіе, которые сознательно уклоняются отъ жизни Церкви, сознательно уходятъ отъ нея.—За всѣми этими явленіями жизни паствы епископу слѣдить не подъ силу. Ему въ пору блюсти только вѣрныхъ и послушныхъ чадъ. Строптивыхъ и отбивающихся отъ стада ему некогда укрощать или находить и направлять на путь истины. Миссіонерство ему не подъ силу. И отъ стада Христова отпадаетъ много овецъ и попадаетъ въ зубы волковъ исключительно благодаря тому, что стадо слишкомъ велико и пастырю нѣтъ возможности усмотрѣть за всѣми своими овцами.

Указанныя причины, по нашему мнѣнію, являются одними изъ главныхъ. Благодаря имъ, епископъ разъединяется со своею паствой и не можетъ быть идеальнымъ представителемъ своихъ пасомыхъ и выразителемъ ихъ нужды. Чѣмъ же можно помочь уничтожить существующее разъединеніе? И что можетъ помочь епископу быть всестороннимъ выразителемъ нужды своихъ пасомыхъ?

На предсоборныхъ совѣщаніяхъ вопросовъ объ обширности

епархій, о множествѣ пасомыхъ и о множествѣ дѣлъ для епископа не касались и не дѣлали предметами особыхъ разсужденій. Вопросы объ обширности епархій коснулись только при обсужденіи вопроса о дѣленіи епархій на митрополичьи округа и о положеніи викарныхъ епископовъ. А между тѣмъ эти вопросы настолько важны, что на нихъ слѣдовало остановиться съ особымъ вниманіемъ. И намъ представляется, что сокращеніе епархій было бы одной изъ существенныхъ мѣръ въ дѣлѣ осуществленія всесторонняго знанія епископами своихъ паствъ и ихъ представительства.

Представимъ себѣ, что епископы поставлены въ каждомъ городѣ. Тогда бы вмѣсто одного епископа въ каждой теперешней епархій было бы 10—12 епископовъ. И трудъ, который теперь несетъ одинъ епископъ, тогда бы былъ раздѣленъ между 12-ю епископами. Очевидное дѣло, что то, что было не подъ силу одному, стало бы болѣе легкимъ для 12-ти. Тогда бы въ вѣдѣніи каждаго епископа было бы не 1000 пастырей, а около 100. И епископъ звалъ бы ихъ не по аттестаціямъ благочинныхъ и консисторій, а лично; звалъ бы не поименно только, а на самомъ дѣлѣ. А зная ихъ особенности, имѣлъ бы возможность лучше руководить ихъ дѣятельностью. Да и пасомыхъ на его попеченіи было бы въ десять разъ меньше. И по крайней мѣрѣ ему извѣстенъ былъ бы общій обликъ каждаго прихода; звалъ бы онъ, въ какомъ приходѣ религіозная жизнь крѣпка и гдѣ она стала ослабѣвать, гдѣ появились тѣ или иныя отклоненія и какія мѣры нужно употребить для исправленія замѣченныхъ недостатковъ. Все это было бы ему извѣстно не чрезъ бумажныя донесенія, не чрезъ благочинныхъ и консисторіи, а непосредственно, чрезъ общеніе съ пастырями и пасомыми. Но и за всѣми этими дѣлами у епископа всетаки оставалось бы достаточно времени и на другія дѣла.

Но къ сожалѣнію, вопросу о раздѣленіи епархій на предсоборныхъ совѣщанійхъ удѣлено было слишкомъ мало вниманія. Разсужденія носили робкій и неувѣренный характеръ. Встрѣтились затрудненія въ томъ, въ какое отношеніе поставить новыхъ уѣздныхъ епископовъ къ епископу губернскаго города и чѣмъ содержать новыя каѳедры. Рѣшеніе вопроса въ

томъ смыслѣ, что епископскія каѳедры открывать тамъ, гдѣ найдутся мѣстныя средства, ясно показало зависимость столь важнаго вопроса отъ матеріальныхъ средствъ. Но вѣдь не дѣло предсоборныхъ совѣщавій было высчитывать, сколько будетъ стоить то или иное предпріятіе. Ихъ дѣло было высказаться съ принципиальной стороны; ихъ обязанность была рѣзко и опредѣленно выставить крайнюю нужду въ новыхъ епископскихъ каѳедрахъ, благодѣтельность этой новой мѣры. Еслибы въ такомъ смыслѣ рѣшенъ былъ поставленный вопросъ, тогда бы и вопросъ о средствахъ содержанія не приобрѣлъ бы такого важнаго значенія. При теперешней постановкѣ, вопросъ рѣшенъ въ такомъ смыслѣ, что какъ будто и нѣтъ особенной нужды въ новыхъ каѳедрахъ, и безъ нихъ можно обойтись. Если же кто хочетъ завести такую роскошь, то пусть самъ и разыскиваетъ свои средства. Но открытіе новыхъ каѳедръ не есть роскошь, а есть насущная необходимость. Да и вопросъ о средствахъ не можетъ уже представляться такимъ страшнымъ. Несомнѣнно, если при каждой новой каѳедрѣ станемъ устраивать консисторіи со всѣми ихъ штатами, училищныя совѣты, штаты каѳедральныхъ соборовъ, тогда средствъ потребуется слишкомъ много; и теперешней епархіи нести бремя десяти консисторій и каѳедральныхъ соборовъ не будетъ никакой возможности. Но вѣдь тогда и въ такихъ обширныхъ губернскихъ консисторіяхъ не будетъ нужды, потому что дѣлъ будетъ въ нѣсколько разъ меньше; а дѣла уѣздныхъ епископій легко могутъ быть исполняемы и епископскими совѣтами изъ священниковъ и діаконовъ. Труда у нихъ будетъ гораздо меньше и уплачивать имъ придется тоже гораздо меньше, чѣмъ теперешнимъ членамъ консисторій и столоначальникамъ. Если бы устроить дѣло попроще, тогда и мѣстныхъ средствъ нашлось бы въ достаточномъ количествѣ. Нужно только отрѣшиться отъ мысли, что ужъ если архіерей, то непременно и карета съ четверкой лошадей. Не бѣда, если уѣздные епископы будутъ жить попроще. Простота только сблизитъ ихъ съ паствами. Во всякомъ случаѣ вопросъ о сокращеніи епархій настолько важенъ, что отказываться отъ его

утвердительнаго рѣшенія изъ-за недостатка средствъ составляетъ крупную ошибку предсоборныхъ совѣщаній.

Второй мѣрой сдѣлать епископа истиннымъ представителемъ своей паствы и выразителемъ ея нуждъ—необходимо признать выборное начало. Но выборное начало мы понимаемъ не въ узкомъ смыслѣ избранія кандидата на епископскую кафедру одними клириками и мірянами вдовствующей паствы, при чемъ епископы только констатируютъ формальную правильность выборовъ. Подъ выборами мы разумѣемъ одинаково активное участіе въ выборахъ и вдовствующей паствы, и епископовъ всего округа. Такіе выборы мы считаемъ необходимыми вотъ почему. При теперешнемъ обычаѣ назначать епископовъ со стороны, каждому новому епископу приходится изучать жизнь своей паствы. Да и послѣ долгаго изученія знаніе паствы все-таки не будетъ всестороннимъ. А между тѣмъ необходимо знаніе всестороннее и при томъ съ самаго же начала вступленія на кафедру. Вотъ такое-то знаніе паствы съ самого начала и можетъ быть гораздо лучше достигнуто, если епископомъ будетъ избираемъ мѣстный человѣкъ. Паства избираетъ лучшаго изъ своей среды, т. е. такого, который выдается своими познаніями, своею жизнью и духовнымъ опытомъ. Какъ лучшій человѣкъ, избираемый является и лучшимъ выразителемъ вѣры и упованія паствы, которая его избираетъ. Но такъ какъ жизнь каждой паствы отличается тѣми или иными особенностями; а на этой почвѣ всегда возможны и отклоненія, которыя сначала могутъ быть незамѣтными, а потомъ, развиваясь, дѣлаются и настоящими отступленіями въ сферѣ религіозной жизни, то и необходимъ самый тщательный контроль епископовъ—этихъ носителей и хранителей апостольской вѣры. Собранныя епископы и должны испытать намѣченнаго вдовствующей кафедрой лучшаго человѣка, чтобы видѣть, согласна ли съ ихъ вѣрой его вѣра. Это испытаніе не должно быть одной только формальностью или не должно ограничиваться той, часто бессодержательной рѣчью, съ которой иной нарѣкаемый обращается къ епископамъ. Нѣтъ. Избранный паствой долженъ произнести предъ собравшимися епископами подробное исповѣданіе вѣры. А епископы внимательно выслушаютъ

и потомъ всесторонне испытають, такъ-ли онъ думаетъ, какъ произнесъ въ своемъ исповѣданіи. Въ заключеніе же испытанія онъ даетъ клятвенное обѣщаніе учить свою паству этой самой вѣрѣ. Потомъ, такъ какъ при выборахъ всегда возможны злоупотребленія, то долженъ быть восстановленъ древній обычай дозволить говорить объ избираемомъ все, что кто найдетъ нужнымъ сказать. Пусть лучше до избранія откроется все, чѣмъ послѣ избранія станетъ извѣстнымъ объ епископѣ что-либо неблаговидное. И только послѣ такого всесторонняго изслѣдованія вѣры и жизни избираемаго онъ будетъ признаваемъ достойнымъ избранія со стороны собравшихся епископовъ. Если же намѣченный кандидатъ окажется неудовлетворяющимъ по своей жизни или вѣрѣ, то епископы имѣютъ власть отклонить избранника паствы и предложить паствѣ указать другого или же самимъ указать на достойнаго человѣка. Избранные такимъ образомъ епископы будутъ желанными представителями своихъ паствъ и исповѣдниками вѣры Апостольской.

Д. Брянцевъ.

О СОВРЕМЕННОМЪ СЕКТАНТСТВѢ И БОРЬБѢ СЪ НИМЪ.

Современное движеніе сектантства въ нашемъ отечествѣ.—Вліяніе его на религіозную жизнь христіанъ съ отрицательной и положительной стороны.—Взаимная связь всѣхъ сектантскихъ ученій въ этомъ отношеніи.—Сходство ихъ въ томъ, что они смотрятъ на христіанство, какъ на религію исключительно *духовную*.—Толчекъ къ развитію преимущественно *духовной стороны* въ человѣкѣ, данный сектантскимъ движеніемъ.—Пробужденіе и стремленіе къ *духовной жизни*, замѣчаемое въ настоящее время среди русскаго интеллигентнаго общества, какъ слѣдствіе этого толчка.—Объясненіе сектантскаго движенія въ пользу духовной стороны человѣческой природы. Сходство его съ нѣмецкимъ протестантизмомъ и отличіе его отъ русскаго старообрядчества.—Краткая характеристика сектъ древнихъ и новыхъ.—Взглядъ на духовную жизнь сектантовъ въ сравненіи со взглядомъ на ту же жизнь Православной Церкви.—Различные виды и проявленія этой жизни въ теоріи и на практикѣ; а) слово Божіе; б) молитва; в) причащеніе.—Примѣры изъ области того и другого ученія.—Можно-ли довольствоваться православнымъ христіанамъ ученіемъ сектантства въ вопросѣ о духовной жизни и можетъ-ли быть когда-либо достигнута по этому ученію вѣрная духовная жизнь?—Значеніе притчи Спасителя о пшеницѣ и плевелахъ въ примѣненіи къ разнаго рода сектантамъ, появляющимся въ Церкви.—Мѣры борьбы съ сектантствомъ.—Въ чемъ должны выражаться эти мѣры со стороны пастырей и пасомыхъ въ настоящее время.—Высочайшій Указъ о вѣротерпимости.—Жизненная и литературная борьба съ сектантствомъ.—Истинное понятіе о вѣротерпимости.

На каждого изъ насъ, образованныхъ русскихъ людей, дорожащихъ благосостояніемъ отечества и интересами православія, производило тяжелое впечатлѣніе современное движеніе сектантства, начавшееся въ нашемъ отечествѣ нѣсколько десятилѣтій тому назадъ и ясно выразившееся въ настоящее время въ видѣ штундизма, баптизма, молоканства, хлыстовщины, навиковщины, толстовщины, и многихъ другихъ сектантскихъ ученій, охватившихъ съ разныхъ сторонъ нашу многострадальную Русь. Правда, сектантскія движенія бывали въ Россіи и ранѣе указаннаго нами времени, но они проходили какъ-то вскользь и незамѣтно и не оставляли послѣ себя такого глу-

боваго слѣда, какъ сектантское движеніе послѣдняго времени. Уже изъ одного перечня сектантскихъ ученій, не говоря о числѣ ихъ послѣдователей, которыхъ нужно считать десятками и сотнями тысячъ, ясно можно видѣть живучесть и прочность этихъ самыхъ сектантскихъ ученій. Въ настоящее время изъ всѣхъ сектантскихъ ученій особенно выдѣляются нѣкоторыя, какъ уже вполнѣ готовыя и сформировавшіяся по своему направленію ученія. Таковы именно вышеупомянутыя нами сектанскія ученія. А сколько еще существуетъ у насъ сектантскихъ ученій, быть можетъ, еще не вполнѣ раскрывшихся по своему содержанію,—сектантскихъ ученій тайныхъ и, тѣмъ не менѣе, такъ или иначе вліяющихъ на жизнь современнаго русскаго общества! „Никогда не было,—говоритъ К. П. Побѣдоносцевъ въ своей книжкѣ: „Вопросы жизни“,—такого размноженія сектъ всякаго рода, какъ въ наше время господствующей повсюду цивилизаціи и усилившагося общенія между классами общества. Какъ будто проснулась вновь въ массахъ потребность мистическаго стремленія къ какой-то новой вѣрѣ, по мѣрѣ того, какъ ослабѣли въ обществѣ вѣковѣчныя вѣрованія и преданія минувшихъ поколѣній“¹⁾.

Въ чемъ же, спросимъ теперь, отразилось вліяніе сектантскаго движенія послѣдняго времени на жизнь нашего общества? Всякое ученіе, какое бы оно ни было, непременно оставляетъ послѣ себя какой либо слѣдъ въ той средѣ, гдѣ оно водворилось съ самаго начала и прочно завоевало себѣ симпатіи общества. Такой слѣдъ и, притомъ, весьма замѣтный и глубокій слѣдъ оставили за собою и всѣ сектантскія ученія послѣдняго времени по мѣрѣ возникновенія ихъ въ нашемъ отечествѣ.

На сектантскія ученія обыкновенно смотрятъ у насъ съ одной только стороны, именно: *съ отрицательной*. Въ нихъ видятъ преимущественно и исключительно только стихію, разрушительно дѣйствующую на всѣ твердо установившіяся въ настоящее время устои Церкви и государства. Эти устои сектанство, по мнѣнію нѣкоторыхъ, хотѣло бы сломать окончательно и на мѣстѣ ихъ воздвигнуть новыя, своеобразныя и

¹⁾ Вопросы жизни. Москва. 1904 г. стр. 12.

оригинальныя, отличающія ихъ отъ всѣхъ прочихъ. Конечно, это такъ. И всякій долженъ съ этимъ согласиться. Но правда-ли, что сектанство, о которомъ такъ много говорятъ теперь и пишутъ, не имѣло никакого вліянія на релігіозную сторону христіанъ съ положительной стороны своей? Правда-ли, что оно не дало имъ въ этомъ отношеніи ничего такого, что заслуживало бы вниманія съ вашей стороны? Правда-ли, что, въ сектанскомъ движеніи кромѣ темныхъ сторонъ нѣтъ ни одной свѣтлой стороны? По нашему мнѣнію, неправда. Конечно, мы должны предупредить здѣсь читателей своихъ, что мы призваны не къ апологіи сектанства—этого, можно сказать, полухристіанства, ничего не имѣющаго общаго съ истиннымъ христіанствомъ, какъ увидимъ это сейчасъ,—не къ апологіи сектанства, оторвавшагося отъ Православной Церкви и находящагося теперь въ ея общеніи. Нѣтъ! Наша задача имѣетъ апологетическій характеръ защиты ученія святой Церкви Божіей, этого, по истинѣ, твердаго и несокрушимаго никакими силами, земными и преисподними, „стола и утвержденія истинны“ (1 Тим. III, 5), основаніемъ котораго является Самъ Христосъ Спаситель (1 Кор. III, 10).

Не, имѣя это въ виду и сознавая важность своей задачи, мы при всемъ томъ не можемъ не отнестись съ должнымъ вниманіемъ и къ современному сектантскому движенію, охватившему собою со всѣхъ концовъ наше обширное отечество. Не останавливаясь здѣсь на причинахъ возникновенія его у насъ и не разбирая въ отдѣльности каждаго изъ нихъ (это уже сдѣлано было другими лицами и въ другое время), мы имѣемъ въ виду въ настоящій разъ обратить вниманіе русскихъ православныхъ людей въ все вообще въ совокупности сектантскія ученія послѣдняго времени. И здѣсь, прежде всего, указать на тѣсную, внутреннюю связь этихъ сектантскихъ ученій между собою въ указанномъ отношеніи. Все сектантскія ученія, какъ весьма схожія между собою во взглядѣ на христіанство, какъ на релігію исключительно духовную, несомнѣнно повліяли на современныхъ христіанъ тѣмъ именно, что пробудили въ нихъ *духовную жизнь*, заснувшую быдо со-
всѣмъ, и дали толчекъ къ развитію ея среди нихъ. Какова

эта жизнь у самихъ сектантовъ и у всѣхъ послѣдователей ихъ, похожа ли она на истинную духовную жизнь, которою должны жить члены Православной Церкви, или же она представляетъ собою одно только подобіе ея въ видѣ жалкаго прозябанія, — это, конечно, вопросъ другого рода, требующій необходимаго разъясненія. Посильное разъясненіе этого вопроса, замѣтимъ здѣсь, и составляетъ главный предметъ настоящей статьи.

Мы указали на тѣсную связь всѣхъ сектантскихъ ученій между собою и на близкое сходство ихъ другъ съ другомъ во взглядѣ на христіанство, какъ на религію исключительно духовную. Эта связь и это сходство невольно бросаются въ глаза каждому безпристрастному изслѣдователю того или иного сектантскаго ученія. Въ другихъ отношеніяхъ, напримѣръ, въ отношеніи причивы возникновенія сектантскаго движенія въ нашемъ отечествѣ, въ отношеніи внутренняго и внѣшняго устройства его быта, въ отношеніи ученія о Церкви вообще; — разумѣя подъ ней не одну только внутреннюю и невидимую сторону, но и внѣшнюю и видимую, въ смыслѣ собранія вѣрующихъ, — въ отношеніи ученія о семьѣ, обществѣ и государствѣ въ частности, можно встрѣтить различныя и подчасъ противорѣчивыя сужденія сектантовъ нынѣшняго времени. Въ отношеніи же ученія о христіанствѣ, какъ о духовной религіи, они всѣ, можно сказать, сходятся между собою и становятся въ тѣсные ряды поборниковъ и защитниковъ провозглашеннаго ими начала, во имя котораго и ратуютъ твердо и энергично. Да, не въ какое-либо иное имя, а во имя духовнаго начала въ религіи происходитъ современное движеніе сектантства, принявшее въ своей практической жизни столь многіе и различныя оттѣнки и направленія! Это ясно и несомнѣнно до очевидности. Переберите всѣ, какія вамъ угодно, сектантскія ученія, возникшія и возникающія у насъ за послѣднее время въ столь большомъ количествѣ, и вы убѣдитесь, что они руководятся именно въ своемъ дѣйствіи вышеуказаннымъ нами началомъ. Это начало глубоко лежитъ въ основѣ cadaго изъ нихъ; оно, какъ рычагъ, заправляетъ всѣми ихъ внутренними и внѣшними пружинами. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ многоразличныя и разнообразныя секты, возникшія на почвѣ русской земли,

отъ низшихъ до высшихъ, отъ малыхъ и слабыхъ по своимъ размѣрамъ до великихъ и сильныхъ, всѣ онѣ имѣютъ въ виду это самое духовное начало, всѣ онѣ руководятся имъ постоянно въ своей жизни и дѣятельности.

Вотъ, на примѣръ, штундизмъ съ близкими и однородными ему сектами: молоканствомъ, хлыстовщиной, духоборчествомъ и т. п. Всѣ онѣ въ большинствѣ случаевъ представляютъ собою секты низшаго разряда, къ которому принадлежать преимущественно классы простого населенія. Чѣмъ же, спросимъ теперь, руководятся въ своей религіозной жизни всѣ такіе сектанты? Ничѣмъ инымъ, какъ именно стремленіемъ къ духовной жизни въ противовѣсъ какъ бы тѣлесной. На это ясно указываютъ намъ всѣ ихъ молитвенныя собранія, на которыхъ они, безъ всякой посредствующей внѣшне-обрядовой стороны, стараются развить въ себѣ духовную жизнь. Въ силу этого стремленія нѣкоторые изъ нихъ такъ и называются *духовными христианами*, самымъ именемъ своимъ показывая сущность своей вѣры.

Къ болѣе высшему разряду относятся другія современныя секты, какъ, на примѣръ, толстовщина, замѣнившая собою пашковщину, къ которой близко примыкаютъ различныя спиритическія секты, считающія своими послѣдователями людей, принадлежащихъ преимущественно къ интеллигентному классу. Эти сектанты въ свою очередь стараются не отстать отъ своихъ товарищей по профессіи въ дѣлѣ пробужденія и развитія духовной жизни, понимая ее, конечно, по своему. Если мы хотя нѣсколько ознакомимся съ содержаніемъ ихъ религіознаго ученія, на примѣръ, съ гимнами пашковцевъ, распѣвавшими когда-то въ ихъ молитвенныхъ собраніяхъ, происходившихъ всегда въ частныхъ домахъ и при закрытыхъ дверяхъ; если мы, далѣе, познакоимся съ ученіемъ спиритовъ и побываемъ на ихъ сеансахъ; если мы обозримъ ихъ литературу и, такимъ образомъ, познакоимся съ ихъ жизнію: (ибо литература есть вѣрное отраженіе дѣйствительной жизни): то къ какому несомнѣнному выводу придемъ мы въ концѣ концовъ? Все къ тому же, т. е., мы должны будемъ признать, что во всѣхъ дѣйствіяхъ современныхъ сектантовъ замѣчается

сильный поворотъ къ духовной сторонѣ человѣческой природы, выражается искреннее желаніе придти на помощь въ дѣлѣ рѣшенія духовныхъ запросовъ вѣры и религіи.

Итакъ, съ тѣмъ фактомъ, что толчекъ къ развитію преимущественно духовной стороны въ человѣкѣ былъ данъ сектантскимъ движеніемъ, мы должны непременно нынѣ считаться, дѣлая характеристику послѣдняго. Какъ на прямое и естественное слѣдствіе этого толчка мы должны указать здѣсь также еще на пробужденіе и стремленіе къ духовной жизни, особенно замѣчаемое въ настоящее время среди русскаго интеллигентнаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, если бы не было у насъ этого сектантскаго движенія, то не было бы у насъ и такого всеобщаго пробужденія и такого живого стремленія къ различнаго рода духовнымъ запросамъ, происходящимъ теперь во всѣхъ рѣшительно сферахъ общественной жизни: и въ сферѣ церковной со стороны пастырей церкви, и въ сферѣ гражданской со стороны тѣхъ или иныхъ дѣятелей гражданского вѣдомства, какъ, напр., со стороны родителей, въ сферѣ семейной, и со стороны педагоговъ, въ сферѣ школьной. Вездѣ, какъ мы видимъ, духовные религіозно-нравственные вопросы, которые когда-то были отодвинуты назадъ, поставлены теперь на первомъ планѣ или же, по крайней мѣрѣ, близки къ этому. Все это, безъ сомнѣнія, указываетъ на сильное вліяніе сектантскаго движенія, которое вначалѣ было проникнуто тѣмъ же самымъ характеромъ и стремленіемъ.

Но, признавая это, мы никогда не должны упускать изъ виду и того обстоятельства, что сектанты, стремясь всѣми силами къ духовной жизни и развивая ее въ себѣ всѣми способами и средствами, какъ дозволенными, такъ и недозволенными, какъ законными, такъ и незаконными, добиваются всего этого помимо единственнаго и руководящаго въ этомъ случаѣ всѣхъ истинныхъ христіанъ въ мірѣ авторитета, называемаго Церковію, добиваются единолично и самостоятельно. Порвавъ живую и благотворную связь съ православною Церковію, нѣкоторые изъ нихъ основали свою собственную церковь, въ которой и дозволяютъ себѣ самочинныя религіозныя сборища. А нѣкоторые, какъ вѣвѣтно, обходятся въ этомъ случаѣ и

совсѣмъ безъ Церкви, руководясь однимъ только разумомъ и совѣстію. По всѣмъ приемамъ и дѣйствіямъ внѣшнихъ сектантовъ можно заключить, что имъ повидимому до сихъ поръ шло чрезвычайно трудно, что ихъ какъ будто толкала какая-то внѣшняя сила, выводя на болѣе широкій и просторный путь сравнительно съ тѣмъ, по какому они раньше шлѣ. И вотъ эта сила проторгнулась наружу, увлекая за собою и тѣхъ, кого толкала. Отсюда произошелъ быстрый разливъ сектантскаго потока, образовавшагося въ нѣдрахъ нашего отечества. Видно также и то, что сектантовъ толкала грубая и физическая сила. Этимъ именно объясняется ихъ обращеніе къ духовной сторонѣ человѣка, которая была въ нихъ почти совсѣмъ заглушена и увичтожена. Понятно, что съ ихъ стороны должна была произойти реакція въ пользу духовной стороны человѣческой природы,—реакція, послужившая вмѣстѣ съ тѣмъ протестомъ противъ грубой и физической силы. Въ этомъ отношеніи современное сектанство можно сравнить съ лютеранствомъ—этимъ, по-истинѣ, родоначальникомъ всѣхъ сектанствъ, когда-либо появлявшихся за нимъ во всемъ мѣрѣ.

Какъ древнее лютеранство было протестомъ противъ католичества, противъ злоупотребленій папства (отсюда оно получило, какъ извѣстно, и самое названіе протестанства): такъ точно и современное русское сектанство явилось своего рода протестомъ противъ злоупотребленій тѣлесной природы человѣка, противъ вообще матеріальнаго направленія въ жизни, господствовавшаго до тѣхъ поръ въ нѣкоторой части нашего общества. Но, близкое по духу и направленію къ древнему нѣмецкому протестантизму, современное русское сектанство находится въ прямой противоположности съ русскимъ же сектанствомъ, такъ называемымъ старообрядчествомъ. Это послѣднее съ самаго появленія своего на свѣтъ и до сихъ поръ ратуетъ, какъ извѣстно, больше всего не за духовное начало, составляющее сущность всякой религіи, но за внѣшне-обрядовое, служащее только формой ея. Тамъ въ старообрядствѣ, мы видимъ преобладающую букву закона, которая по слову Апостола, *убиваетъ*; здѣсь же, въ сектанствѣ, мы видимъ пробужденный духъ человѣческой, который *оживотворяетъ* (2 Кор. III, 6).

Если же такъ, если современное русское сектанство имѣеть въ основѣ своихъ чаяній и стремленій высшіе духовныя запросы, волнующіе умъ и сердце человѣка, то оно, по видимому, право, какъ стоящее на твердой и незыблемой почвѣ. Но такъ ли это въ дѣйствительности? Въ томъ то и дѣло, что принципъ, провозглашенный въ теоріи современными сектантами, не проведенъ ими въ практической жизни, какъ должно. Въ томъ то и дѣло, что нѣкоторыя заповѣди Христовы и Апостольскія, приводимыя ими въ оправданіе своего ученія, повяты ими невѣрно и односторонне. Въ этомъ мы легко убѣдимся, если сравнимъ взглядъ на духовную жизнь сектантовъ съ ученіемъ о той же жизни Православной Церкви, съ которой они порвали всякую связь. Но, прежде чѣмъ перейти къ этому вопросу, сдѣлаемъ здѣсь краткую характеристику сектъ древнихъ и новыхъ.

Если мы обратимся къ историческому обозрѣнію сектъ, образовавшихся въ западномъ христіанствѣ еще во второй половинѣ XVII вѣка, и прослѣдимъ ихъ развитіе и распространеніе въ предѣлахъ Европы и другихъ частей свѣта, то увидимъ, что главное стремленіе ихъ было во всемъ почти одинаково. Какъ древніе сектанты, напримѣръ, квакеры, піетисты, методисты, квіетисты, масоны, спириты и т. п., такъ и новые сектанты, напримѣръ, штундисты, баптисты, молокане, духоборы, пашковцы, толстовцы и т. п. „стремясь, вопреки господствующему въ католическомъ и протестанскомъ богословіи сухому разсудочному ревонерству, болѣе возбудить религіозное чувство и поднять нравственную жизнь въ христіанствѣ, сначала пришли къ убѣжденію, что не нужно никакихъ учителей, богослововъ, толкованій, исповѣданій, символовъ вѣры, а нужно каждому искать личнаго религіознаго вразумленія въ библіи. Потомъ, замѣтивъ, что и библія не даетъ имъ яснаго вразумленія относительно религіозныхъ вопросовъ, они стали учить, что и библія сама по себѣ мертвая буква, а нужно добиваться живого внутренняго слова—непосредственнаго личнаго возбужденія, озаренія и вдохновенія отъ Духа Святаго. На этомъ основаніи они и увлеченные ими послѣдователи, оставивъ всякія религіозныя собранія, ученія и обряды господствующей

церкви, положили дѣлать свои отдѣльныя собранія, на которыхъ, послѣ чтенія священнаго писанія и внутренней молитвы, въ молчаніи и сосредоточеніи духа дожидаться внутренняго возбужденія и озаренія. Если у кого явится такое возбужденіе и онъ станетъ учить и пророчествовать (будь то мужчина или женщина, образованный или необразованный человѣкъ), тѣ ученія и нужно принимать за высшее откровеніе и ими руководствоваться въ вѣрѣ и жизни; а затѣмъ уже не нужно никакихъ обязательныхъ символовъ вѣры, обрядовъ, таинствъ и ничего церковнаго ¹⁾. Таково, говоримъ, въ общихъ чертахъ религіозное ученіе всѣхъ сектантовъ какъ древнихъ, такъ и новыхъ.

Что касается теперь взгляда современныхъ сектантовъ, какъ-то: шундистовъ, баптистовъ, молоканъ, духоборовъ и др., на духовно-религіозную жизнь, то упомянутые нами сектанты обосновываютъ его главнымъ образомъ на нѣкоторыхъ, какъ мы сказали, заповѣдяхъ Христовыхъ и Апостольскихъ, приводимыхъ ими въ оправданіе своего ученія и толкуемыхъ ими совершенно произвольно и превратно, какъ увидимъ это потомъ. Въ силу этого взгляда они отрицаютъ въ церковной жизни все внѣшнее, видимое, обрядовое, и ограничиваются въ ней однимъ только внутреннимъ, невидимымъ, догматическимъ. Въ оправданіе своего отъ церковной жизни отступленія они обзываютъ различныя, существующіе теперь, порядки церковныя оплотненіемъ и отѣлесеніемъ христіанства, долженствующаго будто бы быть чисто духовнымъ. А свое вѣроученіе называютъ „закономъ духа“. Частіе, характеръ его, по словамъ ихъ, опредѣляется такъ: „мы вѣруемъ,—говорятъ они,—что сей новый завѣтъ, который долженъ быть напечатлѣнъ въ сердцахъ, сей законъ духа долженъ сдѣлать всѣхъ человѣковъ духовными, и что внутренняя религія заключается въ служеніи Богу духомъ и истиною“ ²⁾. Такимъ образомъ, по ученію

1) „О западныхъ вѣроисповѣданіяхъ“, прот. А. М. Иванцова-Платонова. Москва 1887 г. стр. 84—85.

2) См. „Вѣроученіе шундистовъ“ въ кн. „Краткій очеркъ шундизма и сводъ текстовъ, направленныхъ къ его обличенію“, сост. преподав. Одесск. дух. семина. сваящ. І. Стрѣльбицкія. Одесса. 1893 г. стр. 125.

сектантовъ, поклоненіе Богу должно выражаться *однимъ духомъ*, безъ участія тѣла, т. е., безъ всякихъ внѣшнихъ формъ и обрядовъ.

Ставши на эту точку зрѣнія, сектанты, понятное дѣло, оставили у себя только тѣ богослужебно-общественныя учрежденія—наставленія и поученія, пѣснопѣнія и молитвы, которыя, по ихъ мнѣнію, являются плодомъ непосредственнаго вдохновенія; все же прочее, признаваемое православно-христіанскою Церковію выраженіемъ истиннаго служенія Богу, наиримѣръ, иконопочитаніе, храмы, богослужебныя обряды, тѣлесныя посты, сочли человѣческимъ вымысломъ, и самое служеніе Богу негоднымъ, суевѣрнымъ и даже идолопоклонствомъ¹⁾.

Живость ученія современныхъ сектантовъ о христіанствѣ, какъ религіи исключительно духовной, или о томъ, что Богу должно воздавать только одно внутреннее поклоненіе—духомъ, можно видѣть уже изъ самаго общаго, вполне согласнаго съ св. Писаніемъ, понятія, что всякая религія, а стало быть и христіанская, есть союзъ Бога съ человѣкомъ, существомъ духовно-тѣлеснымъ, а не духовнымъ только. Какъ существо духовно-тѣлесное, человѣкъ ни самъ иначе не можетъ обнаруживать своей внутренней жизни, какъ во внѣшней дѣятельности, въ тѣхъ или другихъ видахъ, равнымъ образомъ и другой кто не можетъ на него дѣйствовать иначе, какъ только при помощи внѣшнихъ средствъ. Таковъ законъ сотворенной Богомъ природы человѣка, по которому духъ никогда не живетъ на землѣ отдѣльно отъ тѣла, ни тѣло не живетъ отдѣльно отъ духа, съ прекращеніемъ же такой связи, когда духъ оставляетъ жизнь съ тѣломъ, наступаетъ для послѣдняго видимая смерть. Поэтому было бы противестественно требовать отъ живого человѣка одного поклоненія Богу—духомъ, безъ всякихъ внѣшнихъ формъ. Самъ же Іисусъ Христосъ, высочайшій образецъ нашего служенія Богу, живя на землѣ и поклоняясь Отцу Своему, выражалъ это поклоненіе въ тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ

¹⁾ „Обличеніе заблужденій штундизма“. Опытъ подробнаго разбора лжеученія сектантовъ штундизма. Изд. Троицкаго. Изд. вт. испр. и доп. Кіевъ. 1891 г. стр. 189.

формахъ, возводя къ небу очи и руки, преклоняя колѣня, повергаясь лицомъ на землю, ходилъ въ Иерусалимскій храмъ, который называлъ домомъ молитвы, постился, совершалъ пасху и другіе обряды, молился словами псалмовъ Давида и притомъ въ самыя великія и торжественныя минуты, когда вистѣлъ на крестѣ. Не значить-ли все это, что и мы должны служить и прославлять Бога, какъ говоритъ Ап. Павелъ, „въ тѣлахъ и душахъ нашихъ, которыя суть Божіи“ (1 Кор. 6, 20)? Очевидно—такъ. А потому странно было бы думать, что Иисусъ Христосъ, говоря: „Богъ есть Духъ... и поклоняющіеся Ему должны поклоняться въ духѣ и истинѣ“, заповѣдалъ намъ одно духовное поклоненіе“ ¹⁾. Нѣтъ! „Христіанство въ высшей степени духовно, ибо благодатно; но яе невидимо. И христіане истинные въ высшей степени духовны, ибо непремѣнно облагодатствованы; но не безплотны. Почему, при всей духовности наивысшей, они не могутъ не дѣйствовать тѣлесно не только въ отношеніи къ людямъ, но и въ отношеніи къ Богу,—въ самыхъ духовнѣйшихъ движеніяхъ сердецъ своихъ. Отсюда слѣдуетъ, что, смотря на видимое, чѣмъ выражается христіанская жизнь въ Церкви и христіанахъ, несправедливо все въ нихъ и ограничивать сею одною видимостію. Не справедливо-ли, напротивъ, подъ этимъ видимымъ провидѣть невидимое и духовное, какъ въ словѣ мы осязательно встрѣчаемъ сокрытую мысль“ ²⁾. И дѣйствительно, всѣ истинные христіане такъ именно и относятся къ этой сторонѣ богослуженія церковнаго. Въ ихъ глазахъ „всѣ христіанскія священнодѣйствія, съ одной стороны, высочайше духовны, какъ совершаемыя всесвятымъ Духомъ Божіимъ, не смотря на то, что сопровождаются внѣшними обрядами и совершаются подобострастными намъ чело-вѣками: съ другой,—высочайше истинны, потому что не означаютъ только или предзнаменуютъ, а дѣйствительно и истинно сообщаютъ благодать, не смотря на то, что совершаются при посредствѣ простого вещества и простыхъ чело-вѣческихъ дѣйствій“ ³⁾.

¹⁾ Ibid., стр. 140—141.

²⁾ Письма къ разнымъ лицамъ о разныхъ предметахъ вѣры и жизни. Князя Феофана. Изданіе второе. Москва. 1892 г. стр. 249.

³⁾ Облич. заблужд. штунд. Троицкаго. Стр. 142.

Если же такъ нужно понимать вообще природу духа чело-вѣческаго, обнаруживающагося во внѣшней жизни и дѣятельности всѣхъ людей на свѣтѣ, то, стало быть, несправедливо называютъ сектанты,—эти мнимо-духовные христіане наши,—свое вѣроученіе „закономъ духа“. Не законъ духа проповѣдуютъ они въ этомъ случаѣ, а свое собственное своеволие и беззаконіе; не широту и свободу духа отъ узъ плоти, стѣсняющей его будто бы на каждомъ шагу, возвѣщаютъ они намъ, а, напротивъ, узкость и ограниченность его въ здѣшной земной области. Если бы они свою теорію „закона духа“ вздумали осуществлять, какъ слѣдуетъ, на практикѣ: то имъ, конечно, пришлось бы отказаться теперь отъ такихъ естественныхъ и вполне необходимыхъ вещей, какъ, напр., вкушеніе пищи посредствомъ рта и другихъ тѣлесныхъ органовъ, хожденіе ногами по землѣ, дѣланіе руками и т. п. Если же это является прямо абсурдомъ и невозможностію, то такой же характеръ имѣетъ и ихъ ученіе о христіанской религіи, какъ религіи исключительно духовной. Намъ думается, что въ этомъ отношеніи сектантами руководитъ не чувство истины и правды, которое одно только можетъ быть показателемъ ихъ уровня духовной жизни вообще, а чувство лжи и неправды, которое они возвели въ принципъ своей дѣятельности и которое они стараются навязать всѣми силами и средствами всѣмъ остальнымъ людямъ. Нѣтъ, не таковъ взглядъ на духовную жизнь у истинныхъ христіанъ; не такъ проявляется у нихъ эта жизнь въ настоящее время!...

Мы уже видѣли, при разборѣ взгляда на духовную жизнь сектантовъ, въ чемъ заключается сущность этой жизни по взгляду на нее Православной Церкви. Покажемъ здѣсь еще различные виды и проявленія духовной жизни у истинныхъ христіанъ въ теоріи и на практикѣ, при чемъ приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ области того и другого ученія.

Главнѣйшія теченія духовной жизни выражаются, какъ извѣстно, наиболѣе рельефнымъ и существеннымъ образомъ въ трехъ отношеніяхъ: 1) *въ словѣ Божіемъ*, 2) *въ молитвѣ* и 3) *въ приобщеніи Святыхъ Таинъ*. На нихъ преимущественно мы и остановимся сейчасъ въ своемъ изложеніи духовной жизни.

Что касается перваго изъ упомянутыхъ нами средствъ для развитія и поддержанія въ христіанинѣ духовной жизни, именно слова Божія, то оно, дѣйствительно, является однимъ изъ самыхъ главныхъ и важныхъ. На него указываетъ Самъ Христосъ Спаситель словами: *не о хлѣбѣ единомъ живезъ будетъ человекъ, но о всякомъ глаголю изходящемъ изъ устъ Божіихъ* (Мате. IV, 4). Правда, здѣсь говорится о томъ, что „можно удовлетворить голодъ, кромѣ хлѣба, другими предметами, по указанію или дѣйствию Божію. Но, безъ сомнѣнія, въ этомъ изреченіи содержится указаніе на духовную пищу, которою питается вѣрующій человекъ, при которой онъ какъ бы забываетъ на время о пищѣ тѣлесной, какъ бы не чувствуетъ нужды въ ней; эта духовная пища есть слово Божіе, божественное ученіе, божественныя заповѣди и повелѣнія, исполненіе которыхъ составляетъ духовную пищу, болѣе нужную для души, чѣмъ пища тѣлесная“¹⁾. По словамъ Христа Спасителя: „Моя пища есть творить волю пославшаго Меня, и совершить дѣло Его“ (Іоан. IV, 34).

Но слово Божіе, въ качествѣ духовной пищи, является потребнымъ и необходимымъ не столько для тѣла человека, сколько для души его, какъ это засвидѣтельствовано во многихъ другихъ мѣстахъ Священнаго Писанія. *Глаголы, яже Азъ глаголаехъ вамъ, духъ суть и животъ суть* (Іоан. VI, 63)—эти слова Христа Спасителя, сказанныя ученикамъ Своимъ, ясно указываютъ намъ на сокрытую въ нихъ *духовную жизнь*, которая въ примѣненіи къ людямъ доходитъ иногда до высокой степени развитія и силы. Божественное ученіе, предложенное Имъ тѣмъ или инымъ людямъ и содержащееся въ Евангеліи, заключаетъ въ себѣ именно *духъ животворящій*, раскрываетъ высшее духовное разумѣніе предметовъ вѣры, а потому есть вмѣстѣ и *жизнь*, ибо оживляетъ вѣру человека, приводя его къ жизни вѣчной²⁾. По словамъ Христа Спасителя, всякій, „слушающій слово Его и вѣрующій въ пославшаго Его, имѣетъ жизнь вѣчную“ (Іоан. V. 24). А по словамъ одного

1) Толковое Евангеліе отъ Маттея. Епископа Михаила. Москва. 1871 г. стр. 69—70.

2) Толковое Евангеліе отъ Іоанна. Еп. Михаила. М. 1874 г. стр. 244—245

изъ Его учениковъ, Симона Петра, глаголы, яже глагола имъ Христосъ, суть глаголы вѣчной жизни (Іоан. VI, 68).

Подобно Апостолу Петру и всѣ прочіе Апостолы Христовы смотрѣли на слово Божіе точно такъ же. Такъ, напр., Ап. Павелъ, высказавъ во второмъ посланіи своемъ къ епископу Тимофею мысль о Священномъ Писаніи, что оно „все“ вообще „богоухновенно“ (III, 16), преподаетъ ему наставленіе о томъ, чтобы оно „пребывало въ немъ“ (14 ст.) постоянно. Въ другомъ посланіи своемъ, къ колосскимъ христіанамъ, тотъ же Апостолъ пишетъ: „слово Божіе да вселяется въ васъ богато“ (III, 16) или обильно, не потому только, конечно, что оно слышащихъ и разумѣющихъ его „можетъ умудрить во спасеніе вѣрою во Христа Іисуса“ (2 Тим. III, 15), но и потому, что оно „живо и дѣйственно, и острѣе всякаго меча обоюду острого: оно проникаетъ до раздѣленія души и духа, составовъ и мозговъ, и судитъ чувствованія и помысленія сердечныя“ (Евр. IV, 12).

Такая характеристика слова Божія какъ нельзя болѣе говорить намъ объ отличительномъ свойствѣ его—*духовности*. Конечно, мы должны замѣтить здѣсь, въ нѣкоторой ограниченной степени такая духовность замѣчается и въ обыкновенномъ словѣ человеческомъ, являющемся отображеніемъ тѣхъ или другихъ мыслей человека, возникающихъ въ его головѣ. Въ полной же и совершенной степени это свойство принадлежитъ одному только слову Божію, которое, будучи духоносно по природѣ своей, какъ исходящее отъ Бога—Духа (Іоан. IV, 24), является такимъ образомъ животворящимъ и въ людяхъ, какъ „источникъ воды, текущій въ жизнь вѣчную“ (Іоан. IV, 14).

Но, понятное дѣло, указанное нами свойство слова Божія, его богодуховенность, способность одухотворять человека, развивать и поддерживать въ немъ, насколько это возможно, духовную жизнь еще здѣсь—на землѣ, имѣетъ значеніе не само по себѣ, но въ примѣненіи его къ намъ, къ собственной личной жизни и дѣятельности cadaго изъ насъ. Отсюда вытекаютъ извѣстныя отношенія къ слову Божію со стороны людей, въ которыхъ они должны постоянно находиться. Мало того, чтобы имѣть у себя слово Божіе въ цѣломъ и неповре-

зданномъ видѣ, въ каковомъ именно оно хранится теперь въ недрахъ Православной Церкви, въ которую, по словамъ св. Иринея, „какъ бы въ богатую сокровищницу, Апостолы положили все, что принадлежитъ истинѣ“¹⁾, но нужно также еще стать къ нему въ болѣе живыя и близкія отношенія. Нужно, прежде всего, читать его постоянно самому или же, по крайней мѣрѣ, слышать его охотно отъ другихъ: ибо, по словамъ Спасителя, „блаженъ“ только тотъ, кто „слышитъ слово Божіе и хранитъ его“ (Лук. XI, 28) въ своемъ сердцѣ.

Далѣе, нужно разумѣть смыслъ читаемаго и слышимаго слова Божія согласно всеобщему непогрѣшительному разуму св. Церкви, а не согласно своему собственному, иногда увлекающемуся и дотому владающему въ противорѣчіе, разуму человѣческому. Нужно, наконецъ, все то, что мы слышали или прочитали изъ слова Божія, прилагать къ себѣ, т. е., ревностно и дѣятельно исполнять то, что относится къ намъ, повѣряя такимъ образомъ всякій разъ самихъ себя, насколько далеко мы находимся отъ идеала христіанской жизни: ибо, по словамъ Апостола, „не слышатели только“, минутные и забывчивые, „но творцы закона Божія оправдаются предъ Богомъ“ (Рим. II, 13; ср. Іак. I, 25). Вотъ тѣ отношенія, въ какихъ истинные христіане должны находиться всегда къ слову Божію! Посмотримъ же теперь, насколько оправдываютъ собою эти отношенія современные сектанты.

Что слово Божіе для всѣхъ почти современныхъ сектантовъ является руководственнымъ началомъ въ ихъ жизни, это, конечно, въ нѣкоторой степени справедливо. Справедливо также и то, что въ отношеніи чтенія и слышанія его они являютъ ревностными и усердными доборщниками. Многие изъ нихъ, будучи грамотными, стараются запечатлѣть слово Божіе въ своемъ умѣ и сердцѣ такъ или иначе, чтобы оно потомъ могло служить для нихъ свѣтильникомъ или звѣздой, освѣщающей ихъ жизненный путь. Но что касается разумнѣя слова Божія современными сектантами и приложенія его ими къ своей собственной жизни и къ жизни другихъ людей, то

¹⁾ Противъ ерес. вл. III, гл. 4.

здѣсь нельзя не видѣть, въ какую грубую ошибку впадаютъ они, какъ сильно „заблуждаются“, по-истинѣ, „не вѣдая Писанія“ (Матѳ. XXII, 29). Хотя и пользуются они послѣднимъ въ широкихъ размѣрахъ, хотя и имѣютъ его постоянно предъ своими глазами, но оно служитъ для нихъ не такъ, какъ для другихъ людей, не „свѣтильникамъ ногамъ ихъ“ и не „свѣтомъ стезямъ ихъ“ (Пс. 118, 105), направляющимъ ихъ на путь мира и спасенія. По всему очевидно, что внутреннее чувство сектантовъ, читающихъ и слушающихъ слово Божіе и старающихся разумѣть его смыслъ и значеніе, испортилось совсѣмъ и притупилось. Кромѣ того, здѣсь видна также со стороны сектантовъ злонамѣренная безчестность и недобросовѣстность. Слово Божіе они толкуютъ и примѣняютъ каждый разъ въ своихъ сектантскихъ цѣляхъ и интересахъ. За примѣрами намъ нечего ходить далеко. Достаточно указать въ этомъ случаѣ на штундистовъ, пашковцевъ и томстовцевъ.

Такъ, первые изъ упомянутыхъ нами сектантовъ, т. е., штундисты, признавъ Священное Писаніе единственнымъ источникомъ Богопознанія и единственнымъ наставленіемъ въ христіанской жизни, никогда почти не остаются вѣрными своему положенію. „Хотя Священное Писаніе, — по словамъ одного изслѣдователя, — и считается ими единственнымъ ваставленіемъ въ жизни, но на дѣлѣ оно имѣетъ чисто служебное значеніе, доставляя только нужный матеріалъ и оправдательный документъ для разныхъ житейскихъ правилъ и частныхъ измышлений, не провѣренныхъ опытомъ человѣческой мудрости“¹⁾...

„Проанализировавши какое-нибудь явленіе въ своей жизни, съ своей точки зрѣнія, штундисты подыскиваютъ затѣмъ въ Св. Писаніи подходящее мѣсто, бросающее тотъ или другой свѣтъ на замѣченное явленіе; если же такого мѣста не оказывается, то означенные сектанты, не стѣсняясь, дѣлаютъ самыя рискованныя соглашенія между фактомъ и какимъ-нибудь мѣстомъ Свящ. Писанія, или же просто объясняютъ отсутствіе необходимыхъ мѣстъ искаженіемъ Писаній, происшедшимъ отъ времени, перепечатокъ, переписокъ, а чего не возьмутъ въ

¹⁾ Облич. заблужд. штунд. Троицкаго, стр. 56—57.

толкъ или не нравится имъ, то оставляютъ безъ всякаго вниманія“¹⁾).

„Признавая только въ принципѣ за Свящ. Писаніемъ значеніе единственнаго источника вѣроученія и нравоученія христіанскаго, а на дѣлѣ усвоивъ ему чисто служебное значеніе, штундисты недалеко бываютъ отъ того, чтобы отбросить весь „Ветхій Завѣтъ“, за исключеніемъ тѣхъ выраженій изъ Ветхозавѣтнаго Писанія, которыя цитируются въ текстѣ Новаго Заѣта, и признать только одинъ „Новый Завѣтъ“ имѣющимъ для нихъ важность. Соотвѣтственно этому они каждой книгѣ Свящ. Писанія придаютъ особенное значеніе. Въ Евангеліяхъ, напр., ищутъ разъясненій для своихъ нравственныхъ положеній, а въ Апостольскихъ посланіяхъ—основаній, по которымъ имъ желательно устроить свою жизнь“²⁾...

Что сказано нами о штундистахъ, то же самое можно сказать и о другихъ сектантахъ, именно: пашковцахъ и толстовцахъ. Всѣмъ извѣстны приемы и дѣйствія ихъ въ этомъ отношеніи. Когда, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, пашковцы начали распространять свои религіозно-нравственныя брошюры, издаваемые въ громадномъ количествѣ однимъ просвѣтительнымъ обществомъ, пропитаннымъ вполне пашковскими тенденціями и теперь прекратившимъ свое существованіе, то сразу никоимъ образомъ нельзя было заподозрить ихъ въ сектантскомъ духѣ и направленіи: такъ скрытно и искусно ведено было это дѣло пропаганды пашковскаго ученія, упомянутымъ обществомъ. И только потомъ, при болѣе глубокомъ и проникновенномъ отношеніи къ содержанію этихъ брошюръ, составленныхъ на основаніи текстовъ Свящ. Писанія, нашли, какимъ тонкимъ и разрушительнымъ ядомъ пропитаны онѣ были всѣ сначала и до конца. Такимъ же характеромъ полной беззащитности въ отношеніи къ Свящ. Писанію и свободной примѣнимости его для своихъ цѣлей отличаются и нѣкоторыя другія сектантскія изданія, въ родѣ, напр., пресловутаго „Новаго Евангелія“ гр. Л. Н. Толстого, основателя и руководителя секты толстовской.

¹⁾ Ibid., стр. 57.

²⁾ Ibid., стр. 57—58.

Что касается отношенія этого сектанта въ священному писанію вообще, то нельзя не обратить вниманія на странную и по истинѣ, непостижимую метаморфозу, какую обнаружилъ онъ въ этомъ случаѣ. Здѣсь дѣйствительно, Толстой пошелъ противъ Толстого, разрушая и уничтожая то, что было имъ написано раньше. Въ прежнихъ сочиненіяхъ этого писателя мы находимъ, напримѣръ, слѣдующій восторженный отзывъ его о библіи—этой, „книгъ книгъ“, по выраженію народному: „безъ библіи немислимо въ нашемъ обществѣ, такъ же, какъ не могло быть мыслимо безъ гомера въ греческомъ обществѣ развитіе ребенка и человѣка. Библия есть единственная для первоначальнаго и дѣтскаго чтенія. Библия, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, должна служить образцомъ всѣхъ дѣтскихъ руководствъ и книгъ для чтенія. Простонародный переводъ библіи былъ бы лучшая народная книга. Проявленіе такого перевода въ наше время составило бы эпоху въ исторіи русскаго народа“¹⁾. Какія прекрасныя слова! Какія возжелѣнныя намѣренія! Скажете вы. А между тѣмъ посмотрите, что вышло изъ подъ пера того же знаменитаго писателя нашего нѣсколько лѣтъ спустя. Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ сочиненій, въ извѣстномъ всѣмъ воззваніи къ духовенству, напечатанномъ за границей, гр. Толстой обрушился, между прочимъ, на ту же самую библію въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „есть-ли, спрашиваетъ онъ, въ христіанскомъ мірѣ книга, едѣлавшая больше вреда людямъ, чѣмъ эта ужасная книга, называемая „Священной Исторіей ветхаго и новаго завѣта“. А чрезъ преподаваніе этой священной исторіи проходятъ въ своемъ дѣтскомъ возрастѣ всѣ люди христіанскаго міра, и эта же исторія преподается всѣмъ взрослымъ людямъ“²⁾. Таково двойное, совершенно противоположное, какъ мы видимъ, отношеніе Толстого къ библіи, какъ слову Божію. Уже если этотъ писатель земли русской считающійся у насъ вообще умнымъ и разсудительнымъ, допускаетъ такую неослѣдовательность и неосновательность въ своихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ на одинъ и тотъ же предметъ, то что же

1) Сочиненія Л. Н. Толстого, ч. IV, стр. 320—321. Москва 1889 г.

2) Миссіон. Обзор. 1903 г. № 14.

сказать теперь о другихъ писателяхъ нашихъ, писателяхъ менѣе умныхъ, но болѣе злонамѣрныхъ, нежели онъ, въ своихъ враждебныхъ дѣйствіяхъ по отношенію ко всему, что связано съ именемъ религіи? По истинѣ какъ, сказалъ Господь, „не собираютъ смоковъ съ терновника, и не снимаютъ винограда съ кустарника“. (Лук. VI, 44).

Вторымъ средствомъ для развитія и поддержанія въ чело-вѣкѣ-христіанинѣ духовной жизни является, какъ мы сказали, *молитва*. Но это средство опять далеко расходится во взглядахъ на него истинныхъ христіанъ, пользующихся имъ всегда для вышеуказанной цѣли и во взглядахъ на него ложныхъ христіанъ—разныхъ современныхъ сектантовъ. Тогда какъ для первыхъ изъ нихъ, т. е. истинныхъ христіанъ, это средство служить взаимнымъ общеніемъ между Богомъ и людьми, между горнымъ и дольнымъ міромъ, и составляетъ живую и никогда не прекращающуюся связь между ними,—для сектантовъ молитва приняла фальшивое и неестественное направленіе. Это ясно будетъ намъ изъ разсмотрѣнія существа и нѣкоторыхъ дѣйствій молитвы у тѣхъ и другихъ.

Молитва, какъ она понимается въ духѣ православной церкви и какъ она совершается всегда истинными православными христіанами, составляетъ, можно сказать, существо христіанской религіи. Подъ послѣднею нужно разумѣть не совокупность только ученія Христова и Апостольскаго, но и связь людей, исповѣдующихъ это ученіе, между собою на землѣ и между Богомъ и святыми Его на небѣ. На это указываетъ самое внѣшнее слововыраженіе: *религія*, т. е. связь или соединеніе. Христіанская религія есть, между прочимъ, взаимная и тѣсная связь церкви земной съ церковію небесною. Видимымъ звеномъ, скрѣпляющимъ эту невидимую связь, служитъ именно молитва. Потому то эта молитва и является для христіанъ такимъ необходимымъ и важнымъ средствомъ для развитія и поддержанія въ себѣ истинно-духовной жизни. Какъ же, спросимъ теперь, должна быть молитва у христіанъ, по ученію православной церкви?

Она должна быть, главнымъ образомъ, духовная или духовносная. Только такая, въ духѣ совершаемая и духомъ про-

никнутая молитва можетъ быть угодна Богу и послужить намъ во спасеніе. Всякая же другая молитва, лишенная духовности, какъ не исходящая отъ духа, не достигаетъ, конечно, своей цѣли. Отсюда повятно, почему Апостоль Павелъ совѣтовалъ „христіанамъ молиться во всякое время духомъ“. (Еф. VI, 18). Совѣтуя такъ дѣлать другимъ людямъ, онъ говорилъ про самого себя въ одномъ изъ своихъ посланій: „стану молиться духомъ, стану молиться и умомъ“ (1 Кор. XIV, 15). Въ другомъ посланіи онъ писалъ слѣдующее: „свидѣтель мнѣ Богъ, которому служу духомъ моимъ въ благовѣствованіи Сына Его, что непрестанно воспоминаю о васъ, всегда прося въ молитвахъ моихъ, чтобы воля Божія когда нибудь благопоспѣшила мнѣ прийти къ вамъ. Ибо я весьма желаю увидѣть васъ, чтобы преподать вамъ нѣкое дарованіе духовное къ утвержденію вашему, то есть, утѣшиться съ вами вѣрою общою, вашею и моею“ (Рим. I, 9—12). По словамъ того же Апостола, „Сыны Божіи суть всѣ“, которые „водятся Духомъ Божіимъ“ (Рим. VIII, 14). „Сей самый Духъ свидѣтельствуетъ духу нашему, что мы дѣти Божіи“ и подкрѣпляетъ насъ въ немощахъ нашихъ: ибо мы не знаемъ, о чемъ молиться, какъ должно; но Самъ Духъ ходатайствуетъ за насъ воздыханіями неизреченными“ (Гр. ст. 16, 26).

Но, при всей своей духовности и зависимости отъ Духа Божія, молитва христіанина сопровождается иногда и внѣшними звуками или дѣйствіями, составляющими, такъ называемую, обрядовую сторону въ христіанской религіи. Правда что „Богъ, по ученію Христа Спасителя, „есть духъ и поклоняющіеся Ему должны поклоняться въ духѣ и истинѣ“ (Іоан. IV, 24); но въ то же время, по заповѣди Апостола Павла, „Онъ долженъ прославляться не только въ душахъ, но и въ тѣлахъ нашихъ, которые суть Божіи“ (1 Кор. VI, 20). Съ другой стороны, самыя тѣла, по словамъ того же Апостола, мы должны „представить въ жертву Богу“ (Рим. XII, 1). Тотъ же Апостоль, который говорилъ, что онъ „служить духомъ своимъ Богу“ (Рим. I, 9), упоминаетъ также о томъ, что онъ „гораздо болѣе былъ въ трудахъ, въ ранахъ, въ трудѣ и изнуреніи, часто въ бдѣніи, въ голодѣ и жаждѣ, часто въ постѣ“ (1 Кор.

IV, 11; 2 Кор. XI, 23—27). Изъ Священнаго Писанія извѣстно и про другія тѣлесныя дѣйствія, которыя сопровождали истинную духовную молитву, какъ Христа такъ и Его Апостоловъ. Такъ, напримѣръ, Христосъ и Апостолы посѣщали храмъ (Лук. II, 46—49; Мар. XI, 17; Мате. XXI, 12—13; Лук. XXIV, 53; Дѣян. III, 1; Дѣян. XXII, 17 и др.), преклоняли колѣна предъ Богомъ и молились (Лук. XXII, 41; Ефес. III, 14; Дѣян. XX, 36;—XXI, 5), возводили очи на небо (Іоан. XVII, 1), воздѣвали руки (1 Тим. II, 8).

Все это, конечно, должно утверждать насъ въ той мысли, что въ христіанской религіи, какъ бы высока она ни была по своей духовности, внѣшнія тѣлесныя дѣйствія неотдѣлимы отъ нея, поскольку люди—эти существа духовно-тѣлесныя—находятся теперь въ зависимости отъ души и тѣла. Въ Евангеліи есть разительный примѣръ, говорящій противъ современныхъ сектантовъ—этихъ мнимыхъ духовныхъ христіанъ, примѣръ именно того, что одна внутренняя молитва не всегда имѣетъ преимущество предъ молитвой, во внѣ выражающейся. Фарисей, какъ извѣстно, „молвился самъ въ себѣ“, а вышелъ осужденнымъ; мытарь же во время молитвы „ударялъ себя въ грудь“, а вышелъ оправданнымъ (Лук. XVIII, 9—14).

Но вѣдь и у сектантовъ молитва, какъ бы она ни была духовна, сопряжена бываетъ всегда съ извѣстнаго рода тѣлесными дѣйствіями. Интересно прослѣдить, напр., у штундистовъ, какъ совершается у нихъ молитвенное собраніе. „Сектанту—руководителю принадлежитъ открытіе собранія, которое начинается обыкновенно возгласомъ: „помолимся“. Послѣ этого тѣмъ же сектантомъ произносится импровизированная молитва, которою испрашивается у Бога помощь достойно провести собраніе. Если случится, что на собраніи бываютъ посѣтители не принадлежащіе къ сектѣ, то молятся и о нихъ, чтобы Господь обратилъ ихъ на путь истины и все устроилъ ко благу общины. Во время произнесенія этой молитвы сектанты стоятъ на колѣняхъ. Затѣмъ, по указанію держащаго собраніе, начинается пѣніе „псалмовъ“, которые заучены наизусть не только взрослыми сектантами, но и ихъ дѣтьми. За пѣніемъ слѣдуетъ чтеніе какого-нибудь мѣста, по выбору лжепресвите-

ра, изъ Евангелія и импровизированныя молитвы сектантовъ. Если, напр., вожакъ прочиталъ Евангеліе Іоанна гл. 4, ст. 1—42, то на средину избы выступаетъ какая-нибудь женщина — штундистка, падаетъ на колѣни и, склонивъ голову до земли, кричитъ: „Господи милосердый, вразуми и научи меня поклоняться Тебѣ духомъ, какъ Ты научилъ Самарянку“. По прочтеніи Евангелія Іоанна гл. 8, ст. 1—8, среди собранія появляется другая женщина и, повергшись на землю, кричитъ: „Господи милосердый, не осуди меня, какъ Ты не осудилъ грѣшницу—блудницу“.

„Приведенныя молитвы по содержанію довольно удачны и соотвѣтствуютъ прочитанному Евангелію. Но большинство сектантскихъ молитвъ не только малосодержательны, но и бессмысленны; онѣ напоминаютъ безсвязныя причитанія нашихъ крестьянъ при проводахъ покойниковъ“¹⁾. У свящ. А. Рождественскаго, въ его сочиненіи: „Южно-русскій штундизмъ“, приведено нѣсколько образцовъ такихъ молитвъ сектантовъ, списанныхъ очевидцами. Отсюда становится яснымъ, почему православные христіане „въ часъ молитвы“ обращаются къ Богу съ просьбою, чтобы Онъ „даровалъ имъ благодать во отверженіе устъ ихъ“. Это именно потому, какъ объясняется въ одной изъ утреннихъ молитвъ, что мы безъ помощи божіей даже помолиться не можемъ, какъ слѣдуетъ: „*заче помолитися, якоже подобаетъ, не въмы, аще не ты, Господи, Святымъ твоимъ Духомъ наставилии ны*“²⁾.

Далѣе, какъ на примѣръ малосодержательной и бессмысленной сектантской молитвы можно указать на молитву, приводимую нашимъ писателемъ гр. Л. Н. Толстымъ въ одномъ изъ своихъ рассказовъ подъ заглавіемъ: „О трехъ старцахъ“. Эти три старца, по словамъ гр. Толстого, спасавшіеся въ безвѣстности въ одномъ изъ небольшихъ острововъ, лежащихъ между Архангельскомъ и Соловками, на вопросъ архіерея, посѣтивцаго ихъ: „какъ же вы Богу молитесь?“ — отвѣчали: „молимся такъ: *трое васъ, трое насъ, помилуй насъ*“. Покойный Высокопреосвященный Никоноръ, Архіепископъ Одесскій, въ своемъ

1) Крат. очеркъ штунд. Стрѣльбицкаго. Стр. 58—54.

2) Мол. 7-л.

разборѣ атого сочиненія гр. Толстого, поучая о томъ, что должно изучать и знать вѣру христіанскую, замѣчаетъ, между прочимъ, по поводу этой молитвы слѣдующее: изъ всѣхъ молитвъ „остались у нихъ (этихъ трехъ старцевъ) только жалкіе обрывки самыхъ краткихъ и употребительныхъ въ мірѣ молитвъ: *Господи помилуй*, и *Во имя Отца и Сына и Святаго Духа*; остались тусклые слѣды чего-то такого: *помилуй*, чего-то такого о *трехъ*, о которыхъ кстати напоминало то, что и ихъ, и старцевъ, было трое же. Ихъ беспомощность среди дикой, скудной, суровой природы вынуждала иногда обращеніе очей горѣ и молитвеннаго вопля къ небу. Вотъ и вышло грустное и скудное: *трое насъ, трое васъ, помилуй насъ*. Проще сказать; старцы выжили изъ ума, одѣтишились и одичали. Вѣдь это извращеніе всякаго здраваго смысла, извращеніе основнаго христіанскаго здравомыслія“¹⁾. Совершенно вѣрно, замѣтимъ мы здѣсь съ своей стороны. А вѣдь, подите же, гр. Толстой приводитъ эту молитву въ своемъ разсказѣ совсѣмъ съ другою цѣлію: онъ придаетъ ей, конечно, особенное и даже чудесное значеніе и ставитъ ее въ образецъ краткихъ, но сильныхъ и спасающихъ человека, молитвъ.

Вотъ еще примѣръ подобной безсвязной и бессмысленной молитвы, какою молятся нѣкоторые изъ сектантовъ. Этотъ примѣръ содержится въ предисловіи покойнаго писателя В. С. Соловьева къ его сочиненію: „Три разговора“. Въ немъ—этомъ предисловіи—упомянутый писатель сообщаетъ слѣдующее: „много лѣтъ тому назадъ прочелъ я извѣстіе о новой религіи, возникшей гдѣ-то въ восточныхъ губерніяхъ. Эта религія, послѣдователи которой назывались *вертидырниками* или *дыромолаями*, состояла въ томъ, что, просверливъ въ какомъ-нибудь темномъ углу въ стѣнѣ избы дыру средней величины, эти люди прикладывали къ ней губы и много разъ настойчиво повторяли: *изба моя, дыра моя, спаси меня!* Никогда еще, кажется, предметъ богопочитанія не достигалъ такой крайней степени упрощенія. Но если обоготвореніе обыкновенной крестьянской избы и простого, человѣческими руками сдѣланнаго,

¹⁾ Поученія, Бесѣды, Речи, Воззванія и Посланія Никанора, Архіеп. Херсон. и Одесск. Одесса. 1890 г.

отверстія въ ея стѣнѣ, есть явное заблужденіе, то должно сказать, что это было заблужденіе правдивое: эти люди дико безумствовали, но никого не вводили въ заблужденіе: про избу они такъ и говорили *изба*, и мѣсто, просверленное въ ея стѣнѣ, справедливо называли *дырой*“.

„Но религія дыромоляевъ,—по словамъ того же писателя,—скоро испытала „эволюцію“ и подвергалась „трансформациі“. И въ новомъ своемъ видѣ она сохранила прежнюю слабость религіозной мысли и узость философскихъ интересовъ, прежній приземистый реализмъ, но утратила прежнюю правдивость: своя изба получила теперь названіе „царства Божія на землѣ“, а дыра стала называться „новымъ евангеліемъ“, и, что всего хуже, различіе между этимъ мнимымъ евангеліемъ и настоящимъ, различіе совершенно такое же, какъ между просверленной въ бревнѣ дырой, и живымъ и цѣлымъ деревомъ,—это существенное различіе новые евангелисты всячески старались и замолчать и заговорить“¹⁾.

Такъ мѣтко охарактеризовалъ Соловьевъ религіозное ученіе Толстого и такъ наглядно показалъ существенное тождество двухъ „ученій“ того же типа: стараго и новаго. Тождество это, по словамъ его же, заключается „въ чистой отрицательности и безсодержательности обоихъ „міровоззрѣній“. Хотя „интеллигентные“ дыромоляи и называютъ себя не дыромоляями, а христіанами, и проповѣдь свою называютъ евангеліемъ, но христіанство безъ Христа—и евангеліе, то есть *благую вѣсть*, безъ того *блага*, о которомъ стоило бы возвѣщать, именно безъ дѣйствительнаго воскресенія въ полноту блаженной жизни, —возвѣщаютъ такое же *пустое мѣсто*, какъ и обыкновенная дыра, просверленная въ крестьянской избѣ“²⁾. Эти, вполнѣ справедливыя и вѣрныя, слова Соловьева, характеризующія вообще религіозное ученіе Толстого, имѣютъ въ частности ближайшее отношеніе къ дѣлу молитвы, какъ самого Толстого, такъ и его единомышленниковъ—толстовцевъ. Дѣйствительно, молитва

¹⁾ Три разговора о войнѣ, прогрессѣ и концѣ всемірной исторіи, со включеніемъ краткой повѣсти объ Антихристѣ съ приложеніями. С.-Петербургъ. 1900 г. Предисловіе. Стр. VIII—IX.

²⁾ Ibid. стр. IX—X.

у нихъ представляетъ *пустое мѣсто*, пустое не въ смыслѣ только отсутствія тѣхъ или иныхъ обрядовъ, совершаемыхъ посредствомъ тѣлесныхъ членовъ человѣческихъ, а и въ смыслѣ отсутствія содержанія самого духа, въ смыслѣ прекращенія самой духовной жизни. Говоримъ: *духовной*, а не *душевной*. Послѣдняя у нихъ, можно сказать, развита бываетъ въ чрезвычайной степени, какъ это можно убѣдиться изъ примѣра того же Толстого, разсуждающаго и пишущаго о разныхъ предметахъ науки и жизни, а также изъ примѣра новыхъ христіанъ или, какъ ихъ называютъ теперь, „новопутейцевъ“, съ г. В. В. Розановымъ во главѣ, провозгласившихъ своимъ идеаломъ плотскую жизнь, а не духовную, вопреки словамъ Спасителя: „духъ животворитъ, плоть не пользуетъ нимаго“ (Іоан. VI, 63). По ихъ ученію, плоть не только составляетъ высшее начало въ человѣкѣ, но и обоготворяется, признается „святою плотію“. Какого-же молитвеннаго духа ждать отъ этихъ господъ—сектантовъ, этихъ мнимыхъ духовныхъ христіанъ, на самомъ же дѣлѣ настоящихъ плотскихъ язычниковъ, когда у нихъ самъ духъ, употребляя здѣсь современное модное слово, давно уже забастовалъ и не проявляетъ въ себѣ никакихъ признаковъ дѣятельности? Его, конечно, нѣтъ и не можетъ быть въ этомъ случаѣ.

Священникъ Димитрій Ромашковъ.

(Продолженіе будетъ)

ХРИСТОСЪ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ.

(Christus im modernen Geistesleben).

Е. ПФЕННИГСДОРФА. (Переводъ съ нѣмецкаго).

ВѢРА БИБЛИИ И ВѢРА ВО ХРИСТА.

1. „Жизнь Иисуса“. Д. Ф. Штраусъ. Какъ громомъ поразила многіе неподготовленные умы явившаяся въ 1835 г. „Жизнь Иисуса“ Давида Фридриха Штрауса, въ которой образъ Христа окутанъ былъ облакомъ мифовъ и легендъ. Штраусъ хотѣлъ изслѣдовать жизнь Иисуса безъ всякихъ предварительныхъ посылокъ, но при этомъ выходилъ съ самаго начала изъ предположенія, что цѣльный образъ Христа слѣдуетъ изъяснить изъ мифообразованія, такъ какъ къ нѣсколькимъ достовѣрнымъ извѣстіямъ, какъ это часто бываетъ въ подобныя великія эпохи, присоединились мифическія черты. Это предположеніе представляетъ собою логическое salto mortale, по которому ничего не стоитъ просто-таки вычеркнуть изъ исторіи даже такой фактъ, какъ выступленіе Лютера на Вормскомъ сеймѣ, такъ какъ къ нему пристали нѣкоторыя легендарныя черты. Или кто сталъ бы отвергать, что также и событія 1866 г., какъ 1870 г. принадлежать къ области мифическаго творчества, если припомнить о противорѣчійхъ даже въ самыхъ точныхъ извѣстіяхъ объ отдѣльныхъ событіяхъ въ великихъ битвахъ нѣмецкаго народа и если помнить о желаніяхъ и надеждахъ нашихъ поэтовъ и пророковъ. Какая заманчивая задача для послѣдователя Штрауса и возникновеніе новаго нѣмецкаго государства выставить, какъ мифическое созданіе какой-либо одушевленной этою идеею секты! Во всемъ этомъ Штраусъ является только вѣрнымъ послѣдователемъ Гегелевской философіи, которая о живой исторіи произноситъ приговоръ на основаніи „идеи“: Христосъ не могъ быть такимъ, какимъ изображаютъ его евангелія. Почему? „Идея не любить—такъ изъяс-

зять это онъ въ заключеніи вышеупомянутаго произведенія—изливать все изобиліе свое на одинъ экземпляръ и по отношенію ко всѣмъ остальнымъ жадничать; только родъ соответствуетъ идеѣ. То составляетъ ключъ ко всей христологіи, что какъ субъектомъ предикатовъ, какіе церковь приписываетъ Христу, вмѣсто индивидуума ставится идея, но реальная, не по кантовски—недѣйствительная“. Во всякомъ случаѣ это—ключъ къ Штраусовскому построенію исторіи. Теперь мы узнаемъ, почему не можетъ быть личнаго Бога, и, слѣдовательно, также и откровенія и Богочеловѣка: „Идея этого не любить“. На мѣсто Искупителя поставляется человѣчество и возвышается до божественнаго величія: обожествленіе человѣка вмѣсто поклоненія Богу въ духѣ и истинѣ.

Не всякій способенъ разсматривать жизнь Христа по-истинѣ безпристрастно. Во всей исторіи нѣтъ области, гдѣ личность изслѣдователя имѣла бы столь рѣшительное значеніе для результата, какъ исторія Христа. Можетъ-ли кто понять величіе героя, изобразить воспламеняющую силу патріотическаго воодушевленія, если его душа мелка и обыкновенна и не способна къ высшимъ порывамъ? Но здѣсь больше, чѣмъ все это! Въ евангеліяхъ предъ нами выступаетъ такое преданіе, которое представляетъ *нѣчто иное*, чѣмъ то, которое когда либо встрѣчалось намъ въ исторіи. Кто теперь, какъ Штраусъ, напрямѣръ, а ргіогі убѣжденъ, что нѣтъ живого Бога, который стоитъ выше естественныхъ законовъ, тотъ естественно необходимо отвергаетъ историческій характеръ библейскаго образа Христа. Но основаніе къ этому заключается, какъ мы видимъ, въ вышеуказанномъ философскомъ предположеніи, а не въ исторической области. Свободнѣе и безпристрастнѣе поступаютъ, очевидно, тѣ, кто возможность сверхъестественнаго оставляетъ открытою и рѣшается также и здѣсь давать предпочтеніе только истинѣ.

Но какъ музыкальное чутье необходимо, чтобы понимать, напр., симфонію Бетховена, такъ нужна нѣкоторая внутренняя воспримчивость духа, „влеченіе Отца въ Сыну“, чтобы подойти близко къ возвышенной жизни Христа,—гораздо болѣе, чтобы описать ее!

2. *Критика евангелій.* „Жизнь Іисуса“ Штрауса имѣла сво-

вмѣ послѣдствіемъ нѣчто хорошее. Наука увидѣла себя выужденною точнѣе излѣдовать вопросъ объ историческомъ характерѣ нашихъ евангелій. Это испытаніе нашихъ евангелій со стороны ихъ историчности еще не закончено совершенно. Однакоже слѣдующія положенія могутъ уже быть признаны, какъ твердо установленный результатъ его: въ основѣ своей наши евангелія имѣютъ свидѣтельства очевидцевъ Христа. Прослѣдить эти свидѣтельства, какъ доказано, можно до времени предъ разрушеніемъ Іерусалима. Но чтобы уже спустя 30 или 40 лѣтъ по смерти Іисуса Христа, значить въ то время, когда были еще многочисленные очевидцы этой жизни, Его жизнь должна была стать предметомъ сознательнаго или безсознательнаго вымысла,—это очевидная невозможность. „Если что твердо стоитъ, такъ это то, что Іисусъ на современниковъ произвелъ такое впечатлѣніе—глубокое, жизненное и устойчивое, какъ никогда другой кто. Но тогда и спустя 30—40 лѣтъ послѣ Его смерти у тѣхъ, кои обращались съ Нимъ, долженъ былъ быть еще на лицо образъ Его живой, чистый и истинный, слѣдовательно и образъ Христа, какой представляютъ намъ евангелія, долженъ быть чисто историческимъ“. Къ этому же заключенію приводитъ сравненіе Христа евангелій съ Христомъ знаменитыхъ посланій ап. Павла, которыя стоятъ въ ясномъ свѣтѣ исторіи, именно, что Онъ здѣсь и тамъ одинъ и тотъ же. И такимъ образомъ въ наше время критика Евангелій стала вспомогательнымъ средствомъ къ доказательству и историческаго характера жизни Іисуса ¹⁾).

Такимъ путемъ только подтвердилось то, что для здраваго взгляда всегда представлялось и будетъ представляться самопонятнымъ. Просто-таки невысказано, чтобы зараженные іудейскими предрасудками ученики могли выдумать евангельскій образъ Христа и чтобы міропобѣдительная сила христіанства въ послѣднемъ своемъ основаніи покоилась на заключеніи отъ предсказанія къ исполненію. Такая мысль могла возникнуть только въ мозгу доктринара, кабинетнаго ученаго. Два безпристрастныхъ свидѣтеля могутъ еще подтвердить это намъ. Въ концѣ своей жизни Гете высказывалъ Эккерману: „евангелія

¹⁾ Смотр. подроб. *Безе*, Достоверность нашихъ Евангелій, перев. съ нѣм., подъ ред. С. П. Никитскаго. Ц. 1 р. 25 в.

несомнѣнно отражаютъ въ себѣ то величіе, какое исходило отъ лица Христа и которое столь божественнаго характера, съ какимъ только являлось когда либо Божественное на землѣ“. Даже Руссо признаетъ, что величіе Библіи наполняетъ его удивленіемъ, и онъ спрашиваетъ: „Возможно-ли, чтобы тотъ, чью исторію рассказываетъ евангеліе, былъ только человѣкомъ? Было бы гораздо непонятнѣе, еслибы нѣскольکو человѣкъ соединилось, чтобы написать эту книгу, чѣмъ если принимаютъ, что тотъ, кто далъ матеріаль для нея, существовалъ“.

Но „жизнь Иисуса“ Штрауса содѣйствовала проясненію дѣла еще и въ другомъ отношеніи; благодаря ей необходимо вникнули въ то, что *вѣра во Христа въ сущности не зависитъ отъ историческаго изслѣдованія Его жизни.*

3. *Историческій Христосъ—основа нашей вѣры.* Пусть историческое изслѣдованіе занимается изысканіями касательно внѣшнихъ обстоятельствъ жизни Иисуса Христа. Его внутреннюю жизнь, Его сердце она не въ состояніи взять у насъ. Изъ огня всякой критики эта сторона Евангелія всегда выходила неповрежденною, даже скорѣе еще болѣе свѣтлою въ ея исключительной красотѣ.

Христосъ по согласному свидѣтельству лицъ, Его ежедневно окружавшихъ, былъ безпороченъ, чистъ. Всѣ естественныя стремленія чувственнаго, какъ и душевнаго характера были у Него въ подчиненіи у духа. Съ глубокимъ смиреніемъ Онъ соединяетъ возвышенное самосознаніе, съ голубиною простотою глубокую мудрость. Трезвое познаніе дѣйствительности и великое одушевленіе своею высокою цѣлію соединялись здѣсь въ благородной свѣтлости духа. Свое начало Онъ имѣетъ въ великомъ прошломъ Своего народа и, однакоже, въ отношеніи еврейской традиціи оставался совершенно оригинальнымъ и самостоятельнымъ. Онъ отдѣлялъ себя отъ всѣхъ другихъ, даже Своей матери и, однакоже, былъ всѣмъ преданъ въ любви невѣдомой еще глубины и широты. Въ этомъ мірѣ, преисполненномъ лжи, Онъ былъ мужемъ истины. Въ бѣдствіяхъ этого міра, въ перенесеніи самаго тягостнаго, Онъ обнаруживаетъ себя властвующимъ внутренно надъ всякимъ страданіемъ. Во всемъ этомъ Онъ сознаетъ себя обѣтованнымъ Мессіею и основываетъ это самосознаніе на особенномъ отношеніи къ *Отцу*,

Котораго никто не знаетъ, кромѣ Сына. Его вѣра была видѣніемъ Бога безъ всякаго напряженія, успокоеніемъ въ Его общеніи, черпаніемъ изъ Его безконечной полноты жизни. Вслѣдствіе этой вѣры Онъ боролся, любилъ страдалъ, какъ никогда иной человѣкъ; обладалъ силою молиться даже за убійцъ своихъ и въ полномъ ужаса концѣ Своей жизни видѣть спасительное Божественное промысленіе.

Таковъ въ общихъ краткихъ чертахъ образъ лица Іисуса изъ Назарета; образъ, какого подобнаго мы не находимъ въ исторіи всѣхъ временъ и народовъ. Кто спокойно и серьезно погружался въ созерцаніе этой личности, у того внутреннее величіе Христа завоевывало сердце; онъ чувствовалъ себя вынужденнымъ признать его правымъ предъ міромъ. Такъ Христосъ становится Словомъ Божіимъ для нашей вопрошающей, ищущей души. Въ Немъ возвѣщается намъ божественный призывъ, чтобы мы очистились отъ мірской суеты и похоти. Въ Его совершенной личной жизни приближается къ намъ самъ премірный Богъ, чтобы цѣлить насъ отъ всего злого и образовать изъ людей вѣка сего людей вѣчности. Вмѣстѣ съ этимъ начинается внутренній переворотъ, который соотвѣтствуетъ возрожденію. Кто нѣчто такое испыталъ чрезъ Христа, тотъ благодаря этому непосредственно увѣренъ въ дѣйствительности Христа и Его жизни. Ибо отъ мертвыхъ не исходятъ спасительныя дѣйствія, но только отъ живыхъ. Поэтому историческій Христосъ есть основа нашей вѣры. Съ другой стороны, опытъ вѣры представляетъ такое удостовѣреніе историчности евангельскаго образа Христа, какое никогда не можетъ быть представлено историческимъ изслѣдованіемъ.

Внутренняя жизненная истинность этого образа дѣлаетъ также невозможными всѣ попытки къ искусственнымъ дѣленіямъ въ немъ. Здѣсь невозможно раздѣлять между человѣческой и божественною, нравственною и религіозною жизнію. Дѣйствительно, въ полночеловѣческой реальности этотъ образъ превышаетъ чисто человѣческое и указываетъ на то особенное достоинство и отъ Бога — исхожденіе, за которое Онъ предъявлялъ право въ Своемъ самосвидѣтельствѣ. И если Онъ, прямо какъ Сынъ, Свою жизнь принесъ въ жертву святой братской любви, какъ могли бы мы удивляться нравственной силѣ и величію

этой личности, не останавливаясь съ благоговѣніемъ предъ глубокимъ, полною тайны источникомъ, изъ котораго она родилась? *Именно благоговѣніе предъ нравственнымъ величіемъ человека Иисуса необходимо удерживаетъ насъ отъ легкомысленнаго и поверхностнаго отношенія къ Его богосознанію.* Кто такъ превосходилъ нравственно всѣхъ людей, какъ Христосъ, тотъ не могъ заблуждаться въ первомъ предварительномъ условіи всякой нравственной жизни—въ самопознаніи и приписывать себѣ достоинство, на какое онъ не имѣлъ никакого права. Его серьезность и искренность, Его отвращеніе отъ всякаго самопревозношенія и самоправедности не позволяютъ намъ усомниться въ Его самосвидѣтельствѣ.

Такимъ образомъ и мы, какъ ученики въ свое время, отъ исключительной преданности совершенному человѣку, доходимъ до Сына Божія, „исполненнаго благодати и истины“. Эта вѣра выигрываетъ въ силѣ и радости въ такой мѣрѣ, въ какой Христосъ становится „нашимъ Господомъ“, въ какой мы поставимъ себя со всею нашею мыслию и дѣятельностію въ отношеніе къ послѣдованію сего Господа и въ немъ непрестанно дѣлаемся причастниками освящающей, возвышающей, спасающей силы. Такая вѣра, которая означаетъ преуспѣвающее воображеніе въ себѣ самого Христа, есть единственно истинное исповѣданіе Богосыновства Христа и совершенно не можетъ быть сравниваема съ голымъ принятіемъ какой либо формулы или признаніемъ за истину какого-либо ученія о Немъ.

Изложенному соотвѣтствуетъ также и практика апостоловъ. Духомъ Божиимъ просвѣщаемые и дѣйствуемые они просто свидѣлствуютъ о томъ, что они слышали и видѣли, и увѣрены, что этотъ же *Духъ Божій каждому искреннему человеку будетъ запечатлѣвать истину ихъ благовѣстія.* Этотъ опытъ собственнаго сердца и можетъ только служить основою истинной увѣренной вѣры. Онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть замѣненъ историческими изысканіями, которыя, какъ извѣстно, въ своихъ результатахъ достигаютъ только вѣроятности. Ученый профессоръ въ сущности приходитъ къ вѣрѣ во Христа не иначе, какъ и бѣдный Парія, сердце котораго при проповѣди миссіонера побѣждается особеннаго рода красотою и всепрощающею любовью Спасителя къ грѣшнику.

4. *Таинственность вѣры, какъ увѣренности.* Какъ возникновеніе всякой жизни, такъ и возникновеніе высшей формы жизни—общенія съ Богомъ въ вѣрѣ и молитвѣ скрывается во мракѣ и недоступно обыкновенному взору.

Фактъ жизни вообще повсюду окружаетъ насъ. Но ни одинъ ученый не можетъ объяснить намъ ее. Мы сами живемъ и, однакоже, не знаемъ, что такое эта загадочная жизнь. Такъ и христіанинъ можетъ радоваться своей вѣрѣ, но внутреннія движенія, чрезъ которыя онъ пришелъ къ вѣрѣ, будутъ оставаться здѣсь на землѣ и для него самого тайною. Божественное и человѣческое дѣйствіе здѣсь соприкасаются другъ съ другомъ. Лютеръ говоритъ, что мы не можемъ „собственнымъ разумомъ и силою“ увѣровать въ нашего Господа Иисуса Христа или придти къ Нему. Такъ намъ не остается ничего другаго, какъ терпѣливо ждать, пока вѣра снизойдетъ на насъ какъ вдохновеніе, какъ внезапный свѣтъ среди тьмы? Совершенно нѣтъ, но „Святый Духъ призвалъ меня чрезъ *Евангеліе*“. Это указаніе являетъ мнѣ безопасный путь къ вѣрѣ, свидѣтельствуетъ мнѣ о необходимости придти въ самое тѣсное соприкосновеніе съ Евангеліемъ и пребывать въ немъ. Евангеліе дѣлаетъ это, Духъ Святый чрезъ Евангеліе.

5. *Вѣра Библии еще не есть вѣра во Христа.* Евангеліе или радостная вѣсть о спасеніи чрезъ Христа пренобѣждаетъ сердца. Оно возбуждаетъ вѣру не потому, что оно находится въ Библии, но потому, что оно истинно; и истинно оно не потому, что оно возвѣщено чудеснымъ образомъ, но потому, что оно, какъ истина, подтверждается совѣстію.

Пусть хотя разъ представлять ясно, какъ дѣлается христіаниномъ образованный индеецъ. Ссылка на боговдохновенную непрогрѣшимую книгу Библии не производитъ на него никакого впечатлѣнія, такъ какъ то же самое онъ утверждаетъ о своихъ священныхъ книгахъ. Если онъ приходитъ къ вѣрѣ, то происходитъ это отъ того, что свидѣтельство о жизни, страданіи, смерти и воскресеніи Христа похищаетъ у него сердце и открывается какъ истина, жаждущей спасенія душѣ его. Теперь только библия становится для него книгою книгъ, такъ какъ она содержитъ свидѣтельство о Христѣ. Вѣра въ Спасителя предшествуетъ вѣрѣ Библии. Конечно, можетъ быть и

наоборотъ: простая вѣра Библии можетъ развиться до радостной, крѣпкой, сознательной вѣры спасительной. Но этотъ путь представляетъ для религіознаго развитія свои великія опасности.

Первая состоитъ въ смѣшеніи вѣры Библии и вѣры во Христа. Можно вѣрить всему содержанію Библии, т. е. принимать его за истину и въ смыслѣ Христовомъ быть совершенно невѣрующимъ человѣкомъ. Самый ужасный примѣръ этого представляютъ вѣрующіе буквѣ Писаній фарисеи время Христа. И нынѣ еще подобнаго рода вѣра библейская слишкомъ легко ведетъ къ горделивому пререканію, которое составляетъ противоположность христіанскому смиренію. Думаютъ, что они могутъ гордиться своею вѣрою и совершенно не вѣдаютъ еще того, что истинная вѣра — даръ свыше, за который должно благодарить Бога со страхомъ и трепетомъ. Такъ какъ принимаютъ за истину содержаніе Библии, то имъ такъ легко преисполниться чувства довольства, что они владѣютъ абсолютною истиною; но при этомъ предчувствуютъ, что владѣніе такою истиною означало бы не жизнь, но смерть, что также и вѣрующій христіанинъ долженъ возрастать въ познаніи, переходить съ ступени на ступень, отъ ясности къ ясности.

Другая опасность состоитъ въ обоснованіи вѣры во Христа на вѣрѣ Библии. Вѣрятъ при этомъ подъ условіемъ, что Библия есть непогрѣшимая, свободная отъ заблуждевіи книга. Отсюда столь много благочестивыхъ христіанъ видятъ въ библейскихъ критическихъ изысканіяхъ вредъ для своей вѣры и аргюи рѣшаютъ, что ихъ слѣдуетъ отклонять, какъ не христіанскія попытки, а на тѣхъ, кои занимаются ими, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на невѣрующихъ. Такіе вѣрующіе трепещутъ предъ всякимъ историческимъ изысканіемъ касательно Библии. Они видятъ въ нихъ какъ бы нападеніе на святое святыхъ ихъ вѣры. Они чувствуютъ себя вынужденными закрывать глаза на всякіе результаты историческаго изслѣдованія Библии и однако же они не свободны отъ тайнаго страха, что, быть можетъ, оно право. Это—состояніе достойное сожалѣнія, безутѣшное, тѣмъ болѣе достойное сожалѣнія, что человѣкъ самъ создаетъ его для себя.

Кто велитъ намъ спасительную вѣру во Христа основывать лишь на буквѣ Писаній? Развѣ въ Священномъ Писаніи не-

достаточно ясно сказано, что спасительная вѣра есть не что иное, какъ „принятіе“ Христа, „пребываніе“ въ Немъ, „вѣра“ въ Него? Потому отложи только въ сторону всѣ теоріи о Немъ и Библии и предоставь себя могущественному духовному впечатлѣнію отъ Его Лица, и ты убѣдишься, что еще нынѣ Онъ близъ насъ, какъ животворящій Духъ. Какъ у апостоловъ и первыхъ христіанъ, которые еще не знали писаннаго евангелія, такъ точно и у насъ то, что обличаетъ и пробуждаетъ вѣру, есть не буква Библии, но Духъ самого Христа, который объемлетъ насъ чрезъ внутреннюю истину евангелія и который удостоверяетъ себя въ нашей душѣ, какъ сила Божественнаго утѣшенія и радостнаго духовнаго подъема.

Эту спасающую силу Божію необходимо испытать на себѣ; тогда поймутъ, что въ Священномъ Писаніи владѣютъ „Словомъ“ Божіимъ“ и не будутъ нуждаться ни въ какихъ искусственныхъ доказательствахъ сего. Но этотъ неопровержимый опытъ доступенъ только для того, кто, руководимый тоскою своего жаждущаго Бога сердца, „ищетъ“ въ Священномъ Писаніи и не противодѣйствуетъ серьезнымъ запросамъ своей совѣсти. „Кто хочетъ творить волю Его (Бога), тотъ узнаетъ о семъ ученіи, отъ Бога ли оно, или Я самъ отъ себя говорю“ (Іоан. VII, 17). Этими словами Иисусъ указываетъ на совѣсть, какъ на высшее судилище, предъ которымъ удостоверяется истина христіанства. Она можетъ быть познана только тѣмъ, кто вмѣстѣ живетъ сообразно съ нею.

Объ исповѣданіи вѣры.

1. *Необходимое исповѣданіе вѣры.* Если вѣра, какъ говоритъ Лютеръ, „есть живая и дѣятельная вещь“, то она должна обнаруживаться разнообразнымъ образомъ. Исповѣданіе вѣры не исчерпывается какою-либо одною формою или формулою. Художникъ можетъ исповѣдывать свою вѣру въ своихъ твореніяхъ, какъ это мы видимъ у Микель-Анжело, Корнелиуса, Баха и др., поэтъ въ своихъ пѣсняхъ, какъ это подтверждается псалмами и церковными пѣснопѣніями. Каждый христіанинъ бываетъ поставляемъ въ такія положенія, когда молчаніе равносильно „отреченію“ и исповѣданіе вѣры устами становится

настоятельнымъ долгомъ. Но самымъ дѣйствительнымъ образомъ христіанинъ исповѣдуетъ свою вѣру чрезъ дѣла и образъ своей жизни. Жизнь благочестивыхъ христіанъ въ древнее и новое время, страданіе мучениковъ, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, являются до настоящаго времени самымъ впечатлительнымъ и самымъ дѣйственно-убѣдительнымъ исповѣданіемъ величія христіанства. Необходимо открыто признать, что исповѣданіе дѣломъ выше исповѣданія словомъ или языкомъ; всякій христіанинъ долженъ знать, что онъ со *всею своею жизнію*, своею мыслию, волею и поведеніемъ принадлежитъ своему Господу Іисусу Христу.

Такое исповѣданіе жизнію обязательно. Ибо отъ него зависитъ достоинство христіанской личности и вѣчное спасеніе души. Въ день суда Христосъ будетъ спрашивать не объ исповѣданіи или отношеніи къ церковнымъ символическимъ книгамъ, а о проявленіи вѣры въ любви: „такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ“. И еще: „такъ какъ вы не сдѣлали этого одному изъ сихъ меньшихъ, то не сдѣлали Мнѣ“ (Мѣ XV, 40. 45). Недостатокъ въ этомъ исповѣданіи дѣломъ в истиную не можетъ быть покрытъ или замѣненъ никакимъ самымъ ревностнымъ согласіемъ съ церковнымъ исповѣданіемъ. То есть глубокое, душегубительное заблужденіе, что согласіе съ формулированнымъ исповѣданіемъ ставятъ выше дѣйствительнаго убѣжденія отъ Духа Святаго. Это—противо-христіански, такъ какъ идетъ противъ ясныхъ словъ и поведенія Христа. Какъ быстро долженъ былъ бы высокоумный судъ и осужденіе иначе мыслящихъ и исповѣдующихъ смѣниться спасительнымъ смиреніемъ, если бы только съ надлежащею серьезностію вспоминали о выше-приведенныхъ пророчесвенныхъ изреченіяхъ Христа!

2. *Церковное исповѣданіе.* Эти мысли необходимо имѣтъ въ виду, если хотятъ знать, какъ христіанинъ—протестантъ относится къ церковному исповѣданію.

Церковныя исповѣданія суть свидѣтельства вѣры, которыя представляютъ, какъ разумѣла церковь христіанскія истины въ извѣстное время. Отсюда, для ихъ полнаго разумѣнія необходимо историческое и историко-догматическое образованіе, которое знакомитъ съ фактами, церковными партіями и дви-

женіями, которые привели къ образованію исповѣдавій. Ихъ авторитетъ есть только производный и условный. Протестантскія символическія книги въ защиту самихъ себя выставляютъ то, что они согласны съ Священнымъ Писаніемъ и предоставляютъ себя на судъ его (срав. Form. Conc.; Conf. Scot; Conf. Helv. II. praef.). Отсюда всякій христіанинъ—протестантъ имѣетъ право церковное исповѣданіе подвергать испытанію со стороны его сообразности съ Священнымъ Писаніемъ и содержаніемъ собственной вѣры. Онъ можетъ это дѣлать безъ вреда для собственной вѣры. Христіанинъ—католикъ не можетъ этого дѣлать, не смѣетъ даже. Ибо онъ основываетъ достовѣрность своей вѣры на непогрѣшимости церкви или папы. Этимъ авторитетамъ подчиняться ему слѣдуетъ слѣпо. Уклоненіе отъ ученія церкви есть достойная проклятія ересь. Чѣмъ слѣпѣе вѣра, чѣмъ полнѣе отреченіе отъ самостоятельнаго познанія вѣры, тѣмъ лучше! Христіанинъ—протестантъ, наоборотъ, отсылается къ личнымъ опытамъ вѣры, какіе онъ пережилъ благодаря евангелію. Его увѣренность покоится на собственномъ опытѣ. Никакая сила въ мірѣ не можетъ ему замѣнить его, ни церковь, ни исповѣданіе, ни Библия, хотя онъ для достиженія вѣры не можетъ обойтись безъ этихъ средствъ. Повтореніе символа вѣры потому только, что его содержитъ церковь, можетъ поведѣваться въ католической церкви; въ протестантской церкви такой способъ—„исповѣдывать“ вѣру своей церкви—не имѣетъ никакой цѣны. „И для протестантскаго міра вѣра внѣшнему авторитету представляется очень близкою опасностью. Гдѣ выдвигаются на первый планъ расчлененные догматы, съ ссылкой-ли то на церковное исповѣданіе или на непогрѣшимую Библию,—притомъ такъ, что послушное принятіе ихъ ставится для каждаго отдѣльнаго человѣка условіемъ спасенія, тамъ люди находятся уже на полдорогѣ въ Римъ. Seriously ищущіе умы чрезъ это отталкиваются отъ церкви, а среди вѣрующихъ порождается неотрадная благонадеженность, которая безъ глубокаго саморазсужденія и внутренней борьбы, безъ серьезнаго стремленія и изслѣдованія опирается при владѣніи „абсолютною“ истиною на основу твердостоящаго авторитета. Такое большею частію чуждое опыта „да“ не только не имѣетъ цѣны, но гораздо хуже, чѣмъ

честное колебаніе между да или нѣтъ... При этомъ получаетъ нѣкоторымъ образомъ провиденціальныи смыслъ то, что у нея современными критическими изслѣдованіями разрушаются „твердыя“ опоры. Благодаря этому подобные люди вынуждаются въ борьбѣ за міровозрѣніе обращаться къ своему живому хранилищу истины. Тогда это значитъ сызнова съ горячимъ рвеніемъ выйти на работу, чтобы въ радостной не исполненной личного опыта увѣренности вѣры, въ противность раннѣйшей благонадежности, все унаслѣдованное снова подвергнуть испытанію и такимъ путемъ дѣйствительно обратить въ собственность“ (A von Öttingen, I. p. VIII). Пусть эти слова великаго лютеранскаго богослова и извѣстнаго моралиста—статистика убѣдятъ cadaго въ томъ, что вѣра христіанъ—протестантовъ—не дѣло послушанія ученію своей церкви, не согласіе съ буквою исповѣданій ея, но благодатное дѣйствіе евангелія въ ихъ сердцахъ, которое становится удѣломъ ихъ только при условіи собственнаго исканія и борьбы! Это личный спасительный опытъ только и дѣлаетъ человека способнымъ на изложенныя въ исповѣданіи христіанскія истины смотрѣть какъ на выраженіе его собственнаго исповѣданія и въ исповѣданіи своей церкви находить подобные своимъ опыты вѣры, какъ онъ самъ пережилъ ихъ.

3. *Преимущества и невыгоды протестантскаго отношенія къ исповѣданіямъ церковнымъ.* Конечно, при такомъ отношеніи къ исповѣданіямъ въ протестантской церкви постоянно на лицо возможность догматическихъ разномысліи. Это можетъ показаться инымъ какъ невыгодная сторона протестантства по сравненію съ единообразіемъ вѣры у католиковъ. Но это много похваляемое единообразіе католическаго вѣросознанія покупается очень дорогою цѣною. Всякое собственное исканіе въ Священномъ Писаніи, всякое самопріобрѣтенное уѣжденіе по части вѣры здѣсь необходимо должно быть принесено въ жертву единству и непогрѣшимости церкви. Въ интересахъ единства вѣросознанія въ католической церкви практикуется невыносимая тиранія совѣсти. Всякое уклоненіе отъ ученія церкви есть достойная проклятія ересь, всякое движеніе оригинальной религіозной жизни въ зародышѣ погашется, хотя бы насиліемъ и кровію. Для свободы „христіанина человека“, который такъ

радуется своей вѣрѣ, поелику онъ самъ пережилъ ее, здѣсь не остается никакого мѣста, а между тѣмъ вѣра становится личною жизненною силою только тогда, когда болѣе не состоитъ въ повтореніи ученія за церковію, какъ это дѣлается въ католической церкви, но коренится въ собственномъ опытѣ и въ огнѣ искушеній выдерживаетъ испытаніе.

Такая вѣра дѣлаетъ сердце крѣпкимъ и радостно настроеннымъ и даетъ церкви ту внутреннюю силу, которая болѣе цѣнна, чѣмъ внѣшнее единообразіе ¹⁾. Такая вѣра порождаетъ и то богоговѣнное смиренное чувство, благодаря которому христіанинъ благодарно радуется серьезности и истинности содержанія исповѣданій раннѣйшихъ временъ и старается понять ихъ историческую необходимость. Чѣмъ глубже его вѣра, тѣмъ болѣе христіанинъ—протестантъ будетъ предохраненъ отъ того, чтобы искать своей силы въ отреченіи отъ церковнаго исповѣданія.

Никогда поверхностная рационалистическая критика догматовъ не приносила какой-либо пользы. Конечно, всякое время имѣетъ право выражать въ исповѣданіи свое пониманіе евангелія, но не всякое время къ тому призвано, всего менѣе время критическаго сомнѣнія и маловѣрнаго унынія, каково наше время. Кто тоскуетъ по „новомъ догматѣ“, работаетъ прежде всего по части углубленія и укрѣпленія своей собственной вѣры и такимъ образомъ помогаетъ возрожденію всей церкви, которой только и можетъ быть порожденъ новый догматъ.

Религія—частное-ли дѣло?

1. *Да или нѣтъ?* Религія есть отношеніе души къ Богу: Богъ и душа, душа и Богъ! Все, что хотѣло бы вмѣшаться въ это взаимодействіе, разрушаетъ его внутренній характеръ и свободу. „Чтобы человекъ находилъ Бога, Его имѣлъ, какъ своего Бога, дышалъ богоговѣніемъ къ Нему, на Него уповалъ и силою всего этого велъ святую и блаженную жизнь,— въ этомъ содержаніе и цѣль религіи“; и въ этомъ смыслѣ религія есть частное дѣло.

Но именно потому, что религія есть дѣло сердца и совѣсти, она есть вмѣстѣ нѣчто болѣе, чѣмъ частное дѣло. „Вы дол-

¹⁾ Однако самъ авторъ въ этомъ же сочиненіи рисуетъ довольно печальнымъ состояніе религіозной жизни въ своемъ отечествіи.

жны согласиться,—говоритъ Шлейермахеръ въ своей 4-й рѣчи о религіи,—съ тѣмъ, что есть нѣчто болѣзненное, въ высшей степени противосестественное въ томъ, если какой либо чело-вѣкъ тѣ, что онъ породилъ въ себѣ и обработалъ, хочетъ скрыть въ себѣ самомъ... и чѣмъ сильнѣе волнуетъ его что-либо, чѣмъ глубже проникается этимъ его существо, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ также стремленіе къ подѣльчивости. Дѣйствительно, какъ долженъ былъ-бы онъ удержать въ себѣ самыя обширныя и общія воздѣйствія міра, который ему представляется, какъ нѣчто самое великое и непреодолимое? Какъ долженъ былъ бы онъ запереть въ себѣ то, что его всего сильнѣе побуждаетъ выйти изъ себя? Его первое стремленіе, если его религіозное возрѣніе для него стало яснымъ или благочестивое чувство проникаетъ его душу,—скорѣе направляется къ тому, чтобы указать другимъ на этотъ самый предметъ и полеты своего духа насколько возможно привить имъ. Ни съ какимъ инымъ элементомъ жизни не соединяется органически такого живого чувства собственной полной неспособности когда либо исчерпать его для себя одного, какъ съ религіею!“ Но что имѣетъ значеніе по отношенію къ религіи вообще, то въ особенности примѣнимо къ христіанству. Спасительное дѣло Христа освящаетъ и возвышаетъ также и ближняго на степень соискупленнаго и въ свѣтѣ молитвы „Отче нашъ“ цѣлое челоуѣчество является единымъ братствомъ. Потому времена вѣры были всегда также и временами искренняго религіознаго общенія. Благочестіе всегда носило церковный характеръ. Здоровая, полная силы вѣра никогда не была частнымъ дѣломъ или дѣломъ, совершающимся въ углу, но всегда дѣломъ общественнымъ. Каждый христіанинъ рождается какъ членъ христіански-религіознаго общества.

2. *Религія есть дѣло церковное, народное, міровое.* Вѣра отдѣльнаго челоуѣка живетъ и зрѣетъ въ церкви, подъ ея воспитывающимъ вліяніемъ. Чрезъ нее посредствуется для насъ Духъ Христовъ и царство Божіе. Въ этомъ отношеніи мы можемъ также называть церковь „матерію вѣрующихъ“. Но ею она является только въ томъ смыслѣ, что она ведетъ отдѣльнаго челоуѣка къ личному участію въ ея благахъ, къ личной жизни въ вѣрѣ. Только тотъ есть членъ общества вѣру-

ющихъ или церкви, кто подъ ея воспитывающимъ вліаніемъ достигъ личнаго живаго общенія со Христомъ и Богомъ—Отцемъ. И потому для взрослыхъ христіанъ—протестантовъ сохраняютъ все свое значеніе слова Шлейермахера: „протестантизмъ отношеніе христіанина къ церкви ставитъ въ зависимость отъ его отношенія ко Христу, католицизмъ же отношеніе христіанина ко Христу ставитъ въ зависимость отъ его отношенія къ церкви“, и именно римской папской церкви.

Мы, протестанты, очень далеки отъ того, чтобы отрицать христіанство у членовъ церкви иныхъ исповѣданій или смотрѣть на себя самихъ, какъ единственно истинныхъ христіанъ, но мы живемъ убѣжденіемъ, что наше пониманіе евангелія есть болѣе чистое и совершенное. Потому мы обязаны дорожить христіанствомъ въ видѣ протестанства, не только ради насъ самихъ, но и ради всего христіанскаго міра.

Какъ показываютъ результаты миссіонерскаго дѣла и упадокъ романскихъ народовъ, будущее, повидимому, принадлежитъ протестанскому исповѣданію ¹⁾. Евангеліе приносить въ жизнь народовъ все новыя нравственныя жизненныя силы. Оно есть „соль“ и для народной жизни и сохраняетъ ее отъ гніенія и разложенія. Оно препобѣдило—мерзости языческаго варварства и распространяетъ Духъ Христовъ все шире по лицу земли. Сѣтъ христіанскихъ миссіонерскихъ станцій обнимаетъ весь земной шаръ. 10.000 работниковъ на миссіонерскомъ поприщѣ выставлены только со стороны протестанства, какъ піонеры христіанства въ языческомъ мірѣ. Великія сраженія даны, безчисленныя жертвы принесены, славныя побѣды одержаны. Ежегодно поступаетъ около 50 милліоновъ марокъ на миссіонерское дѣло.

Кто нынѣ серьезно желалъ бы утверждать, что религія есть частное дѣло, ничего болѣе, какъ частное дѣло,—тотъ остается слѣпымъ предъ очевидными фактами, какіе совершаются предъ его глазами (срав. выше). Если подъ религіею понимаютъ христіанство, то съ гораздо большимъ правомъ можно сказать: религія есть дѣло народное, есть дѣло міровое! N. N.

¹⁾ Иные изъ среды самихъ протестантовъ склонны считать протестанство близкимъ къ разложенію (см. кн. Huppert, Der deutsche Protestantismus zu Beginn des zwanzigsten Jahrhunderts. 1902 г.) См. заявленія самого автора стр. VI, VII, (конецъ) и 3.

Вл. С. Соловьевъ и его религіозно-нравствен- ные идеалы.

(Окончаніе *).

Въ допущеніи ученія развитія догматовъ церкви, какъ оно трактуется въ католичествѣ, Вл. С., дѣйствительно, отступилъ отъ чистоты православной истины, какъ это вполне основательно раскрыто и доказано въ цѣломъ рядѣ статей, напечатанныхъ нашимъ почтеннымъ богословомъ въ „Вѣрѣ и Разумѣ“, въ которыхъ съ убѣдительною установлена мысль, что задачи церкви по отношенію къ догматическому ученію ея, не въ *развитіи*, какъ бы изъ *заложеннаго* сѣмени истины, данной только въ зародышѣ, а въ *раскрытіи*, выясненіи, формулированіи и запечатлѣніи—утвержденіи истинъ открытыхъ, но не опредѣлявшихся въ сознаніи вѣрующихъ. Впрочемъ это ученіе, кажется, не столько было внушено католичествомъ, къ которому, можно сказать съ увѣренностью, Вл. С. относился вообще отрицательно, какъ проникнутому бездушнымъ формализмомъ, сколько явилось естественнымъ выводомъ изъ его теософской доктрины объ организаціи церкви, въ которой, какъ въ организмѣ, все,—значить,—и догматическое ученіе подлежитъ развитію, причемъ католическое ученіе о развитіи догматовъ только найдено подходящимъ, соответствующимъ ей, этой доктринѣ. Такимъ образомъ, это уклоненіе отъ чистоты православія, скорѣе, можно признать не болѣе, какъ теософскимъ увлеченіемъ нашего философа-богослова.

Еще болѣе чистыми и, можно сказать, безупречными по „патріотичности“ являются воззрѣнія нашего мыслителя публициста въ его „національномъ вопросѣ“. Всѣ они, въ общемъ,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 17 за 1906 г.

сводятся, къ тому, что Россія въ культурномъ отношеніи далеко отстоитъ по своимъ успѣхамъ отъ западной Европы, что ей нужно отрѣшиться отъ своего *націонализма*, отъ тѣхъ предрас-судковъ, по которымъ, по всѣмъ своимъ самороднымъ, самобыт-нымъ ея сторонамъ жизни, она выше запада, что все въ ней, что есть первобытнаго, лучше культурнаго западнаго и, потому, на ней лежитъ миссіанская задача спасти западный міръ отъ полнаго паденія, возвысить жизнь его по началамъ, какъ они сложились на Руси. По новымъ воззрѣніямъ Вл. С., все, что есть лучшаго въ Россіи относительно культурнаго развитія представляетъ продуктъ ея національнаго творчества, на осно-ваніи заимствованій отъ запада; что она, какъ сильная по природѣ нація и, потому, способная къ творчеству при заим-ствованіяхъ, велика, прежде всего, тѣмъ, что способна къ са-моотреченію и къ самоосужденію, съ вѣрой въ свою мощь; что достигла успѣховъ въ своемъ развитіи она путемъ при-званія своихъ недостатковъ, какъ это обнаружилось, напри-мѣръ, въ великомъ актѣ самоотреченія при призваніи варяговъ и реформѣ Петра I. Только благодаря этому, по воззрѣніямъ Соловьева, можетъ быть осуществлена миссіанская идея Россіи, что только въ самоотреченіи—начало и залогъ будущаго въ Россіи, которое состоитъ во внесеніи въ міръ что есть луч-шаго, существеннаго въ православной Россіи—вѣры, правды и любви. Въ исходной точкѣ зрѣнія эти взгляды напоминаютъ даже идеи величайшаго изъ русскихъ патріотовъ писателей, глубоковациональнаго мыслителя, Федора Михайловича Достоев-скаго, съ которымъ такъ близокъ былъ Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ, и представляютъ, какъ высказано было нѣкоторыми органами русской печати, желательное сочетаніе славянофиль-ства съ западничествомъ. Въ пользу этого, повидимому, гово-ритъ то обстоятельство, что соединеніе православной церкви съ католической у Вл. С. связывается съ идеею первоначаль-наго объединенія всѣхъ славянскихъ національностей право-славныхъ и католическихъ, что оно должно, прежде всего, произойти на почвѣ католическаго славянства и послужить идеѣ панславянства, которая потомъ можетъ быть проводни-комъ идеи единой вселенской церкви, или свободной теократіи.

Но слишкомъ напряженныя симпатіи къ польской національности, оченьъ сердечное отношеніе къ судьбѣ ея, сочувствіе національнымъ ея идеаламъ, выраженныя Вл. С. въ статьяхъ по гольскому вопросу, невольно вселяли въ ревнителей православной, національной русской идеи подозрѣвіе въ искренности отношенія его къ русской миссіанской идеѣ въ отношеніи къ славянству. Къ этому еще присоединялось живое расположеніе В. С. Соловьева къ евреямъ, какъ потомкамъ хранителей миссіанскихъ богочеловѣческихъ завѣтовъ, послужившимъ орудіемъ осуществленія истиннаго богочеловѣчества, а также во имя общности теократической задачи христіанства и еврейства созданія правильнаго (универсальнаго) общества ¹⁾, затѣмъ сочувственное отношеніе къ магометанамъ за то, что они при своей предавности вѣрѣ „живутъ по закону своей религіи“, что „хотя вѣра ихъ не истинна, но жизнь ихъ не лжива ²⁾ и, наконецъ, вообще смѣлая и одушевленная проповѣдь свободы совѣсти,—все это въ совокупности заставляло видѣть въ нашемъ мыслителѣ съ необычайно обширнымъ религіозно-нравственнымъ міросозерцаніемъ дѣятеля чуждаго интересамъ славянства. Самая эта широта философскаго міропониманія В. С., при слишкомъ узкомъ взглядѣ на него, истолковывалась нѣкоторыми въ смыслѣ далеко отъ христіанской даже истины, такъ какъ, по идеѣ всеединства, изъ котораго развивается міровая жизнь, теософія его казалась пантеистическою, а самъ онъ только христіанствующимъ философомъ.

Все это обнаруживаетъ путаницу понятій окружавшаго Соловьева общества, которое не сумѣло отличить кореннаго отъ производнаго, существеннаго отъ случайнаго. Оченьъ вѣроятно, что, какъ говоритъ Величко, другъ В. С. „этому способствовала яркость публицистическаго таланта его, которая, повредила цѣльности впечатлѣнія отъ его творческой личности: она настолько подѣйствовала на первое общество и критику, что крупный масштабъ, приложимый къ мыслителю такой громадной величины, былъ перепутанъ съ масштабомъ гораздо меньшимъ, примѣнимымъ къ обыкновеннымъ публицистамъ“. Впрочемъ, нашелся и настоящій масштабъ для него, но только

¹⁾ IV, 143—144.

²⁾ IV, 43.

это мѣрило оказалось въ рукахъ присяжныхъ цѣнителей высоко-талантливаго мыслителя, какъ оказавшаго услуги русскому просвѣщенію: онъ приложенъ былъ Академіею Наукъ, удостоившею В. С. сначала званія почетнаго академика, какъ художника русскаго слова, а потомъ и дѣйствительнаго члена Академіи Наукъ. И все-таки нашъ мыслитель-публицистъ остался одинокимъ, хотя и окруженнымъ многими друзьями и почитателями: у него не оказалось ни школы, ни отдѣльных даже послѣдователей, которые послужили бы раскрытію и развитію его идей и идеаловъ. Но и въ одиночествѣ своемъ онъ стоитъ высоко, какъ колоссъ съ ореоломъ величія.

Вл. С. Соловьевъ, какъ мыслитель, глубоко субъективенъ; кромѣ того, на его мышленіи лежалъ яркій отпечатокъ его своеобразной личности мыслителя-поэта, мысль котораго, по выраженію одного критика, „была насыщена скрытою энергіею чувства“. Естественво, поэтому, что, не довольствуясь строго логическимъ изложеніемъ, она нашла себѣ другой способъ воплощенія, въ поэзіи, въ лирическомъ творествѣ. Въ немъ въ высшей степени сильно, полно и ярко отражается и личность поэта-философа со всею глубиною его интимныхъ, задушевныхъ мыслей и чувствъ, тѣмъ болѣе, что въ поэзіи его ничего почти нѣтъ злободневнаго, а только чистые, хотя иногда не совсѣмъ дружественные, но сильные и вдохновенные отзвуки его внутренней жизни—мыслительной дѣятельности. Всего болѣе любилъ онъ воспѣвать красоту природы, но не какъ пассивно наслаждающійся ею зритель, а какъ философъ, сообщающій ей свое освѣщеніе. Въ красотѣ природы онъ созерцаетъ „преображеніе матеріи“ чрезъ воплощеніе въ ней иного, сверхматеріальнаго начала, при чемъ матеріальная стихія, воплощая въ себѣ идеальное содержаніе, тѣмъ самымъ просвѣтляется и одухотворяется. Отсюда у поэта-философа чувство родства съ природою, вселяющею своей красотой свѣтлое, примиряющее настроеніе, какъ это выражается на примѣръ въ слѣдующихъ стихахъ:

„Земля—владычица!

Къ тебѣ чело склонилъ я

И сквозь покровъ благоухонный твой

Родного сердца пламень ощутилъ я,
 Услышалъ трепеть жизни міровой...
 ...И въ явномъ таинствѣ вновь вижу сочетанье
 Земной души со свѣтомъ неземнымъ,
 И отъ огня любви—житейское страданье
 Уносится, какъ мимолетный дымъ.

Проникаясь этимъ „неземнымъ свѣтомъ“ въ природѣ и тѣмъ, что
 Подъ личиной вещества безстрастно

Вездѣ огонь божественный горитъ,

поэтъ всюду видитъ отраженіе присутствія Божества въ ней;
 его восхищаетъ, умиляетъ и ободряетъ эта близость божества
 къ нему, въ которую ему хочется вѣрить,—что такъ живо вы-
 ражается въ стихотвореніи „Иммануэль“:

„Да! съ нами Богъ,—не тамъ, въ шатрѣ лазурномъ“,

„Не за предѣлами безчисленныхъ міровъ“,

„Не въ зломъ огнѣ и не въ дыханьѣ бурномъ“,

„И не въ уснувшей памяти вѣковъ“,—

„Онъ здѣсь теперь,—среди суеты случайной“,

„Въ потокѣ мутномъ жизненныхъ тревогъ“,

„Владѣешь ты всерадостною тайной“:

„Безсильно зло, мы вѣчны, съ нами Богъ“.

Не эта ли вѣра Вл. С. въ близость Божества къ нему
 располагала его постоянно ходить предъ Богомъ и отдаваться
 христіанскому подвигу бдѣнія надъ собой, съ самоотверженіемъ,
 доходящимъ до аскетизма, выражавшемся, между прочимъ, въ
 строгомъ постничествѣ и въ уединенной молитвѣ. Но аске-
 тизмъ для подвижника-философа имѣлъ значеніе, какъ средство
 очищенія и возвышенія души для нравственнаго единенія съ
 ближними, или, по его философской терминологіи, значеніе
 только въ связи съ альтруизмомъ, который онъ понималъ,
 какъ выраженіе любви къ ближнимъ въ добрѣ для нихъ. Этою
 идеею любви, какъ побѣждающею особность и разобщенность
 между людьми, проникнуто было все міросозерцаніе нашего
 поэта-философа, и оно, естественно, выразилось въ поэзіи его.
 Но это не та съ нѣжными чарами любовь, которая, какъ
 неизбѣжный предметъ, воспѣвается всѣми поэтами, а любовь,
 такъ сказать, философская. Она является однимъ изъ основ-

ныхъ мотивовъ поэзіи В. С., какъ поэта-мыслителя, и большею частью, съ мистическимъ характеромъ. Объектъ ея—„таинственная подруга“—высшее вдохновляющее начало, не имѣющее конкретнаго образа, вѣчно—женственное, въ которомъ заключалось для него все высокое и прекрасное, что открывается вообще въ любви. Эта „таинственная подруга“ сопровождала его на всѣхъ путяхъ, онъ слышалъ ея голосъ, онъ чувствовалъ ея вѣяніе, она виднѣла въ ней водительство къ царствію Божію. Объ этой только любви поэтъ могъ восторженно сказать:

„Смерть и время царятъ на землѣ“,

„Ты владыками ихъ не зови“:

„Все кружась, исчезаетъ во мглѣ“,

„Неподвижно лишь солнце любви“

Это-то солнце любви и озаряло ему путь жизни, вдохновляло къ добру, въ отношеніяхъ къ жизни, въ его альтруизмѣ; оно влекло этого человеколюбца ко всѣмъ людямъ, особенно вызывало, притомъ, дѣятельное участіе ко всѣмъ обездоленнымъ, нуждающимся, страждущимъ, но особенно къ обращающимся къ нему бѣднякамъ, нищимъ и, вообще нуждающимся; это выразилось въ самоотверженной благотворительности, отъ которой нашъ философъ—благотворитель часто самъ бѣдствовалъ. Онъ дѣлился съ нами чѣмъ только могъ: не имѣя денегъ, напр., отдавалъ нищему свой платокъ и т. под. Имѣя возможность, при хорошемъ литературномъ заработкѣ, пользоваться благами культурной жизни, онъ постоянно терпѣлъ нужду и часто даже голодъ и холодъ, самъ топилъ печь, ставилъ самоваръ. Очевидно, онъ не цѣнилъ этихъ благъ внѣшнихъ, былъ выше ихъ. И никакими соблазнами жизни нельзя было завлечь и прельстить его ими. Поэтому, нашъ философъ-подвижникъ, какъ бы унаслѣдовавшій духовную натуру отъ своего незабвеннаго прадѣда, Григорія Саввича Сковороды, этого философа—оригинала, вмѣстѣ съ его юморомъ, могъ отнести и къ себѣ его извѣстную эпиграфю: „Міръ меня ловилъ, но не поймалъ“. Такъ же, какъ и прадѣдушка, онъ при всѣхъ самолишеніяхъ и при всѣхъ невгодахъ жизни, носилъ въ себѣ всегда бодрое и свѣтлое настроеніе.

Что же вселяло, укрѣпляло и поддерживало въ немъ это счастливое настроеніе? Легко догадаться: его религіозно-нравственные идеалы.

Идеалы... Какое чудное это слово! У кого не отзывается оно въ сердцѣ чѣмъ-то свѣтлымъ, радостнымъ?! Кто не творитъ идеаловъ, этихъ завѣтныхъ образовъ лучшаго, и не утѣшается ими? Къ нимъ, этимъ свѣточамъ нашимъ, уносимся мы сладкою мечтою отъ неудовлетворяющей насъ, иногда суровой и мрачной, дѣйствительности, отъ ея лишеній, невзгодъ и страданій въ лучшій міръ; они даютъ намъ опору, сулятъ радости, освѣщаютъ жизненный путь... Недовольство дѣйствительностью вызываетъ творческій процессъ, которымъ, соотвѣтственно идеѣ лучшаго, создаются отдѣльной личностью индивидуальныя идеалы, смотря по степени развитія, запросовъ ея. Они составляютъ цѣль индивидуальныхъ стремленій, служащихъ къ удовлетворенію личныхъ интересовъ, потребностей счастья. Но есть идеалы, вытекающіе изъ потребностей цѣлаго общества, народа и даже всего человѣчества, которые являются и творцами ихъ. Такіе же идеалы создаются и отдѣльными представителями этихъ единицъ: поэтами—въ образахъ и философами—въ понятіяхъ. Въ этихъ идеалахъ выражаются широкія обобщенія, обширные горизонты мысли. Они, принадлежа отдѣльнымъ творцамъ, предназначаются служить общимъ достояніемъ, какъ цѣль стремленій многихъ людей. Таковы религіозно-нравственные идеалы В. С., открывающіе собою наиширочайшія философско-богословскія перспективы.

Глубоко вѣрующій мыслитель, ставившій выше всего религіозно-нравственныя потребности, человѣкъ съ необыкновенно чуткой душой къ осуществленію и нарушенію ихъ, Вл. С. не могъ не поражаться видомъ полного несоотвѣтствія имъ окружающей жизни, этой пропастью между житейскими интересами, которыми она наполнена, и религіей, какъ она должна осуществляться въ жизни; пропастью между обществомъ, погрязшимъ въ этихъ интересахъ, и—церковью, служащею воплощеніемъ интересовъ религіозно-нравственныхъ. Его возвышенная религіозно-нравственная настроенность не могла со

всею силою энергии не реагировать на явления жизни, особенно такъ называемаго образованнаго общества, которое къ дѣламъ религіи относилось большею частью, какъ къ чему-то несущественному, обрядовому, постороннему, — формально, индефферентно и даже пренебрежительно. Философско-богословскіе вопросы, которымъ съ увлеченіемъ отдался онъ, сообщали яркое освѣщеніе этой ужасной розни и возбуждали въ немъ стремленіе придать религіозно-нравственной области высшій, всеобъемлющій смыслъ, обосновавъ ее на началахъ философскихъ, — чтобы эти философскіе основы послужили мостомъ къ этой области. Въ нихъ же открылся для В. С. живой источникъ его высшихъ стремленій и идеаловъ, связанныхъ съ его міросозерцаніемъ.

Система философско-богословскихъ воззрѣній нашего мыслителя можетъ быть опредѣлена слѣдующими общими чертами. Существуетъ конкретный, живой всеединый, всеобъемлющій Духъ, — реальное бытіе, независимое, абсолютное, и — бытіе производное, реальный міръ, посредствующимъ звеномъ котораго между имъ самимъ и абсолютнымъ является человекъ. Въ этомъ мірѣ, съ самаго начальнаго процесса его развитія изъ хаотическаго состоянія, въ частяхъ его проявляется, стремленіе къ личности, къ „самоутвержденію“ ихъ, какъ это поэтически выражено въ стихотвореніяхъ нашего мыслителя — поэта, напр., въ „Сайма“, въ стихахъ:

Озеро плещетъ волной безпокойной,
 Словно какъ въ морѣ растущій прибой;
 Рвется къ чему-то стихія нестройная,
 Спорить о чемъ-то съ враждебной судьбой.
 Знать, не по сердцу оковы гранитныя!
 Только въ безмѣрномъ отрадѣнъ покой.
 Сняты были вѣка первобытныя,
 Хочется снова царить надъ землей.
 Бейся, волнуйся, невольница дикая!
 Вѣчный позоръ добровольнымъ рабамъ.
 Сбудется сонъ твой, стихія великая, —
 Будетъ просторъ всѣмъ свободнымъ волнамъ.

Но отдѣльныя части не равны всему истинному бытію; онѣ могутъ имѣть значеніе по отношенію къ той или другой сторонѣ его, причемъ, какъ части, предполагаютъ цѣлое, или, выражаясь языкомъ поэта-философа, „воздыхаютъ“ о немъ, стремятся къ нему, такъ говорится въ одномъ стихотвореніи его:

Волна, въ разлукѣ съ моремъ,
 Не вѣдаетъ покою,
 Ключемъ ли бьетъ кипучимъ,
 Иль катится рѣкою;
 Все рошчетъ и *вздыхаетъ*
 Въ цѣпяхъ и на просторѣ,
 Тоскуя по безбрежномъ,
 Бездонномъ синемъ морѣ.

Собственно въ этой множественности частей нѣтъ бытія, — онѣ имѣютъ его только въ истинно-сущемъ, незримомъ, какъ это выразится въ стихахъ:

Милый другъ, иль ты не видишь,
 Что все видимое нами —
 Только отблескъ; только тѣни
 Отъ *незримаго* очами.

Бытіе, въ сущности, принадлежитъ только Богу и Его образу-подобію человѣку, или богочеловѣчеству, въ которомъ выражается идея всеединства, — цѣль мірового процесса. Богочеловѣчество же исторически проявилось въ Бого-воплощеніи въ лицѣ Іисуса Христа, открывшаго царство Божіе въ формѣ церкви, какъ духовнаго универсальнаго организма всеединого человѣчества, имѣющаго своею цѣлью развитіе, совершенствованіе въ богоуподобленіи.

Но какъ достигнуть цѣлей царствія Божія? Отсюда начинается смѣлый полетъ богословско-философской мысли нашего теософа на высоту идеала теократическаго устройства духовной общечеловѣческой организаци, т. е. боговластія, богоуправленія человѣчествомъ въ формѣ вселенской церкви съ государственнымъ устройствомъ, какъ „всемирной организаци истинной жизни“, какъ вселенскаго братства, такъ какъ „высшее благо, истинная цѣль теократіи заключается въ совершенной взаимности свободнаго богочеловѣческаго соединенія, —

не въ полнотѣ власти, а въ полнотѣ любви“¹⁾ „Къ исполненію абсолютной вселенской теократіи, говоритъ теософъ, необходимымъ подготовленіемъ служитъ историческая теократія ветхаго завѣта, осуществляющая идею единой богочеловѣческой власти въ узкихъ предѣлахъ національной власти, причемъ, однако, самъ Израиль не могъ удовлетвориться этимъ ограниченнымъ осуществленіемъ теократіи, и отъ своихъ дѣйствительныхъ помазанниковъ—священниковъ, царей, пророковъ перешелъ къ идеалу—помазаннику по преимуществу—Мессіи, или Христу“. По взгляду нашего теософа, Христосъ основалъ на землѣ церковь, какъ всемірную монархію, и, въ лицѣ апостола Петра, положилъ начало церковной династіи, доселѣ правящей вселенскою церковью въ папствѣ, которое и является интернаціональною основою всеединства въ формѣ церкви, какъ универсальнаго духовнаго организма. Но для этого нужна еще власть политическая, сосредоточивающаяся въ рукахъ духовнаго владыки міра и имѣющая особаго представителя въ лицѣ христіанскаго царя, проводника въ жизнь христіанскихъ принциповъ, находящагося въ сыновнемъ отношеніи къ папѣ. Эта роль должна принадлежать царю русскому—властителю третьяго Рима. Въ лицѣ его, русскій народъ долженъ провести въ жизнь тотъ идеалъ свободной теократіи, къ которому безсознательно стремятся всѣ народы,—истиннаго объединенія въ духѣ братской любви всѣхъ народовъ и всѣхъ состояній, съ уничтоженіемъ всякихъ національностей и всякихъ сословныхъ раздѣленій. Такимъ образомъ, всемірная миссія русскаго народа, о которой мечтали славянофилы, по такому утопическому идеалу, должна послужить для содѣйствія въ этомъ государственными средствами теократическимъ началамъ,—послужить религіозно-нравственному обновленію, совершенствованію человѣчества для достиженія цѣлей его—богочеловѣчества и всего мірового эволюціоннаго процесса—объединенія съ божествомъ—всеединства. Вслѣдствіе крайней проблематичности способовъ осуществленія начертаннаго нашимъ теософомъ идеала теократіи, это осуществленіе онъ отодвигалъ на необозримое пространство времени, до при-

¹⁾ Т. IV, стр. 582.

шествія Христа. При этомъ, близкій другъ его Величко, свидѣтельствуеть, что за мѣсяць предъ смертію В. С., на вопросъ о роли папства въ теократическомъ союзѣ съ русскимъ царемъ, даже сказалъ: „это отошло“.

Произвольное измышленіе это при всей его грандіозности, ничѣмъ неоправдываемое, поражающее только странностью, объясняется, кажется, только личностью творца его, его личными стремленіями, желаніями. До глубины души проникнутый религіозною идеею, какъ основнымъ началомъ жизни человѣка и всего существующаго, вдохновленный ею, нашъ мыслитель во всемъ хотѣлъ видѣть живое осуществленіе ея, вмѣстѣ съ неразлучною съ нею идеею нравственною, чтобы ими обнималась въ формѣ церковной всѣ сферы жизни—личной, семейной, общественной и государственной въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ.

Сама по себѣ, внѣ связи съ идеею теократіи, эта религіозно-нравственная идея, собственно идея осуществленія въ жизни всего человѣчества христіанства—царствія Божія, или, выражаясь языкомъ В. С., „богочеловѣчества“, путемъ универсальной организаціи и соотвѣтствующаго строя отношеній въ ней, высока, животворна, и идеалы, зиждущіеся на ней, жизненны и привлекательны.

Христіанство возвѣстило и установило высокій принципъ—достоинства человѣческой личности, какъ существа богоподобнаго, сроднаго съ божествомъ, притомъ находящагося въ живомъ (мистическомъ) общеніи съ нимъ. По взгляду нашего мыслителя, это служитъ основой внутренняго царства каждаго христіанина,—царствованія въ немъ Бога, располагающаго дѣйствовать по волѣ Его. А кто имѣетъ въ себѣ Бога, тотъ ко всему относится „по—Божьи“, т. е. какъ Богъ по отношенію къ людямъ. Средою же осуществленія такого отношенія являются равныя намъ по достоинству существа—люди. Признавая за собой достоинство человѣческой личности, какъ богоподобнаго существа, мы по справедливости, должны признавать то же самое за всѣми другими людьми и вмѣстѣ съ тѣмъ принимать „полное участіе въ дѣлѣ общаго совершенствованія для окончательнаго откровенія царства Божія въ

міръ“, притомъ такъ, чтобы каждый понималъ и исполнялъ общее дѣло, какъ свое собственное“. Уясняя связь между личностью и обществомъ, В. С. находитъ, что существующее разъединеніе между личностью и обществомъ есть явленіе только кажущееся, потому что „общество есть объективно осуществляемое содержаніе разумно—нравственной личности, существенное ея восполненіе“¹⁾. „Общество, говорить онъ, есть дополненная и расширенная личность, а личность—сжатое и сосредоточенное общество“²⁾; значить, человѣчество и человѣкъ, съ религіозной точки зрѣнія, по нему,—одно, потому что нормальный человѣкъ безусловно солидаренъ со всѣми или мыслимъ только во всемъ, точно такъ-же—всѣ немислимы безъ него; поэтому, для усовершенствованія жизни, нужно только созвательно осуществленіе этой личной солидарности, положенной въ человѣческой природѣ. Вслѣдствіе такой особенности природы человѣческой, личный подвигъ можетъ имѣть значеніе, быть плодотворнымъ только въ обществѣ; съ другой стороны, въ силу своего безусловнаго достоинства, какъ нравственнаго существа, и безусловнаго права на личное существованіе и свободное развитіе своихъ силъ, по Соловьеву, „никакой человѣкъ, ни при какихъ условіяхъ и ни по какой причинѣ не можетъ разсматриваться, какъ только средство для какихъ бы то ни было постороннихъ цѣлей,—онъ не можетъ быть только средствомъ или орудіемъ ни для блага другого лица, ни для такъ называемаго общаго блага, т. е. большинства другихъ людей, но долженъ быть самоцѣлью“³⁾. Но проявить и развить свои силы и увѣковѣчить свою личную жизнь единичный человѣкъ можетъ только въ общеніи, во взаимной любви съ другими. Эта социальная любовь необходима потому, что „человѣкъ—существо социальное, и высшее дѣло его жизни, окончательная цѣль его усилій лежитъ не въ его личной судьбѣ, а въ социальныхъ судьбахъ всего человѣчества“⁴⁾. По этому то личной работой надъ собой эта цѣль не можетъ быть достигнута, а только посредствомъ „организаціи наилучшихъ социальныхъ порядковъ“, устроенія общест-

¹⁾ Т. VII, 214.

²⁾ Т. VII, 216.

³⁾ Т. VII, 277.

⁴⁾ Т. VI, 301.

венныхъ формъ“— для того „чтобы общество становилось *организованною нравственностью*“¹⁾. Такъ какъ, далѣе, человѣчество не есть простая сумма разныхъ самостоятельныхъ единицъ, а живой организмъ, который образуется изъ людей, то развитіе нравственной личности отдѣльнаго лица обуславливается общественной средою, той или другой степенью развитія культуры въ обществѣ и государствѣ съ его учрежденіями—тѣмъ, что В. С. называетъ „*организованнымъ добромъ*“²⁾, дѣломъ „собрательнаго человѣка“. Отсюда „нравственная жизнь, по воззрѣнію В. С., на той ступени, до которой исторически человѣческое сознаніе достигаетъ въ христіанствѣ, открывается какъ задача всеобщая и всеобъемлющая“, а не „дѣло личнаго чувства, или правило частнаго поведенія“, какъ учатъ поборники *моральнаго субъективизма* (гр. Л. Н. Толстой).

Недостаточность субъективной нравственности, опредѣляющейся „только внутренними состояніями и единоличными дѣйствіями субъекта“, „недостаточность единичнаго добра и необходимость его собирательнаго воплощенія“, по которому „нравственное совершенство достигается съ помощью закономѣрнаго общественнаго процесса, нашъ мыслитель-моралистъ выясняетъ на двухъ наглядныхъ примѣрахъ: извѣстнаго патріархальнаго героя греческаго Одиссея и одного русскаго помѣщика Елатомскаго уѣзда, К—рова, обрисованнаго въ очеркахъ Дубасова. Въ лицѣ Одиссея, по Соловьеву, представляется высшій идеаль безупречной патріархальной нравственности,—благочестія, справедливости, всѣхъ семейныхъ добродѣтелей, мужества и сердечности, чувствительности, которая въ нѣсколькихъ мѣстахъ Одиссея изображается въ томъ, какъ онъ плакалъ въ горестныхъ обстоятельствахъ личной жизни и жизни своихъ близкихъ. И, однако, этотъ лучшій герой древности съ покойною совѣстью вѣшаетъ провинившихся несчастныхъ служанокъ, какъ дроздовъ и, искрошивъ козоведа Мелавтія, бросаетъ его собакамъ на съѣденіе, т. е. совершаетъ такіе жестокіе поступки, которые въ наше время совершенно невозможны даже для самаго обыкновеннаго человѣка. И „это происходило, говоритъ В. С., конечно, не отъ недостатка у древнихъ героевъ субъективной

1) Т. VII, 270.

2) Тамъ же 272.

правственности“¹⁾. Въ лицѣ К—рова представляется помещикъ сороковыхъ годовъ, въ имѣніи котораго, кромѣ того, что многіе крестьяне (особенно дѣти) замучены до смерти, не было ни одного не избитаго крестьянина, ни одной крѣпостной дѣвушки непоруганной“²⁾. При этомъ Вл. С. замѣчаетъ, что въ данномъ случаѣ „важны не эти злоупотребленія, а отношенія къ нимъ общественной среды“, что „на повальномъ обыскѣ въ Елатомскомъ уѣздѣ большинство дворянъ отозвалось о К—вѣ, что онъ „истинно благородный человѣкъ“ и истинный христіанинъ и исполняетъ всѣ христіанскіе обряды“. Сближая безчеловѣчные отношенія героевъ Гомера и Дубасова къ безправнымъ подвластнымъ людямъ, считавшіяся дозволительными у современниковъ и возмущающіе насъ, онъ далѣе указываетъ, что „повышеніе этическихъ требованій произошло не въ тѣ три тысячелѣтія, а лишь въ три послѣднія дѣсятилѣтія“, что „то, чего идея, ограниченная субъективной сферой личной нравственности, не могла сдѣлать въ теченіе тысячелѣтій, она сдѣлала въ вѣсколько лѣтъ, когда воплотилась въ публичной сферѣ и стала *общимъ дѣломъ*“³⁾, и явилась общественная организація нравственныхъ идеаловъ.

Но эта организація выражающаяся въ правовыхъ порядкахъ, въ учрежденіяхъ, прежде всего, для достиженія нравственныхъ цѣлей, по идеалу нашего моралиста, не должна быть механическимъ соединеніемъ, по которому входящіе въ составъ ея служатъ только орудіями для достиженія цѣлей общественной пользы, какъ это видимъ мы въ *соціальномъ реализмѣ*. „Если бы, говоритъ Вл. С., человѣкъ опредѣлялся по существу своему, какъ только общественное животное (*ζῷον πολιτικόν*) и больше ничего“, то въ такомъ случаѣ идеаломъ человѣческой организаціи былъ бы муравейникъ, въ которомъ, какъ указываетъ онъ, по Лейббоку, при самоотверженной преданности всѣхъ и каждому общему порядку, замѣчается полное отсутствіе сочувствія бѣдственной судьбѣ отдѣльныхъ муравьевъ⁴⁾. Но, человѣкъ, какъ существо нравственное, служащее цѣлому, имѣетъ безусловное право на свое существованіе и

¹⁾ Т. VII 286.

³⁾ Т. VII 268.

²⁾ Т. VII 287.

⁴⁾ Т. VII. 276.

свободное развитіе своихъ силъ для себя и вмѣстѣ для сауженія идеалу „свободнаго единенія всѣхъ въ совершенномъ добрѣ“.

Такъ какъ съ мыслию о реальной, или прамѣ, матеріальной полезности организаціи связывается вопросъ экономическій, который въ жизни играетъ подавляющую роль, обособляя экономическую область отъ нравственныхъ условій человѣческой дѣятельности, то Вл. С. экономическую сторону жизни ставить въ идеальную зависимость отъ нравственной. По нему, въ обществѣ людей, какъ существъ нравственныхъ, подчиняющихъ свои дѣйствія мотивамъ чистаго добра, объ обособленіи экономическихъ началъ отъ нравственныхъ не можетъ быть и рѣчи; напротивъ, первые должны быть въ подчиненіи у послѣднихъ и въ нихъ должны находить свое оправданіе. Только при этой зависимости экономическихъ отношеній отъ нравственныхъ возможно обезпеченіе за каждымъ права на *достойное* человѣческое существованіе, — безъ признанія матеріальнаго богатства цѣлью хозяйственной дѣятельности; только при этомъ условіи производство въ области матеріальнаго труда не можетъ быть въ ущербъ достоинству производителей, какъ только орудія этого производства, и при нравственной только организаціи общественныхъ отношеній въ матеріальномъ трудѣ возможно принудительное ограниченіе злоупотребленій — въ рожденіи непомѣрнаго развитія капитализма, въ разныхъ безнравственныхъ спекуляціяхъ, въ фальсификаціяхъ, ростовщичествѣ и т. п. отрицательныхъ явленіяхъ экономической жизни общества.

Если въ основѣ правовыхъ отношеній общественнаго организма, касающихся вѣшняго, матеріальнаго благоустройства жизни, должны лежать нравственныя начала, какъ необходимо обуславливающія наиболее правильное, соответствующее природѣ чловѣка достиженіе цѣлей его, — то тѣмъ болѣе должно имѣть значеніе, по Соловьеву, приложеніе этихъ началъ къ области явленій нравственной жизни общества.

Въ обществѣ, какъ въ организмѣ, по нему, неизбежны своего рода болѣзненные явленія въ этомъ отношеніи, выражающіяся въ дѣйствіяхъ злой воли, нарушающихъ нравственныя

права—личности сочленовъ. Имѣя въ виду двѣ противоположныя доктрины, трактующія отношеніе общества къ такимъ явленіямъ,—иначе,—къ уголовнымъ преступленіямъ, при которыхъ, по одной, требуется карательное возмездіе за нихъ зломъ за зло, страданіемъ за страданіе, и по другой—„непротивленіе злу“, только словесное вразумленіе,—нашъ философъ—моралистъ устанавливаетъ такіа гуманная начала воздѣйствія на преступниковъ, которыми устраняется первое и восполняется нравственно правовымъ порядкомъ второе. Отстаивая нравственную законсообразность и цѣлесообразность перваго порядка, противъ возраженія гр. Л. Н. Толстого, который видитъ въ немъ насиліе надъ человѣкомъ, онъ проводитъ ту мысль, что по отношенію къ преступникамъ насиліе позволительно и даже благодѣтельно. „Если позволительно и нравственно обязательно, говоритъ онъ, вытащить утопающаго изъ воды, хотя бы онъ этому сопротивлялся, то тѣмъ болѣе оттащить преступника отъ его жертвы, хотя и въ этомъ случаѣ были царапины, синяки и даже вывихи“¹⁾. Еще нагляднѣе и характернѣе аргументація В. С. противъ софистическаго довода въ пользу доктрины „непротивленія злу“, опирающейся на мысль, что человѣкъ не знаетъ, въ чемъ добро, въ чемъ зло, что часто карается, какъ зло то, что оказывается добромъ. Выводя изъ этого основанія нелѣпую мысль, что, признавая его, намъ не слѣдуетъ противиться собственнымъ страстямъ, такъ какъ отъ нихъ могутъ получаться благія послѣдствія,—онъ иронически представляетъ слѣдующее возможное слѣдствіе изъ возможнаго факта. „Нѣкто ради воздержанія не пошелъ въ трактиръ, а между тѣмъ, еслибы онъ не воспротивился своему влеченію и пошелъ бы туда, то на обратномъ пути нашелъ бы полужамерзшаго щенка, и, будучи въ данномъ состояніи склоненъ къ чувствительности, подобралъ бы его и отогрѣлъ, и этотъ щенокъ, ставши большой собакой, спасъ бы утопавшую въ пруду дѣвочку, которая бы потомъ сдѣлалась матерью великаго человѣка; между тѣмъ какъ теперь, вслѣдствіе неумѣстнаго воздержанія, разстроившаго планы провидѣнія, ще-

¹⁾ Тамъ-же 329.

нокъ замерзъ, дѣвочка утонула, а великій человекъ осужденъ на вѣки оставаться перодильшимся¹⁾.

Эта аргументація у Вл. С. сводится къ заключенію о значеніи нравственно-гуманнаго начала въ уголовной области, по которому, при недопущеніи ни равнодушнаго отношенія къ преступленіямъ, ни наказанія за нихъ, какъ возмездія и устрашающей кары, требуется дѣйствительное противодѣйствіе имъ. Съ точки зрѣнія практическаго приложенія, это противодѣйствіе является гуманнымъ средствомъ законно-принудительнаго ограниченія вѣшняго проявленія злой воли не только въ отношеніи безопасности общества отъ преступленій, но и въ отношеніи къ личности преступника. Какъ на торжество гуманности въ отправленіяхъ правосудія Вл. С. указываетъ на приложеніе такъ называемыхъ условныхъ приговоровъ (принятыхъ, напр., въ Ирландіи, въ Бельгіи), по которымъ, преступникъ, хотя и приговаривается къ установленному наказанію, но, въ видахъ возможности исправленія, „отбываетъ его только при повтореніи имъ того же преступленія“, такъ какъ первое преступленіе считается за дѣйствіе случайное, а не за проявленіе злой воли.

Такимъ образомъ, по взгляду нашего философа-моралиста, нравственное начало составляетъ душу права, то, что охраняетъ нормы должнаго, т. е. добра, и возстановляетъ ихъ, когда онѣ нарушаются, и что самое право, при этомъ, имѣетъ болѣе отрицательное, чѣмъ положительное значеніе: „задача права, говорятъ онъ, не въ томъ, чтобы лежащій во злѣ міръ обратился въ Царствіе Божіе, а въ томъ только, чтобы до времени онъ не превратился въ адъ“²⁾.

Съ точки зрѣнія нравственно-правовой принудительности для устраненія зла, Вл. С. оправдываетъ вопіющее насиліе, которое проявляется въ величайшемъ злѣ всего человѣчества— въ войнѣ.

Допуская войну, какъ относительное и неизбежное зло, въ цѣляхъ нравственныхъ, онъ объясняетъ необходимость ея слѣдующимъ характернымъ примѣромъ: „хотя всякій согласится, говорятъ онъ, что выбрасывать дѣтей изъ окошка на мостовую

¹⁾ Тамъ же 331.

²⁾ Т. VII, 387.

есть дѣло безбожное, безчеловѣчное и противоестественное, однако, если во время пожара не представляется другого средства извлечь несчастныхъ младенцевъ изъ пылающаго дома; то это ужасное дѣло становится не только позволительнымъ, но и обязательнымъ¹⁾. Призывая войну ненормальнымъ и противоестественнымъ способомъ дѣйствія, Вл. С. ставить ее въ подобную зависимость отъ необходимости, вслѣдствіе чего она, находя себѣ оправданіе въ этомъ, становится явленіемъ, въ которомъ, по аналогіи съ бросаніемъ дѣтей изъ пылающаго дома, „никакого отступленія отъ нравственной нормы нѣтъ, а есть только прямое ея приложеніе способомъ, хотя неправильнымъ и опаснымъ, но такимъ, однако, который, въ силу реальной необходимости, оказывается единственно возможнымъ *при данныхъ условіяхъ*“. По нему, хотя христіанство проповѣдью мира и любви принципиально отвергаетъ войну, какъ выраженіе вражды и ненависти, но пока высшими христіанскими принципами не проникнуты всѣ народы, войны будутъ необходимымъ меньшимъ зломъ, во избѣжаніе большаго, значить, какъ бы благомъ, конечно, относительнымъ.

Здѣсь, очевидно, къ международнымъ отношеніямъ примѣняется та же нравственная точка зрѣнія, что и къ отношеніямъ между отдѣльными лицами. И нашъ философъ, дѣйствительно, устанавливаетъ аналогію нравственныхъ отношеній между отдѣльными людьми и цѣлыми народами, что полагается у него въ основу рѣшенія сложнаго національнаго вопроса. При этомъ рѣшеніи онъ одинаково отвергаетъ и узкій национализмъ, и космополитизмъ, утверждая, что христіанство,—съ точки зрѣнія котораго и можно только рѣшать данный вопросъ,—по своей универсальности, всенародно и сверхнародно, но что этимъ, однако, нисколько не отрицается, значеніе народности, какъ проявленія естественныхъ свойствъ и силъ народа, изъ которыхъ слагается его личность, и что въ народности оно находитъ для себя естественную почву, и какъ по отношенію къ отдѣльнымъ людямъ не можетъ требовать безличности, такъ по отношенію къ отдѣльнымъ народамъ—безънародности. Духовное возрожденіе въ христіанствѣ не па-

¹⁾ Т. VII, 398.

рализуетъ естественныхъ свойствъ и силъ человѣка, но только преобразуетъ ихъ, даетъ имъ новую жизнь, содержаніе и направленіе въ дѣятельности къ своему благу и ко благу другихъ. И народы, какъ отдѣльныя лица, сохраняя свою индивидуальность, по Соловьеву, живя и дѣйствуя согласно своимъ стремленіямъ, осуществляютъ свои идеи, какъ органы цѣлаго—человѣчества, служатъ тому, что нужно ему, и, какъ отдѣльныя лица,—живутъ не для себя только, а для всѣхъ. Поэтому, нашъ философъ-христіанинъ съ воодушевленіемъ провозглашаетъ требованіе альтруизма—любить другого, какъ самого себя и другой народъ, какъ свой. Такому свободному внутреннему отношенію каждаго къ другимъ національностямъ способствуетъ самое существо нравственной организаціи народности, по которой ею не поглощается ни личность, ни семья, какъ живые нравственные элементы ея, а сообщается жизненное содержаніе въ національной формѣ. Этимъ само собою обуславливается нравственная обязанность—содѣйствовать истинному благу народа,—значить,—творческому осуществленію его идеи, которымъ опредѣляется его значеніе въ человѣчествѣ, а слѣдовательно, способствуя достиженію національныхъ цѣлей,—служить человѣчеству.

Вышею формою нравственной организаціи человѣчества, какъ собирательной единицы, по Вл. С., является, какъ мы видѣли, вселенская церковь, имѣющая свою цѣль и задачей достиженіе царства Божія,—богочеловѣчества. Но такъ какъ внѣшняя жизнь членовъ церкви, участниковъ царства Божія, опредѣляется внѣшними правовыми формами и порядками, то вселенская церковь неминуемо должна входить въ соприкосновеніе съ государствомъ, которое служитъ воплощеніемъ права. Правильное отношеніе государства къ церкви, по воззрѣнію Вл. С., состоитъ въ томъ, чтобы оно, признавая высшій авторитетъ церкви въ руководствѣ дѣлами совершенствованія, направленія доброй воли, созиданія внутренняго царства Божія, безъ принудительной власти съ ея стороны, способствовало соглашенію законныхъ мірскихъ интересовъ съ этимъ и, не стѣсняя внутренняго нравственнаго міра,—свободы совѣсти, религіозныхъ убѣжденій, и, вообще, не касаясь

религіи силою своей принудительной власти,—обеспечивало внѣшнія условія для достойнаго существованія гражданъ—членовъ церкви. При такомъ только совмѣстномъ дѣйствіи этихъ могучихъ силъ—духовной—церкви и внѣшней—государства, съ нравственнымъ направленіемъ его, открывается, по нему, перспектива осуществленія высокаго идеала христіанства—всемірнаго братства въ его внѣшнемъ проявленіи.

Таковъ Владиміръ Соловьевъ, нашъ недавній водитель и двигатель по пути духовнаго прогресса. Какъ много высоконазидательнаго—и въ его исключительной личности, и въ его жизнедѣятельности, и въ его всеобъемлющемъ міросозерцаніи, и въ религіозно-нравственныхъ его идеалахъ! Онъ оказалъ неоцѣненную услугу русскому обществу тѣмъ, что, вышедши изъ среды свѣтской интеллигенціи, выступилъ съ своимъ мощнымъ философскимъ мышленіемъ и необъятнымъ запасомъ знаній на защиту попираемыхъ ею высшихъ интересовъ духовной жизни, сообщилъ имъ твердые философскіе устои. Замѣчательно, что, явившись первымъ русскимъ самостоятельнымъ философомъ, онъ былъ вмѣстѣ и замѣчательнымъ богословомъ и далъ намъ чудный органическій синтезъ философско-богословской мысли. Фактъ этотъ внушительно говоритъ, что высшіе запросы духа неизбежно приводятъ къ области религіи и рѣшенію вѣчныхъ вопросовъ, относящихся къ ней. Это такъ ярко отразилось и на всемъ философско-богословскомъ міросозерцаніи и на связанныхъ съ нимъ нравственныхъ идеалахъ Вл. С. Оттого-то и отличаются они возвышенно-жизненнымъ характеромъ. Въ самомъ дѣлѣ, основной религіозно-нравственный идеаль всечеловѣческой нравственной организаціи въ формѣ вселенской церкви, изъ котораго вытекаютъ всѣ производные,—не спекулятивная фикція, а дѣло духовной жизни, возвѣщенное въ евангеліи Царства Божія. Это вѣдь та организація, то тѣло Христовой Церкви, для живого единенія съ которымъ заповѣдуется, чтобы лѣвая рука дающаго не знала, что дѣлаетъ для блага ближняго и единенія съ нимъ правая или—чтобы по требованію высшей любви къ ближнему отдавали свою жизнь за нихъ.

Не правда-ли, стоитъ остановиться на всемъ этомъ, проникнуться идеалами нашего философа-христианина, этого свѣтильника нашего времени: онъ озаряетъ ими намъ путь истины, добра, освѣщаетъ истинный путь жизни. Въ своемъ поэтическомъ завѣщаніи старому другу, называя завѣтные идеалы свои „возвышенной мечтой“, онъ какъ бы призываетъ и насъ хранить ихъ, какъ залогъ вѣчности нашего духа, — въ этихъ вдохновенныхъ своихъ стихахъ:

Заключены въ темницѣ міра тлѣнной
И данъ платя царящей суетѣ,
Свободны мы въ божницѣ сокровенной,
Не измѣнять возвышенной мечтѣ.

* * *

Пусть гибнетъ все, что правды не выносить,
Но сохранимъ же вѣчности залогъ, —
Того, что духъ бессмертный тайно просить,
Что явно обѣщаль бессмертный Богъ!

А. Снегиревъ.

Религіозное міровоззрѣніе Гартмана.

(Продолженіе *).

Критическій разборъ „религіи Духа“ Гартмана.

Чтобы быть удобопріемлемой, каждая религіозно-моральная доктрина должна удовлетворять двумъ условіямъ: 1) она должна выставить достаточно побудительные мотивы вѣры и дѣятельности и 2) ея требованія непремѣнно должны считаться съ наличными средствами, имѣющимися въ распоряженіи человѣка. Религія Гартмана не можетъ удовлетворять ни одному изъ указанныхъ условій.

Мы уже видѣли, что Безсознательное не можетъ вызывать благоговѣйной вѣры въ себя со стороны конечныхъ субъектовъ; теперь должны показать, что оно не въ состояніи быть двигателемъ и религіозно-нравственной жизни человѣка или того, что Гартманъ называетъ именемъ „практической вѣры“. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли говорить о побудительныхъ импульсахъ религіозно-нравственной дѣятельности тамъ, гдѣ религія и нравственность являются лишь розовыми иллюзіями, скрашивающими, и то до нѣкоторой только степени, тѣневая сторона дѣйствительности, какъ бы нѣкотораго рода временнымъ мостомъ, который послѣ перехода по нему въ область небытія долженъ оказаться никому и ни на что ненужнымъ?

Стоя на точкѣ зрѣнія пантеизма, считающаго все существующее разумнымъ и необходимымъ, если не въ эвдемовологическомъ, то, по крайней мѣрѣ, въ телеологическомъ смыслѣ,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 17 за 1906 г.

Гартманъ не полагаетъ качественного различія между добромъ и зломъ и видитъ въ нравственномъ не отличное существенно что-либо отъ естественнаго, а только его высшую ступень, „до которой чрезъ посредство созванія естественное доросло въ силу собственнаго своего влеченія“ ¹⁾. Природа, рассуждаетъ философъ, поскольку она бессознательна, не знаетъ различія между нравственнымъ и безнравственнымъ. Природа сама по себѣ ни добра, ни зла, но вѣчно естественна, т. е. сообразна сама съ собою; для природной воли, которая ничего внѣ себя не имѣетъ, все въ себѣ заключаетъ и все есть сама, ничто не можетъ быть ни зломъ, ни добромъ; „только отношеніе между индивидуальной волей и внѣшнимъ объектомъ необходимо предполагаетъ повятіе добраго и злого“ ²⁾.

Мы не видимъ особой надобности пестрить нашу рѣчь многочисленными выдержками изъ тѣхъ разсужденій Гартмана, которыми онъ старается убѣдить читателей, что добро и зло, какъ нормальное и ненормальное, постоянно мѣняются свои мѣста въ субъективной оцѣнкѣ человѣка и постоянно переходятъ одно въ другое, и что Бессознательное нисколько не унижается тѣмъ физическимъ и моральнымъ зломъ, которымъ полна индивидуальная и универсальная жизнь: вѣдь оно преслѣдуетъ телеологическія только цѣли, съ точки зрѣнія которыхъ всѣ другія цѣли теряютъ свое значеніе и всякое зло должно служить цѣлямъ добра. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ онъ повторяетъ обычныя красивыя слова и мысли пантеистствъ и опровергать его значило бы критиковать вообще пантеистическія понятія добра и зла. Для нашей цѣли въ данномъ случаѣ достаточно указать на то общее заблужденіе пантеистовъ, что они слишкомъ озабочены телеологическими цѣлями Абсолютнаго и весьма мало заинтересованы судьбою конечныхъ индивидуумовъ. Гартманъ, правда, пытается устранить указанный недочетъ пантеизма, но подобнаго рода попытки ему мало удаются. Вооружаясь противъ абстрактнаго пантеистическаго монизма, который такъ мало мѣста отводитъ активному участию человѣка въ судьбахъ міра и склоненъ видѣть

¹⁾ Die Religion des Geistes 169 s.

²⁾ Ibid. 169 s.

въ немъ только иллюзорный моментъ проявляющагося и развивающагося Абсолюта, Гартманъ хочетъ спасти вмѣстѣ съ абсолютностью Безсознательнаго и индивидуальность человеческой личности; его „конкретный монизмъ“, поставляющій своей задачей выяснить активную роль въ міровой жизни конечныхъ субъектовъ, какъ именно реальныхъ, а не иллюзорныхъ явленій Абсолютнаго, только повидимому примиряетъ абсолютность Бога и известную степень самостоятельности человѣка и только на первый взглядъ способенъ удовлетворить послѣдняго. Напоминаніе больному о томъ, что онъ дѣйствительно и тяжело страдаетъ, и не нужно, такъ какъ это для него болѣе чѣмъ для кого либо другого ощутимо, и неумѣстно, потому что подобная мѣра утѣшенія скорѣе должна вреднымъ образомъ подѣйствовать на него, чѣмъ облегчить его болѣзнь; и еще менѣе ободряюще можетъ повліять на больного такого рода аргументъ, что хотя онъ испытываетъ ужасныя страданія, однако своею болѣзнію доставляетъ большой заработокъ врачамъ и аптекарямъ и поддерживаетъ въ гробкопателяхъ надежду на возможную и скорую наживу при его погребеніи. Повятное дѣло, что такихъ утѣшеній никто изъ здравомыслящихъ людей предлагать не будетъ; между тѣмъ, если перевести всю красивую метафизическую фразеологию Гартмана на языкъ простыхъ обыденныхъ понятій, то едва ли будетъ неправдой, если мы уподобимъ философа, старающагося отыскать въ реальныхъ страданіяхъ и самопожертвованіи индивидуума въ пользу Абсолютнаго дѣйственный импульсъ религіозной и нравственной жизнедѣятельности, тому неразумному человѣку, который вышеуказаннымъ образомъ захотѣлъ бы поднять настроеніе больного.

Всякій, содѣйствующій своими силами міровому спасенію, напоминаетъ, по аналогіи Гартмана, доблестнаго воина, который геройски падаетъ на мѣстѣ сраженія и передаетъ побѣдовосное знамя другому. Но эта аналогія насколько красива, настолько-же и мало примѣнима къ человѣку, который задумалъ-бы вступить въ ряды поклонниковъ Безсознательнаго. Всякому известно, что для воина далеко не безразличны

тѣ цѣли, подъ знаменемъ которыхъ онъ рѣшается рисковать своею жизнію; будутъ-ли такими цѣлями религіозная свобода, или политическая независимость, или удовлетвореніе деспотическихъ капризовъ его полководца, или жажда славы и жизни, онъ пойдетъ на борьбу съ готовностью умереть лишь тогда, когда его личныя цѣли, хотя бы въ нѣкоторыхъ только отношеніяхъ, будутъ совпадать съ интересами его вождя; при томъ никто не идетъ на войну съ однимъ подавленнымъ сознаниемъ, что онъ непременно будетъ убитъ; каждый склоненъ льстить себя надеждой явиться обратно съ войны не на щитѣ, а со щитомъ. Для служителя Безсознательнаго такого выбора не представляется. Его Божество совершенно равнодушно къ личнымъ его подвигамъ и интересамъ и въ его распоряженіи остаются только два крайне неутѣшительныхъ выхода: или продолжать влачить жалкое существованіе, сплетенное изъ сѣти иллюзій и страданій, или-же насильственно оборвать нить своей жизни, не медля ни минуты, въ тотъ моментъ, какъ только ему удастся прозрѣть иллюзорность личнаго счастья и индивидуальныхъ интересовъ вообще. Правда, произвольныхъ и единичныхъ самоубійствъ Гартманъ не требуетъ и не узаконяетъ, такъ какъ, по его соображеніямъ, только коллективное одновременное самоумерщвление способно погасить пламень жизни. Однако, отрицаніе индивидуальнаго уничтоженія является, собственно говоря, мало чѣмъ оправданнымъ компромиссомъ и имѣетъ скорѣе цѣлью предотвращеніе тѣхъ разрушительныхъ практическихъ слѣдствій, какія съ необходимостью должны вытекать изъ этой системы по логикѣ послѣдовательнаго и убѣжденнаго пессимиста. Вотъ почему, раздѣляя, рѣшая вопросъ: ведетъ-ли пессимизмъ къ самоубійству, философъ приходитъ къ тому выводу, что самоубійство можетъ быть слѣдствіемъ скорѣе эгоистическаго оптимизма, чѣмъ пессимизма, оставляющаго въ силѣ всѣ неэгоистическіе мотивы противъ самоубійства и ослабляющаго эгоистическую надежду на будущее блаженство; что пессимизмъ вполне признаетъ телеологическую цѣнность разумныхъ индивидуумовъ для міровой жизни; что пессимизмъ надо цѣнить какъ док-

трину, истинную уже по одной ея противоположности эгоистическимъ принципамъ оптимизма; что для сужденія о немъ надо брать во вниманіе его теоретическую сторону, а не практически возможныя послѣдствія, которыя можно истолковать въ смыслѣ *reductio ad absurdum* ¹⁾. Но естественно возразить на это: какимъ образомъ истинность пессимизма можетъ быть обеспечена одною только противоположностью его оптимизму, хотя бы ложь послѣдняго была даже строго доказана? Оптимизмъ, какъ крайность, конечно, ложенъ; но слѣдуетъ-ли изъ этого, что другая, противоположная ему, крайность, т. е. пессимизмъ непременно долженъ быть абсолютно истиннымъ? Развѣ не бываетъ вообще переходныхъ ступеней между двумя крайностями? Ложь оптимизма ничего не доказываетъ кромѣ себя самой; это съ одной стороны; съ другой,—если пессимизмъ претендуетъ на роль крупнаго культурнаго фактора и значеніе цѣльнаго міровоззрѣнія, которое притомъ оправдывается фактами реальной жизни, то какъ можно быть правобѣрнымъ его исповѣдникомъ, не осуществляя его принциповъ на дѣлѣ? Нѣтъ никакихъ основаній откладывать въ долгій ящикъ неизбѣжнаго дѣла (насильственной развязки съ жизнью), которое можно сдѣлать теперь же, и неразумно идти окольными путями къ желанной цѣли, которой можно достигнуть съ большимъ удобствомъ по прямой кратчайшей дорогѣ. Человѣку больше основаній заботиться о себѣ самомъ, а не о спасеніи равнодушнаго къ его судьбѣ Безсознательнаго, которое „не вводится въ заблужденіе муками милліардовъ человѣческихъ индивидуумовъ не болѣе и не менѣе, чѣмъ муками столькихъ-же животныхъ существъ, какъ скоро муки эти могутъ служить на пользу развитія, т. е. его послѣдней цѣли ²⁾).

Чтобы достигнуть сознанія тождества съ Абсолютнымъ, по мнѣнію Гартмана, надо пройти долгій и тяжелый путь религіозно-нравственнаго совершенствованія; а единственнымъ и

¹⁾ См. выше цит. соч. Гартмана. *Zur Geschichte und Begründung des Pessimismus* 281—289 ss.

²⁾ *Philos. d. Unbewußt.* Т. 807—838 ss. Цит. взята изъ книги Цертелера. Современный пессимизм въ Германіи 180 стр.

надежнымъ руководителемъ въ этомъ послѣднемъ долженъ быть голосъ субъективнаго настроенія человѣка; незнаніе того, до какой степени напряженія и силы способна доходить въ добродѣланіи воля извѣстнаго субъекта, должно служить, по Гартману, самымъ побудительнымъ мотивомъ къ достиженію высшихъ ступеней совершенства. Положимъ, то справедливо, что иногда незнаніе о чемъ либо, или неизвѣстность чего-нибудь, имѣющаго совершиться, побуждаютъ сильнѣе стремиться къ этому невѣдомому и ожидаемому; но болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы такое положеніе было примѣнимо ко всѣмъ случаямъ жизни. Возьмемъ въ примѣръ двухъ субъектовъ, которымъ предлагаютъ билетъ лотереи; одного изъ нихъ неуверенность въ выигрышѣ или проигрышѣ побуждаетъ записать на себя билетъ, другой, руководясь такой же неуверенностью, можетъ признать для себя предстоящій рискъ невыгоднымъ и потому не взять предлагаемаго билета. Кого изъ нихъ обманулъ расчетъ и кого облагодѣтельствовалъ, — покажетъ будущій розыгрышъ лотереи; до этого-же времени нѣтъ никакихъ резоновъ считать одного изъ нихъ болѣе благоразумнымъ другого; легко можетъ случиться, что оправдаются расчеты послѣдняго; и въ дѣйствительности бываетъ такъ, что счастливецъ оказывается только незначительное меньшинство.

Конечно, подобнаго рода аналогія не совсѣмъ приложима къ сферѣ религіозно-нравственныхъ явленій и отношеній, гдѣ вообще не мѣсто, какимъ-либо расчетамъ; но мы не должны забывать, что имѣемъ дѣло съ Безсознательнымъ, по отношенію къ которому колебанія и сомнѣнія возможны болѣе чѣмъ въ отношеніи къ какому либо иному Божеству съ иными свойствами; значитъ, въ данномъ случаѣ психологически безусловно справедливый способъ мотивации воли осложняется еще и метафизическими затрудненіями.

Сказанное будетъ не менѣе справедливымъ и въ отношеніи всей вообще области нравственнаго поведенія человѣка. Если незнаніе степени напряженности своей нравственной воли можетъ подвигнуть одного къ нравственнымъ поступкамъ, то у другого неуверенность въ своихъ силахъ способна отнять

всякую готовность идти тяжелымъ путемъ нравственнаго усовершенствованія. И если бы каждый человѣкъ могъ черпать постоянный приливъ силъ изъ одного только предположенія, что его нравственная воля, быть можетъ, способна доходить до крайней степени напряженности въ добродѣланіи, то всѣ люди, достигшіе зрѣлости сознанія, или по крайней мѣрѣ, большинство людей давнымъ давно должны были бы сдѣлаться праведниками, такъ какъ всѣмъ имъ одинаково свойственно незнаніе размѣра и интенсивности своихъ силъ и способностей.

Религіозно-философская доктрина Гартмана не въ состояніи указать побудительныхъ мотивовъ вѣры и нравственной дѣятельности, способныхъ дѣйственно вліять на человѣка; выставляема-же имъ побужденія ни съ метафизической, ни съ психологической точки зрѣнія не выдерживаютъ серьезной критики.

Философъ нарисовалъ цѣлую картину процесса спасенія во всѣхъ моментахъ его развитія, начиная съ низшихъ его ступеней и кончая высшими, и указалъ тѣ цѣли и мотивы, которые, по его соображеніямъ, должны и могутъ заправлять человѣкомъ при совершеніи имъ спасенія. Но, усвоивъ себѣ оптимистическій взглядъ на человѣческую природу, по которому она, будучи радикально злой, эгоистичной, въ концѣ концовъ, подъ вліяніемъ благодати, ничѣмъ, существенно, какъ было показано выше, неотличающейся отъ наличныхъ естественныхъ силъ человѣка, все-же рѣзко измѣняется въ противоположную сторону,—онъ кромѣ того отнимаетъ у человѣка послѣднее необходимое средство, безъ котораго необъяснимы ни отвѣтственность за дѣянія, ни возможность нравственной дѣятельности. Мы разумѣемъ свободу воли.

Гартманъ является рѣшительнымъ отрицателемъ свободы воли. Понятіе свободы воли, по его мнѣнію, есть понятіе чисто отрицательное и формальное, безсодержательное. Истинно свободнымъ можно было бы назвать человѣка только тогда, если бы онъ былъ независимъ отъ всякаго рода внѣшнихъ и внутреннихъ опредѣленій. Но такимъ человѣкъ эмпирически не наблюдается. Напротивъ, все говоритъ за то, что индивидуальной свободы нѣтъ и не можетъ быть. „Возникновеніе

индивидуальнаго характера такъ-же всецѣло опредѣлено, какъ и его функціонированіе, и факторы опредѣленія перваго состоятъ съ одной стороны во Всеединомъ, какъ функціонирующемъ абсолютномъ субъектѣ, а съ другой—въ свойствахъ тѣхъ организмовъ, отъ которыхъ произошелъ организмъ даннаго индивидуума, и въ образованіи, въ отношеніяхъ и условіяхъ, при которыхъ онъ развивается“¹⁾. Человѣку представляется только выборъ между различными мотивами, съ необходимостью опредѣляющими его волю, и если онъ склоненъ предполагать, что при наличности извѣстныхъ условій онъ могъ бы поступить иначе, чѣмъ поступилъ на самомъ дѣлѣ, то въ этомъ кроется простой самообманъ. Индетерминизмъ, непризнающій мотивированности дѣйствій, проповѣдуетъ не свободу, а ничѣмъ необусловливаемый и, слѣд., неразумный произволь и потому не можетъ обосновать отвѣтственности разумнаго субъекта за безотчетно совершаемые имъ поступки.

Но если зло создается отношеніями субъекта къ извѣстному объекту, а эти отношенія съ необходимостью опредѣляются наследственнымъ характеромъ и вообще суммою вѣннихъ и внутреннихъ мотивовъ, то какимъ образомъ человѣкъ можетъ считать себя отвѣтственнымъ за то, что отъ него не зависитъ? Гартманъ объясняетъ самодѣятельность и отвѣтственность за поступки такъ, что хотя человѣкъ не въ состояніи вліять непосредственно на свой характеръ, однако онъ можетъ до нѣкоторой степени дѣйствовать на содержаніе своего сознанія въ данный моментъ времени, вызывая на арену сознанія и удаляя съ ней различнаго рода представленія въ качествѣ мотивовъ, а также возбуждая въ себѣ добрыя влеченія въ противовѣсъ дурнымъ. Но вѣдь воля, по его-же собственнымъ словамъ, есть нѣчто недоступное непосредственному познанію, а можетъ сознаваться только практически—въ извѣстныхъ реакціяхъ на мотивы и, слѣд., не находится въ полномъ вѣдѣніи и распоряженіи человѣка? А сознаніе? Развѣ оно

¹⁾ Phänom. d. sit. Bewus. 473—478 ss. Цит. заимствована у Цертелена. Современный пессимизмъ въ Германіи. 195 стр.

стоятъ въ полной изолированности отъ характера и развѣ не подлежатъ опредѣленію тѣхъ или другихъ мотивовъ? Будемъ-ли мы понимать свободу воли въ смыслѣ уже отвергнутаго всѣми *liberi arbitrii indifferentiae*, или же будемъ отдавать волю человѣка въ полное распоряженіе опредѣляющихъ ее мотивовъ, — въ обоихъ случаяхъ человѣкъ одинаково въ правѣ не признавать себя отвѣтственнымъ за свою дѣятельность, въ первомъ случаѣ потому, что его необоснованныя дѣйствія, какъ случайныя, не будутъ имѣть никакой нравственной цѣнности, во второмъ — потому, что онъ будетъ видѣть въ себѣ пассивное орудіе господствующихъ въ немъ мотивовъ.

Само собою понятно, что человѣкъ не обладаетъ творческой свободой, что онъ не въ состояніи измѣнить ни свою собственную природу, ни условія окружающей его жизни, въ противномъ случаѣ ему надо было бы приписать божескія совершенства; но также понятно и то, что человѣческое сознание не есть простой созерцатель произвольно выплывающихъ на его поверхности представленій, чувствованій и желаній, только констатирующей ихъ появленія и ихъ извѣстныя комбинаціи, но не принимающей никакого активнаго участія въ этой психической работѣ душевныхъ силъ. Если бы роль нашего „я“ въ этомъ случаѣ ограничивалась простымъ подведеніемъ итоговъ душевной жизни, и если бы тѣ или другіе мотивы нашей воли безъ всякаго вліянія съ нашей стороны необходимо производили въ своей совокупности извѣстныя рѣшенія, подобно тому какъ соединенія извѣстныхъ химическихъ элементовъ необходимо влечетъ за собой образованіе новаго химическаго тѣла, то человѣкъ тогда мало чѣмъ отличался бы отъ животныхъ. Человѣкъ не можетъ дѣйствовать безъ основаній; если когда либо наши дѣйствія носятъ, повидимому, случайный характеръ, то такая видимость получается оттого, что мы не знаемъ всѣхъ мотивирующихъ въ данный моментъ нашу волю основаній, и если бы мы обладали способностью уловлять причинную связь между причинами и слѣдствіями въ актахъ своей воли, то для насъ всегда представлялась-бы полная возможность прослѣдить всю цѣпь основаній, повлекшихъ за со-

бой то или другое ея рѣшеніе. Но мотивированность, обоснованность воли не то-же, что ея отрицаніе и вынуждаемость ея актовъ. Когда настаиваютъ на опредѣляемости воли мотивами, то, обыкновенно, говорятъ, что она невольно подчиняется сильнѣйшему изъ мотивовъ. Но почему-же, естественно спросить, одинъ изъ мотивовъ является болѣе принудительнымъ для нея, чѣмъ другой? Иного отвѣта не можетъ быть дано помимо того, что воля при свѣтѣ сознанія сама управляетъ мотивами, группируетъ ихъ и, направляя лучи сознанія въ сторону того или другого мотива, производитъ ему надлежащую оцѣнку. Что въ этомъ случаѣ обнаруживается извѣстная самостоятельность воли,—это слѣдуетъ изъ того, что одни и тѣ же мотивы вызываютъ у различныхъ лицъ и даже у одного и того-же лица въ различные моменты времени неодинаковыя реакціи на нихъ воли, и что „достаточность“ мотивовъ опредѣляется не собственнымъ ихъ содержаніемъ, а самой-же волею при посредствѣ сознанія. Правда, и въ послѣднемъ случаѣ и воля, и сознаніе дѣйствуютъ опять-таки по извѣстнымъ основаніямъ; но эти основанія вытекаютъ изъ ихъ собственной природы, а не изъ объектовъ ихъ приложенія; поступать-же безъ основаній—значить идти на перекоръ требованіямъ разумной природы личности. Поступая по разумнымъ основаніямъ, человѣкъ не только переживаетъ содержаніе своей душевной жизни подобно брошенному камню, предположительно надѣленному сознаніемъ и воображающему, что онъ лежитъ по своей волѣ, но, вмѣстѣ съ сознаніемъ себя первопричиной ряда поступковъ, и на самомъ дѣлѣ дѣйствуетъ сообразно съ этимъ сознаніемъ. Сила всѣхъ аналогій, подобныхъ указанному, покоится на ихъ, такъ сказать, парадоксальности, на невозможности выполненія предполагаемыхъ условій; но въ этомъ-же заключается и ихъ слабость. Если бы, напр., камень былъ надѣленъ сознаніемъ, то онъ уже не былъ бы камнемъ, подобно тому, какъ если бы человѣкъ обладалъ абсолютной свободой, то онъ былъ бы самобытнымъ, не человекомъ, а Богомъ; слѣд., подобнаго рода аналогіи рѣшительно ни къ чему не обязываютъ.

Если въ основаніяхъ, по которымъ дѣйствуетъ воля, Гартманъ хочетъ видѣть отрицаніе ея свободы, то воля, конечно, не безъ основаній вліяющая, по Гартману, на временное содержаніе сознанія, должна быть признана, съ его точки зрѣнія, также несвободной, и человекъ, одаренный такою волею, имѣеть полное право считать себя свободнымъ отъ отвѣтственности за поступки.

Съ одной стороны, Гартманъ является послѣдовательнымъ защитникомъ детерминизма; такъ онъ отрицаетъ возможность мученій совѣсти, понятныхъ только при призваніи свободы воли, сводя ея значеніе къ роли какъ бы нѣкотораго рода механическаго показателя, невольно и совершенно безучастно отмѣчающаго то или другое содержаніе душевнаго настроенія, подобно тому, какъ, напр., барометръ показываетъ атмосферныя перемѣны. Съ другой стороны, весь, изображаемый философомъ, ходъ субъективнаго и объективнаго процесса спасенія служитъ самымъ нагляднымъ и доказательнымъ опроверженіемъ его детерминистическихъ положеній. Подъ нѣкоторыми краснорѣчиво написанными имъ страницами о психологическихъ моментахъ нравственнаго возрожденія человека можетъ охотно подписаться любой изъ сторонниковъ свободы воли; это потому, что авторъ часто какъ бы упускаетъ изъ вида свои основныя философскія воззрѣнія и трактуетъ о человекѣ, какъ свободно дѣйствующемъ агентѣ спасенія, способномъ бороться съ внутренними и внѣшними соблазнами, дѣятельно развивающемъ потенціальную благодать до степени актуальной. Но стоитъ только напомнить субъекту, рѣшившемуся поступать по рецепту гартмановой религіи, что вся его дѣятельность съ начала до конца есть микроскопическая капля въ океанѣ безконечнаго бытія, или, какъ иначе любятъ выражаться пантеисты, лишь искра изъ вѣчнаго очага Абсолютнаго, что вся его индивидуальность есть простой феноменъ Абсолюта и онъ со всѣми своими надеждами и порывами представляетъ лишь точку, исчезающую въ безконечности, — какъ огонь религіознаго воодушевленія потухнетъ въ немъ и его рвеніе расхолодится. Допустимъ предположеніе, что кто-либо

повѣрилъ въ Безсознательное Гартмана и началъ жать и дѣйствовать по начертанной имъ программѣ религіозно-нравственнаго ученія. Неужели можно повѣрить философу, что вступившій на этотъ путь непременно пойдетъ къ цѣли въ самомъ прямолинейномъ направленіи, не отступая ни на шагъ назадъ предъ встрѣчными препятствіями и искушеніями? Неужели философъ, бросившій упрекъ христіанству въ томъ, что, указывая цѣль религіозно-нравственной жизни, оно игнорируетъ самое главное—путь къ ея достиженію, въ правѣ сказать про себя, что онъ показалъ такой путь, гарантирующій спасеніе каждому, кто пошелъ бы по нему? Не думаемъ, что кто-нибудь отвѣтитъ на эти вопросы положительно, кромѣ самого Гартмана, который до того преисполненъ розовыхъ надеждъ на естественныя силы человѣка, что въ простомъ теоретическомъ отрицаніи эгоистическаго принципа готовъ видѣть чуть не фактической разрывъ съ эгоистическими наклонностями, а средствомъ, отвращающимъ отъ грѣха, склоненъ считать подчасъ одно познаніе Бога и Его сущности. Тѣ психологическіе приемы, какъ напр., противопоставленіе дурнымъ вліяніямъ добрыхъ, оживленіе въ сознаніи нужныхъ въ данный моментъ представленій и т. п., которые въ изобиліи предлагаются многочисленными сочиненіями, имѣющими въ виду „воспитаніе воли“, „воспитаніе характера“, въ его глазахъ играютъ роль гораздо бѣльшую, чѣмъ какая можетъ принадлежать имъ на самомъ дѣлѣ; посредствомъ ихъ въ лучшемъ случаѣ можно дать волѣ другое направленіе, иной наклонъ, но не измѣнить радикально наличныхъ силъ воли и характера; и только философствующіе мечтатели въ угоду тѣмъ или другимъ своимъ тенденціямъ способны создавать утопическія картины будущаго благоденствія человѣчества. Вотъ какъ, напр., въ извѣстномъ романѣ Беллами „Черезъ сто лѣтъ“ устами одного изъ его героевъ изображается будущее человѣчества. „Скоро выяснилось то, разсуждаетъ этотъ герой, сравнивающій прошлое время со своимъ настоящимъ (а для насъ имѣющимъ наступить приблизительно черезъ сто лѣтъ), чему бы никакъ не повѣрили прежніе философы стараго времени,

а именно: что главныя свойства человѣческой природы—хорошія, а не дурныя, что по природѣ своей человѣкъ добръ, великодушенъ, безкорыстенъ, сострадателенъ, симпатиченъ,—онъ стремится къ подобію Божію съ присущими Божеству добротой и самоотверженіемъ. Находясь въ продолженіе многихъ поколѣній подъ гнетомъ ужасныхъ условій жизни, способныхъ развратить самихъ ангеловъ, эти присущія человѣческой природѣ свойства всетаки сохранились, подобно тому, какъ пригнутое дерево снова выпрямляется во весь свой естественный ростъ, лишь только его отпустятъ. Говоря иносказательно, человѣчество можно сравнить съ розовымъ кустомъ, выросшимъ на болотѣ, питавшимся навозною водою, міазмами и гложнущимъ отъ ядовитыхъ ночныхъ испареній... Но какъ скоро перенесли этотъ кустъ на новую почву (новыхъ социальнo-экономическихъ условій), стало ясно, что это дѣйствительно розовый кустъ. (200 - 202 стр.)“.

Таковы чаянія одного изъ многихъ утопистовъ; но во 1-хъ подобные люди откровенно называютъ свои произведенія романами, а во 2-хъ они выходятъ совсѣмъ изъ другихъ положеній сравнительно съ нашимъ философомъ, настаивая не на отрицательныхъ, какъ онъ, а на положительныхъ сторонахъ человѣческой природы, присущихъ ей изначала. Но предположимъ возможность, что человѣкъ, принявшій міровоззрѣніе Гартмана, въ самомъ дѣлѣ достигнетъ и обновленія и возрожденія въ смыслѣ философа. Что же такое обновленный и возрожденный человѣкъ, и что произвели въ немъ обновленіе и возрожденіе? Достигши конечной точки процесса субъективнаго спасенія не чувствуетъ уже бездны, отдѣляющей его отъ Абсолютнаго, а сознаетъ свое тождество съ нимъ и, сознавая это, исполняется душевнаго мира. Но вѣдь въ дѣйствительности это тотъ-же самый субъектъ, который по природѣ былъ и остался эгоистомъ; и если его эгоистическія наклонности на время погрузились, такъ сказать, на дно души, то вѣдь это не значитъ еще, что человѣкъ окончательно умеръ для нихъ, и что онъ никогда уже не могутъ всплыть при обстоятельствахъ на ея поверхность, замутивъ чистое, какъ бы от-

стоявшееся за нѣкоторое время, ея настроеніе. Общеизвѣстная истина, не нуждающаяся въ повтореніи, что голосъ страстей не умолкаетъ и въ душахъ величайшихъ праведниковъ, и что они даже не гарантированы отъ возможности глубокихъ паденій. Да и что такое нравственное усовершенствованіе, какъ не борьба со зломъ, съ искушеніями? Безъ борьбы не можетъ быть для человѣка и побѣды надъ зломъ, безъ паденія—возстанія. Борьба же предполагаетъ, конечно, и врага, съ которымъ постоянно приходится бороться, и такимъ врагомъ является зло. Самъ по себѣ человѣкъ никогда не сдѣлается богочеловѣкомъ, какъ то утверждаетъ Гартманъ, такъ какъ и нельзя представить такой грани, перейдя за которую можно было бы считать себя свободнымъ отъ узъ естественности и надѣленнымъ божескими свойствами. Только съ точки зрѣнія пантеистическаго монизма, утверждающаго тождество всего бытія съ Абсолютнымъ, возможно приходитъ къ обожествленію человѣка. Гартманъ горячо возстаетъ противъ возможнаго обвиненія, будто онъ вполне отождествляетъ Бога съ міромъ, и будто, по его мнѣнію, Богъ совершенно исчерпывается міромъ; напротивъ, онъ неоднократно старается убѣдить, что при имманентномъ отношеніи къ міру Абсолютное остается все-же высшимъ міра и что конечные индивидуумы, при своей тождественности съ Абсолютнымъ, суть не болѣе какъ только феномены, хотя и реальные, Абсолютнаго. Но подобнаго рода разсужденія мало вяжутся съ его основной мыслию о нераздѣльности Безсознательнаго, какъ абсолютнаго субъекта, со всѣми конечными индивидуумами, изъ суммы которыхъ и складывается абсолютный субъектъ; Абсолютное, по извѣстной аналогіи, есть источникъ свѣта, тогда какъ конечные индивидуумы суть лучи этого свѣта; говоря проще, между Безсознательнымъ и сознательными субъектами существуетъ нѣчто въ родѣ круговой поруки: первое живетъ и спасается послѣдними, а послѣдніе—первымъ. Если Абсолютный субъектъ есть не что иное, какъ сумма конечныхъ субъектовъ, а сумма даетъ всегда однородное въ качественномъ отношеніи со слагаемыми, то и Абсолютное, по той-же логикѣ, составляется изъ суммы

субстанціально тождественныхъ съ нимъ субъектовъ; значить, стоя на точкѣ зрѣнія гартмановскаго монизма, всякій въ правѣ видѣть въ конечномъ индивидуумѣ существо по природѣ божественное.

Но такого рода заключеніе неблагопріятно какъ для самого Безсознательнаго, такъ и для конечныхъ существъ, его составляющихъ; для перваго—потому, что тогда пришлось бы и ему, по аналогіи съ составляющими его, по природѣ эгоистически настроенными индивидуумами, приписать эпитетъ величайшаго эгоиста, для вторыхъ—потому, что при предположеніи тождества Безсознательнаго съ сознательными субъектами, каждый изъ нихъ представлялъ бы изъ себя, такъ сказать, Абсолютное въ миниатюрѣ; онъ былъ бы въ такомъ случаѣ прирожденнымъ, по терминологіи Гартмана, „богочеловѣкомъ“ и для него, какъ такового, были бы немислимыми и излишними и всякое совершенствованіе и то, что, философъ называетъ искупленіемъ.

Какъ странно, замѣтимъ кстати, звучитъ въ системѣ Гартмана слово „искупленіе“, съ которымъ мы такъ привыкли соединять особый спеціальный смыслъ. Абсолютное, если оно должно оставаться такимъ, не можетъ нуждаться въ искупленіи отъ чего-бы то ни было, что могло бы тяготѣть надъ нимъ; а человѣкъ отвѣчаетъ лишь за то, что онъ совершаетъ свободно; спасеніе же его отъ того, въ чемъ онъ совершенно неповиненъ, не имѣетъ смысла. То же самое слѣдуетъ сказать и объ „освященіи“. Какое еще требуется „освященіе“ тому, кто постоянно носитъ въ себѣ прирожденную благодать? Да и что въ сущности даетъ человѣку его индивидуальное спасеніе или искупленіе? Освободить его отъ бѣдствій бытія оно не въ состояніи, такъ какъ внѣшнее бытіе находится внѣ власти человѣка; окончательно умертвить злую волю въ немъ оно также не въ силахъ, въ противномъ случаѣ зачѣмъ нужно еще реальное спасеніе?

Весь процессъ субъективнаго спасенія человѣка Гартманъ называетъ только идеальнымъ въ противоположность реальному спасенію, осуществляющемуся только въ смерти индивидуумовъ.

Значить только смерть оказывается способной убить злое начало воли, а не какой-нибудь процессъ постепеннаго обновленія; послѣ-же смерти, по Гартману, не можетъ быть рѣчи о какомъ-либо возрожденіи. Къ чему-же тогда было говорить о томъ и о другомъ?

Реальное искупленіе индивидуума есть въ то-же время, какъ полагаетъ философъ, и конецъ мірового бытія, парализація положительной воли, жаждущей жизни, погруженіе всего сущаго въ нирвану. Посмертнаго существованія, такимъ образомъ, быть не можетъ.

Мы не будемъ останавливаться на разсмотрѣніи тѣхъ чудовищныхъ, фантастическихъ гипотезъ, которыми Гартманъ пытается предъизобразить возможный конецъ міробытія; въ построеніи проектовъ уничтоженія жизни онъ даетъ полный просторъ своей богатой фантазіи, откровенно сознаваясь въ ихъ ненаучности и не одинъ разъ впадая въ противорѣчія. Важнѣе обратить вниманіе на то обстоятельство, что отрицаніе посмертнаго существованія несогласно съ метафизическими принципами его-же собственной системы. Мы уже знаемъ, что, по представленію философа, воля и представленіе вначалѣ существовали въ состояніи чистой потенціи. Но какъ можно мыслить реальное существованіе потенціи независимо отъ ея носителя безъ субстрата, которому она должна принадлежать? Въ данномъ случаѣ Гартманъ, по выраженію Соловьева, просто „гипостазируетъ отвлеченное понятіе потенціи“¹⁾, которое обозначаетъ, по мнѣнію даже самого Гартмана, чистое небытіе. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, какъ понимать бытіе такого небытія, мы въ полномъ правѣ спросить философа: какимъ образомъ чистое небытіе можетъ превратиться въ дѣйствительное бытіе, и какъ возможенъ, по окончаніи мірового кругооборота, обратный переходъ реальнаго бытія въ чистое небытіе потенціи, которое, по его-же соображеніямъ, можетъ опять неоднократно переходить въ бытіе и давать начало новымъ кругооборотамъ реальной жизни? Ясно, т. об., что если

1) Кризисъ западной философіи. Вл. Соловьева. 74 стр. Москва 1874 г.

міръ не есть иллюзія, а представляет изъ себя реальное бытіе, съ чѣмъ согласенъ и Гартманъ, то, по требованіямъ здоровой логики, и причина, его произведшая, должна быть также реально существующей; если же онъ обязанъ своимъ существованіемъ реальной причинѣ, какъ бы ни представлять эту послѣднюю, то и конецъ его бытія не можетъ быть понимаемъ въ смыслѣ парализаціи въ чистый нуль, въ чистое ничто. Значитъ, конецъ міровой жизни не то-же самое, что и абсолютное ея уничтоженіе, и смерть носителей сознательной жизни веравнозначуща съ исчезновеніемъ ихъ въ несуществующихъ безднахъ небытія. Еще можно говорить о пантеистическомъ погруженіи индивидуумовъ въ Абсолютное, въ которомъ, какъ реальному, они также сохраняютъ свою реальность, хотя и не индивидуальную, теряющуюся въ безпредѣльности Абсолюта, но доказывать превращеніе реального „нѣчто“ въ несуществующее „ничто“, какъ и наоборотъ — „ничто“ въ „нѣчто“ — противно здоровой логикѣ. Пусть, однако, это „ничто“ останется пока неприкосновеннымъ подъ покровомъ метафизическихъ абстракцій Гартмана. Какъ-же понимать тогда „безболѣзненность“ небытія и „сладостную дремоту“, которая навѣвается смертію уставшему подъ бременемъ жизни соработнику въ процессѣ мірскушленія, если не будетъ и самаго субъекта, могущаго переживать и безболѣзненность и приятную истому небытія? Если это ничего незначащія, фигуральныя понятія, то въ чему лишнія слова и зачѣмъ стараться невысказанную для насъ сферу небытія переводить на языкъ нашихъ обычныхъ понятій, которымъ, какъ оказывается, ничто не соответствуетъ по ту сторону бытія?

Казалось бы, что послѣ того, какъ за чертой жизни признается абсолютная пустота, нечего было бы и рассуждать о какомъ-бы то ни было существованіи по смерти. Однако, Гартманъ усиленно старается доказать еще невозможность индивидуальной продолжаемости въ Nirvanѣ; этимъ самымъ онъ еще лишній разъ, хотя и невольно, свидѣтельствуетъ о томъ, что и самъ онъ никакъ не можетъ отрѣшиться отъ призрака потусторонняго существованія; разъ онъ увѣренъ въ

томъ, что тамъ вообще и абсолютно ничего нѣтъ, то зачѣмъ же еще детальныя перечисленія, что не можетъ быть тамъ въ частности: индивидуальности, сознанія, личности и т. д.; не напоминаетъ-ли онъ въ данномъ случаѣ человѣка, который, сообщивъ о смерти кого-либо, еще сталъ бы пространно рассуждать о томъ, что умершій теперь не можетъ ни видѣть, ни слышать, ни дышать, ни двигаться и т. д.?

На это надо сказать, что рассужденія философа о матеріи и ея взаимодействіи съ духомъ очень сбивчивы и запутаны, такъ что ими можно воспользоваться скорѣе для опроверженія его же самого. Какъ извѣстно, сущность каждаго атома, по его ученію, составляетъ сила, которая безпространственна, нематеріальна; матерія разрѣшается въ волю и представленіе, и матеріальность, вещественность (Stoff) предмета объявляется имъ „химерой“ (Chimäre), чувственнымъ обманомъ (Sinnestäuschung). Въ частности и матеріальное тѣло человѣка представляетъ изъ себя нѣчто вторичное, акцидентальное, тогда какъ зерно или субстанцію человѣка составляетъ сила, или иначе воля и представленіе. Но если тѣло человѣка по какимъ-либо основаніямъ и должно прекратить свое существованіе, то отсюда еще никакъ не слѣдуетъ, что и субстанція человѣка должна необходимо перестать существовать вслѣдствіе уничтоженія акциденціи. Безсознательное представляется Гартманомъ то въ смыслѣ всего бытія, то въ смыслѣ вторгающагося туда и сюда, или пассивнаго, стоящаго позади матеріи, призрака (Gespenst). Дѣйствуя на матерію, оно дѣйствуетъ въ сущности на самого себя; если же это такъ, то почему, дѣйствуя на ту или другую часть самого себя теперь, послѣ когда-либо оно должно утратить такую способность дѣйствованія. Если-же оно никогда не можетъ лишиться этой способности, то и человѣческіе индивидуумы, изъ которыхъ оно, какъ изъ своихъ частей, слагается, подъ его дѣйствіемъ никогда не могутъ обратиться въ абсолютное ничто. Но безъ тѣлесности невозможны, какъ полагаетъ Гартманъ, сознаніе и личность? Но не говоря уже о томъ, что, согласно его ученію, каждая атомная сила обладаетъ сознаніемъ и что поэтому

каждый индивидуумъ, какъ комплексъ такихъ сознательныхъ атомныхъ силъ сознателей, важно замѣтить, что даже и по Гартману, матерія вызываетъ только бессознательное представление, тогда какъ сознательнымъ его дѣлаетъ скорѣе воля. Если матерія всетаки является необходимымъ условіемъ генезиса сознанія, то ни откуда не видно, чтобы оно, возникнувъ, нуждалось въ ней еще и при дальнѣйшемъ своемъ существованіи. Слѣдовательно, „уничтоженіе матерія такъ-же мало можетъ повредить существованію сознанія, какъ мало можетъ повредить жизни одного дерева засыханіе другого, давшего тому сѣмя“¹⁾).

И. Щелловъ.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Kritik des philosophischen Pessimismus der neuesten Zeit Weygoldt. 1875 г. 119—122 ss.

ИЗВѢСТІЯ

п о

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

30 Сентября № 18 1906 года.

Содержаніе. I. Епархіальныя извѣщенія.—Объявленіе отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.

I.

Епархіальныя извѣщенія.

1. Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Діаконъ Николаевской церкви, слоб. Царьборисовой, Изюмскаго уѣзда, Димитрій *Макаровскій* опредѣленъ 22-го сентября сего года на священническое мѣсто при вновь устроенной Рождество-Богородичной церкви, хутора Карповки, Изюмскаго уѣзда.

б) Окончившій курсъ въ Харьковской духовной семинаріи Автономъ *Жуковъ* зачисленъ 22 сентября н. г. на священническое мѣсто при Николаевской церкви, слоб. Тарасовки, Купянскаго уѣзда.

в) Діаконъ Крестовоздвиженской церкви, сл. Черкасской Дозовой, Харьковскаго уѣзда Іоаннъ *Гаврашенко* опредѣленъ 9 сентября сего года на священническое мѣсто при Троицкой церкви, слоб. Мезеновки, Ахтырскаго уѣзда.

г) Священникъ Донецкой епархіи Василій *Черкесовъ* опредѣленъ 12 сентября на священническое мѣсто при Богодуховскомъ Троицкомъ женскомъ монастырѣ.

д) Псаломщикъ церкви слоб. Верхней Писаревки, Волчанскаго уѣзда, Сергѣй *Огушковъ* опредѣленъ 9-го сентября на діаконское мѣсто при церкви сл. Каплуновки, Богодуховскаго уѣзда.

е) Діаконъ-псаломщикъ Свято-Духовской церкви, Сумской Александровской гимназіи Іоаннъ *Пересыткинъ* опредѣленъ 22 сентября на діаконское мѣсто при Николаевской церкви, слоб. Царьборисовой, Изюмскаго уѣзда.

ж) Бывшій воспитаникъ 3 кл. духовной семинаріи Ивацъ *Эннатскій* опредѣленъ 11 сентября н. г. на псаломщическое мѣсто при церкви села Замостья, Зміевского уѣзда.

з) Крестьянинъ Іуда *Трушиз* опредѣленъ п. д. псаломщика къ Троицкой церкви, села Покровскаго, Валковскаго уѣзда.

і) Личный почетный гражданинъ Игнатъ *Шапошниковъ* опредѣленъ 11-го сентября н. г. п. д. псаломщика къ Николаевской церкви, села Александровки, Богодуховскаго уѣзда.

п) Крестьянинъ Стефанъ *Лазаренко* опредѣленъ 11 сентября н. г. на псаломщицкое мѣсто при Рождество-Богородичной церкви, слоб. Бунчужной, Старобѣльскаго уѣзда, исправляющимъ должность псаломщика.

к) Окончившій курсъ Духовной семинаріи Кирилъ *Бобрисъ* опредѣленъ 11 сентября сего года на псаломщицкое мѣсто при Свято-Духовской церкви, Сумской гимназіи.

л) Сверхштатный Псаломщикъ Хагѣвской Александро-Невской церкви, Иванъ *Гчилюсьиръ* опредѣленъ 12 сентября на псаломщицкое мѣсто при той же церкви.

м) Мѣщанинъ Владиміръ *Шарунъ* опредѣленъ 11 сентября п. д. псаломщика къ церкви, слоб. Кручка, Богодуховскаго уѣзда.

2. О перемѣщеніи священно-церковно-служителей на другія мѣста.

а) Священникъ Богодуховскаго Троицкаго жепскаго монастыря Стефанъ *Чиркинъ* перемѣщенъ 6 сентября н. г. на священническое мѣсто при Троицкой церкви, слоб. Крючковъ, Изюмскаго уѣзда.

б) Священникъ Архангело-Михаиловской церкви, слоб. Соколова, Зміевскаго уѣзда, Григорій *Орловскій* перемѣщенъ 19 сентября н. г. на священническое мѣсто при Екатерининской церкви, села Комаровки, Харьковскаго уѣзда.

в) Священникъ Николаевской церкви, слоб. Тарасовки, Купянскаго уѣзда, Іоаннъ *Соколовскій* перемѣщенъ 20 сентября къ Архангело-Михаиловской церкви, слоб. Соколова, Зміевскаго уѣзда.

г) Священникъ Успенской церкви, слоб. Поповки, Старобѣльскаго уѣзда, Сергій *Прокофьевъ* перемѣщенъ 20 сентября н. г. на священническое мѣсто при Иверско-Богородичной церкви, слоб. Бѣлаго Колодезя, Волчанскаго уѣзда.

д) Псаломщикъ Георгіевской церкви, слоб. Поповки, Изюмскаго уѣзда, Федоръ *Сукачевъ* перемѣщенъ 11 сентября къ вновь устроенной церкви въ хуторъ Невскомъ, Купянскаго уѣзда.

е) Псаломщикъ Успенской церкви, слободы Заводы, Волчанскаго уѣзда, Порфирій *Бутковскій* перемѣщенъ 15-го сентября къ Мирносицкой церкви, города Волчанска.

3. Объ увольненіи за штатъ.

а) Священникъ Троицкой церкви, слоб. Крючковъ, Изюмскаго уѣзда, Николай *Лизинскій*, согласно прошенію, уволенъ за штатъ 2-го сентября 1906 года.

б) Священникъ Екаторпиенской церкви, села Комаровки, Харьковскаго уѣзда, Дмитрій *Соколовскій*, согласно его прошенію, уволенъ за штатъ 19 сентября.

в) Діаконъ Николаевской церкви, слоб. Жихора, Харьковскаго уѣзда, Іоансъ *Пономаревъ*, согласно его прошенію, уволенъ за штатъ 4-го сентября.

г) Псаломщикъ Покровской церкви, слободы Шпилевки, Сумскаго уѣзда, Карпъ *Ястремскій*, согласно прошенію, уволенъ за штатъ 5 сентября.

4. О смерти духовенства.

а) Священникъ церкви Христа Спасителя при Харьковскомъ училищѣ слѣпыхъ Василій *Самойловъ* умеръ 5 сентября.

б) Священникъ Иверско-Богородичной церкви, слоб. Бѣлаго Колодезя, Волчанскаго уѣзда, Николай *Яновскій* умеръ 14 сентября.

в) Псаломщикъ Успенской церкви, слоб. Климовки, Сумскаго уѣзда, Макарій *Быковъ* умеръ 31 августа.

5. Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ Рождество-Богородичной церкви, слоб. Боремли, Ахтырскаго уѣзда, утвержденъ 16 сентября старостою крестьянинъ Іосифъ *Тищенко*.

б) Къ Александро-Невской церкви при Харьковскихъ богоугодныхъ заведеніяхъ утвержденъ 20 сентября старостою смотритель губернской земской больницы *В. Я. Власовъ*.

в) Къ Покровской церкви, города Лебедина утвержденъ 19 сентября старостою мѣщанинъ Алексѣй *Николаевъ*.

г) Къ Рождество-Богородичной церкви, слоб. Алексѣовки, Зиіевскаго уѣзда, утвержденъ старостою крестьянинъ Николай *Ивиновъ* 19 сентября.

д) Къ Дмитріевской церкви сл. Шевелевки, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 21 сентября старостою крестьянинъ Иванъ *Сыровъ*.

6. Объ утвержденіи и. д. псаломщиковъ въ должности псаломщика.

а) И. д. псаломщика церкви сл. Караячнѣй, Старобѣльскаго уѣзда, Петръ *Рокитянскій* утвержденъ 12 сентября въ должности псаломщика.

б) И. д. псаломщика Рождество-Богородичной церкви, города Чугуова, Іаковъ *Гончаровъ* утвержденъ въ должности псаломщика 24 сентября.

7. Обь утвержденіи въ должности законоучителей.

а) Діакопъ Успенской церкви, слободы Николаевки 2-й, Волчанскаго уѣзда, Бодратъ *Мухинъ* утвержденъ 18 сентября въ должности законоучителя во вновь открываемомъ Николаевскомъ II Волчанскомъ народномъ училищѣ.

б) Окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи Александръ *Олейниковъ* утвержденъ законоучителемъ во вновь открываемомъ Печенѣжскомъ III народномъ училищѣ, Волчанскаго уѣзда.

в) Священникъ Озерянской церкви, города Харькова, Василій *Пономаревъ* утвержденъ законоучителемъ Холодногорскаго народного училища.

8. Обь утвержденіи и увольненіи должностныхъ лицъ.

Священникъ церкви слоб. Великаго Исторона, Лебединскаго уѣзда, Іоаннъ *Малиженевскій* назначенъ 19 сентября благочиннымъ I округа Лебединскаго уѣзда, вмѣсто уволеннаго, согласно прошепію отъ сей должности священника Покровской церкви, города Лебедина, Петра *Чудновскаго*.

9. О пожертвованіи.

Въ теченіе Августа мѣсяца 1906 года въ Харьковскую Духовную Консисторію поступило пожертвованій отъ церквей и монастырей епархіи въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая 721 руб. 98 коп., а съ прежде поступившими 4998 руб. 62 коп.

10. В а к а н т н ы я м ѣ с т а.

а) Священническія.

При Церкви Христа Спасителя Харьковскаго училища слѣдующихъ.
— Успенской церкви, слоб. Попови, Старобѣльскаго уѣзда.

б) Псаломщики:

При Харьковской Институтской Маріе-Магдалининской церкви.
— Сергіевской церкви, Харьковской 2-й гимназіи.
— Соборной Преображенской церкви, гор. Изюма.
— Преображенской церкви, сл. Бѣлолуцка, Старобѣльскаго уѣзда.
— Покровской церкви, с. Шилевки, Сумскаго уѣзда.
— Покровской церкви, с. Верхней Писаревки, Волчанскаго уѣзда.
— Рождество Богородичной церкви, хут. Карповки, Изюмскаго уѣзда.
— Успенской церкви, сл. Заводы Волчанскаго уѣзда.
— Успенской церкви, сл. Клановки, Сумскаго уѣзда.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.

Съ 1-го октября освобождается при училищѣ должность эконома съ жалованьемъ въ 560 руб., квартирой и содержаніемъ. Для занятія этой должности желательно лицо знакомое съ хозяйствомъ и счетоводствомъ, малосемейное и при томъ духовное—священникъ или діаконъ. Заявленія о занятіи должности просятъ адресовать на имя Совѣта училища.

II.

Содержаніе. II. О возстановленіи выборнаго начала въ духовенствѣ. *Священника Теодора Сулимы.*—Еще нѣсколько мыслей по поводу статьи свят. Н. М. Загорскаго: „О причинахъ домогательства воспитанниковъ духовныхъ семинарій въ поступленію въ высшія свѣтскія учебныя заведенія“ *Сельскаго священника И. Гораина.*—Изъ жизни расколо-сектанства. Миссіонерскій листокъ: Темпота раскольническая, *Миссіонера Якова Глаголева.*—Къ вопросу о продажѣ иконъ. *Солнценника Николая Кротенко.*—Епархіальная хроника. Архіерейскія богослуженія.—Праздникъ Успенія Божіей Матери въ Святогорской Успенской пустыни, городѣ Славянскѣ и Спасскомъ монастырѣ, что на мѣстѣ крушенія царскаго поѣзда, близъ ст. „Ворскъ“ и посѣщеніе оныхъ Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ. (Окончаніе) — Пятидесятилѣтній юбилей священства настоятеля Николаевской церкви, села Григоровка, Харьковской губ. и уѣзда, протоіерей М. Соколовскаго.—Памяти священника П. Н. Луценкова.—Иноепархіальный отдѣлъ. Можетъ ли пастырь служить панихиды по бязненнымъ преступникамъ?—Съѣздъ школьныхъ дѣятелей въ г. Гроднѣ.—Разныя извѣстія и замѣтки. Хроника церковно-общественной жизни.—Объявленія.

О ВОЗСТАНОВЛЕНІИ ВЫБОРНАГО НАЧАЛА ВЪ ДУХОВЕНСТВѢ *).

Въ настоящее время духовенство особенно занято вопросами о помѣстномъ соборѣ и о выборномъ началѣ. На нихъ возлагаются большія надежды. Вопросъ о выборномъ началѣ имѣлъ уже практическое примѣненіе въ жизни духовенства не такъ давно. Интересны нѣкоторыя свѣдѣнія изъ исторіи этого вопроса не такъ давняго прошлаго. Благовременно вспомнить о нихъ въ связи съ сужденіями о выборномъ началѣ въ настоящее время. Около 1870 года въ Русской церкви было утверждено выборное начало въ духовенствѣ для повсемѣстнаго введенія его въ епархіяхъ. Тогда же были выработаны и „правила для выбора благочинныхъ и другихъ должностныхъ

*) Не соглашалась съ нѣкоторыми доводами почтеннаго автора настоящей статьи, мы тѣмъ не менѣе печатаемъ ее, въ видахъ возможно полнаго освѣщенія затронуемаго вопроса.

лицъ". Къ этому же времени относятся и слѣдующія постановленія духовенства о выборномъ началѣ. Высокопреосвященный Митрополитъ Исидоръ издалъ указъ о выборахъ помощниковъ благочинныхъ; духовенство Казанской епархіи сдѣлало подобное же постановленіе, и кромѣ того, точно опредѣлило обязанности благочинныхъ и ихъ помощниковъ; духовенство Свѣяжскаго уѣзда постановило, чтобы благочинные и ихъ кандидаты избирались духовенствомъ округа; епархіальные съѣзды духовенства Литовской и Калужской епархіи дѣлали постановленія подвергать баллатировкѣ благочинныхъ, помощниковъ ихъ, депутатовъ и духовниковъ; С.-Петербургское духовенство и Донской епархіи пошло еще дальше: оно, на епархіальныхъ своихъ съѣздахъ, постановило, чтобы вновь избираемые члены консисторіи и попечительства были подвергаемы выборамъ мѣстнаго духовенства. Это постановленіе было утверждено Высокопреосвященнымъ Исидоромъ. Подобныя постановленія о выборномъ началѣ были во многихъ другихъ епархіяхъ. Изъ нихъ видно, что при выборахъ должностныхъ лицъ округа участвовали тогда какъ штатные, такъ и сверхштатные члены причта съ различнымъ правомъ голоса. Срокъ службы въ должностяхъ былъ различный, отъ трехъ и до шести лѣтъ. Такъ широко распространялось тогда выборное начало, и въ семидесятыхъ годахъ оно было уже повсемѣстнымъ. Но не долго ему суждено было продолжаться. Въ 1881 году апрѣля 5 дня изданъ былъ Указъ Св. Синода, коимъ предоставлено право преосвященнымъ самимъ избирать благочинныхъ, „по личному, внимательному своему выбору“. Съ тѣхъ поръ выборное начало совершенно прекратило свое существованіе. Указанное распоряженіе Св. Синода касалось исключительно благочинныхъ, но, строго говоря, послѣ изданія его, не было у насъ выборовъ даже депутатовъ на епархіальный и училищный съѣзды духовенства. На первые—ѣздили помощники благочинныхъ по назначенію благочинныхъ, или же самые благочинные по вызову Преосвященныхъ, а на вторые—духовные слѣдователи (депутаты), если разрѣшали имъ благочинные, или же сами благочинные по своему желанію, безъ вѣдома и согласія окружнаго духовенства. На смѣну ихъ появились безчисленный рядъ цирку-

ляровъ, предписаній, распоряженій, усмотрѣній и другихъ руководственныхъ указаній, взятыхъ не изъ жизни, а изъ сужденій и мнѣній канцелярій, основанныхъ на письменныхъ донесеніяхъ младшей администраціи старшей. Содержаніе и форма донесеній этихъ достаточно извѣстна каждому. Духовенство съ своей дѣйствительной жизнью отступило на второй планъ, а канцеляріи—на первый. вмѣсто живого обмѣна мыслей, сужденій и самостоятельности, появились мертвыя бумаги, переписки. Содержаніе всякаго рода бумагъ не допускаетъ никакихъ сужденій, а требуетъ только исполненія, не взирая на то, что онѣ непримѣнимы. Масса распоряженій, со всякаго рода учрежденій, запутала жизнь духовенства: трудно стало въ нихъ разбираться, а за нарушение или неисполненіе ихъ грозитъ отвѣтственность: „выговоръ, штрафъ денежный, въ монастырь“ и пр. пр. не заслуженныя бѣды. Отсюда прямой выводъ: разсужденія о предписаніяхъ и указаніяхъ и вынужденное нарушение ихъ—есть, если не противленіе власти, то причиненіе неприятности ей-же; отсюда: недоувѣріе другъ къ другу. И пошла жизнь духовенства по нисходящимъ ступенямъ, замыкаясь въ себѣ, а канцеляріи—по восходящимъ, властно расширяясь надъ духовенствомъ. Законная самозащита своего достоинства и правдивыя рѣчи стали почитаться за грубость, лесть—за умѣнье жить. Въ результатѣ получилось крайне фальшивое положеніе служителей правды и истины, верхъ всего этого—грозный призракъ отвѣтственности за что-то.

Въ послѣднее время, какъ естественный результатъ тяжелаго положенія духовенства, возникъ вопросъ объ оживленіи дѣятельности приходскаго духовенства. Первою мѣрою къ оживленію ея, почитается вопросъ о возстановленіи выборнаго начала въ духовенствѣ. Неоспоримо, что это вопросъ первой важности ¹⁾. Какова будетъ судьба его, пока трудно предрѣшить. Всѣмъ извѣстно и никто не станетъ отрицать того, что одно изъ существенныхъ, отличительныхъ и неотъ-

¹⁾ Неоспоримо, что выборное начало отнюдь не служитъ залогомъ избранія именно достойныхъ лицъ. И исторія и современныя событія съ очевидной наглядностію свидѣтельствуютъ, что и при выборномъ началѣ избраніе падаетъ часто на лицъ совсѣмъ недостойныя. *Ред.*

емлемыхъ свойствъ православной церкви—есть ея соборность. Отсюда: а) выборное начало въ ней есть необходимый и естественный результатъ ея соборности, б) выборное начало дѣйствовало въ древней церкви, в) было оно въ первое время и въ Русской церкви. Изъ церковной исторіи намъ извѣстно, что даже управленіе епископа своей епархіей было не одиначное и самостоятельное, а соборное и ограниченное Совѣтомъ пресвитеровъ. Значитъ, выборная форма въ духовенствѣ издавна законная форма, и только благодаря какой то случайности, она была затерта. Необходимость возстановленія ея сознается всѣмъ духовенствомъ. Не въ силахъ возбудить духовенство къ жизни и разумной дѣятельности воззванія къ намъ нашихъ епископовъ, такъ какъ начало самодѣятельной силы духовенства не въ этихъ призывахъ; да и какъ понимать эти призывы—нужны руководственные указанія, чтобы не получила „Херсонская революція духовенства“. Рычагъ дѣятельности и жизни духовенства въ выборномъ началѣ и общеніи съ епископами, но—не канцелярскомъ. И духовенство возлагаетъ большія надежды на это начало. Главныя между этими надеждами: возбужденіе къ разумной, сознательной самодѣятельности духовенства, вкупѣ съ епископомъ своимъ, осуществленіе единства дѣйствій между духовенствомъ, ослабленіе безжизненныхъ канцелярій и рабскаго подчиненія имъ, живое, дѣятельное, чисто братское взаимообщеніе между собою, со своими властями и архипастырями, свободное безбоязненное совмѣстное обсужденіе назрѣвающихъ вопросовъ, расположеніе и полное довѣріе къ своимъ выборнымъ, какъ дѣйствительнымъ представителямъ, защитникамъ и блюстителямъ интересовъ духовенства и пр.

Ничего подобнаго у насъ нѣтъ (не по нашей винѣ) ¹⁾: жи-

¹⁾ Не отъ „канцелярщины“ зависитъ малообщительность духовенства, а отъ многихъ другихъ причинъ, кроющихся въ самомъ духовенствѣ. Нельзя забывать, что напр. въ Харьковѣ духовенство имѣетъ полную возможность сходиться и дѣйствительно сходится (въ зданіи консисторіи) для совмѣстнаго и совершенно непринужденнаго обсужденія различныхъ вопросовъ церковно-общественной и епархіальной жизни. Что можетъ мѣшать духовенству и уѣздному сходиться периодически для подобныхъ же сужденій? Повторяемъ, что недостатокъ братскаго взаимообщенія зависитъ не отъ „канцелярщины“... *Ред.*

вемъ мы каждый въ одиночку, боясь открыто выражать свои мнѣнія, вся жизнь наша поставлена въ полную зависимость отъ канцелярій. При появленіи какого-либо, бьющаго ключемъ, жизненнаго вопроса, мы не стремимся обсудить, взвѣсить и рѣшить его на основаніи Евангельскихъ требованій, церковныхъ канонѡвъ, или путемъ братскихъ сужденій, а идемъ и ищемъ въ церковномъ архивѣ подходящаго циркуляра, или же ждемъ новаго руководственнаго указанія. Такъ ужъ мы привыкли къ нимъ. А между тѣмъ, слѣдовало бы отъ жизни брать весь ея опытъ, переработывать его соборнымъ путемъ на Евангельскихъ основаніяхъ, вкупѣ съ архипастыремъ своимъ, и вновь возвращать его въ жизнь. Въ самыхъ циркулярахъ мы стараемся узнать тотъ таинственный смыслъ, который наиболѣе удобенъ и приятенъ для канцелярій. Прямѡромъ чему могутъ служить выборы кандидатовъ въ члены Государственнаго Совѣта. При выборѣ ихъ духовенство въ большинствѣ случаевъ смотрѣло не на прямой смыслъ распоряженія Св. Синода, чтобы кандидатъ былъ „дѣятельный, полезный и авторитетный“, а на то, насколько то или иное лице въ чести и значеніи у властей. Отсюда произошла ошибка, такъ какъ въ члены государственнаго Совѣта не избранъ ни одинъ кандидатъ отъ сельскаго духовенства, хотя оно составляетъ большинство въ духовномъ сословіи и стоитъ оно въ центрѣ той именно жизни, которая особенно нуждается въ обновленіи; а такой-то членъ былъ бы и дѣятельный, а главное полезный и авторитетный, такъ какъ онъ могъ бы освѣтить жизнь съ ея дѣйствительной стороны, а не фиктивной, и авторитетъ его въ этомъ отношеніи—выше авторитета чиновничьяго. Подобное же бываетъ у насъ и на другихъ нашихъ съѣздахъ и собраніяхъ. Всюду, преслѣдуетъ насъ страхъ отвѣтственности; и остаются наши вопросы—все же вопросами. Вывести насъ изъ этого положенія можетъ, намъ кажется, только законная форма выборнаго начала.

Изъ многихъ мнѣній о выборномъ началѣ, господствующихъ правда въ тѣсныхъ кругахъ духовенства, преимуществуютъ слѣдующія положенія о немъ: а) желательно возстановить выборное начало должностныхъ лицъ округа, уѣзда и епархіи;

б) выборы должны быть дѣйствительные и свободные; в) на каждую должность избирать по одному кандидату на срокъ не болѣе трехъ лѣтъ; г) несеніе должностей сдѣлать обязательнымъ для каждаго священника; д) по истеченіи трехъ лѣтъ производить новые выборы, отнюдь не оставляя въ должностяхъ тѣхъ же лицъ ¹⁾; е) въ выборахъ должны участвовать всѣ члены причта и церковные старосты съ равнымъ правомъ голоса; ж) въ члены благочинническаго Совѣта избирать по одному кандидату отъ діаконовъ и псаломщиковъ; з) о результатахъ выборовъ доносить епархіальному Преосвященному на утвержденіе. Въ принципѣ съ такимъ мнѣніемъ духовенства о выборномъ началѣ нельзя не согласиться.

Такъ или иначе, но пока вопросъ о выборномъ началѣ есть только чаяніе, хотя и законное, духовенства, и отъ того или иного рѣшенія его зависитъ оживленіе или же прежнее состояніе духовенства. *Священникъ Θεодоръ Сулима.*

Еще нѣсколько мыслей по поводу статьи свящ. И. М. Загоровскаго: „О причинахъ домогательства воспитанниковъ духовныхъ семинарій къ поступленію въ высшія свѣтскія учебныя заведенія“ *).

Въ своей статьѣ глубокоуважаемый о. Н. М. Загоровскій, разбирая вопросъ: почему семинаристы уходятъ изъ своего сословія въ свѣтскія учебныя заведенія, видитъ главнымъ образомъ причину этого бѣгства—во 1-хъ „въ почти полномъ отсутствіи инициативы и самостоятельности духовенства въ своей дѣятельности“, во 2-хъ—въ томъ, что „духовенству плохо живется“.

Первая причина—моральнаго характера; вторая—матеріальнаго, экономическаго; на послѣднюю авторъ указываетъ съ особенной силой.

Статья о. Загоровскаго наводитъ насъ на нѣкоторыя соображенія, которыми мы и осмѣливаемся подѣлиться съ своими собратіями о Христѣ.

¹⁾ Отнюдь не можемъ согласиться съ такимъ своеобразнымъ доводомъ. *Ред.*

*) „Вѣра и Разумъ“ 1906 г. январь. кн. № 2-й.

Пастыри лишены инициативы, между прочимъ, по мнѣнію о. Загоровскаго, неимѣніемъ права лично налагать епитимію на заблуждающихся, а должны обращаться бумагой къ епископу. „Въ иныхъ случаяхъ необходимо.. блудника, вора, винопійцу отлучить на время отъ собранія вѣрныхъ, лишитъ его Тайны Св. Причащенія, чтобы другіе, видя примѣръ пастырской власти и ревности, каялись“... (стр. 80). Намъ кажется, что наложеніе епитиміи на то, или другое лицо долженъ непременно санкціонировать епископъ своимъ авторитетомъ, а не налагать ее единолично священникъ „при живомъ впечатлѣніи, дабы проявить свою пастырскую власть“, какъ хотѣлось бы о. Заг—кому. Возможно предположить, что пользуясь правомъ лично налагать епитимію на согрѣшившаго, священникъ можетъ злоупотреблять этимъ правомъ, расточать его неумѣстно и неумѣренно, а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ будутъ привмѣшиваться и личные счеты,—даже приносить вредъ Церкви. Кромѣ того, чтобы епитимія не казалась пустымъ звукомъ, а была дѣйствительною, нужно чтобы лицо налагающее ее было само безупречно,—чтобы пастырь былъ человекомъ идеальнымъ во всѣхъ отношеніяхъ; въ противномъ случаѣ услышимъ голосъ: „врачу, исцѣлися самъ“...

Съ епитиміей священнику нужно быть очень осторожнымъ, и вотъ почему.—Не всегда и не на всѣхъ людей епитимія производитъ одинаковое дѣйствіе и приноситъ желаемые результаты. На дѣло епитиміи нужно смотрѣть болѣе разносторонне. Сколько священнику нужно имѣть пастырской опытности, знанія индивидуальныхъ особенностей „виновнаго“, благоумной предусмотрительности, пониманія причинъ, побудившихъ субъекта на преступленіе,—чтобы епитимія оказалась умѣстной. А всякій-ли изъ насъ, священниковъ, владѣетъ названными способностями?

Епитимія производитъ благіе результаты на людей спокойнаго и ровнаго характера, вдумчивыхъ и покорливыхъ; напротивъ-же лицъ строптивыхъ, раздражительныхъ и легкомысленныхъ, епитимія не только не исправитъ, а еще болѣе ожесточитъ. Вразумленія заблудшаго можно достигнуть мѣрами кроткими и сердечными, не прибѣгая къ епитиміи. Хотя епи-

тиміа ковечною цѣлью имѣеть не наказаніе, а исправленіе грѣшника, но все же она видимо для всѣхъ клеймитъ виновнаго, ярко выдѣляетъ его изъ среды прочихъ прихожанъ, и порождаетъ для него нравственную пытку.

Сектанты, говоритъ далѣе о. Заг—скій, видя что въ Церкви Православной есть явные грѣшники, упрекаютъ пастыря въ томъ, что „у насъ Тайны Христовы всѣ заурядъ принимаютъ: и блудницы, и пьяницы, и разбойники; какая у васъ святая Церковь“? Но чего только не говорятъ сектанты про нашу Церковь!.. Развѣ присутствіе въ Церкви нѣсколькихъ грѣшниковъ лишаетъ ее святости? А у сектантовъ въ ихъ обществѣ развѣ нѣтъ грѣшниковъ? Они Церковь нашу называютъ еретическою, заблудшеюся—такъ развѣ всякое злорадственное слово ихъ должно повергать насъ въ скорбь и уныніе? Развѣ намъ необходимо прислушиваться ко всякимъ разсужденіямъ сектантовъ и принимать ихъ въ расчетъ? И неужели они упрекомъ въ томъ, что въ числѣ членовъ Православной Церкви бывають грѣшники, такъ прижимаютъ насъ, что ничего намъ якобы и возразить на это? По мнѣнію о. Заг—скаго, пастырь церкви въ данномъ случаѣ „угрюмо, съ душевной болью „молчить“, указывая развѣ на единственный примѣръ отлученія отъ Церкви гр. Толстого“... Если дѣйствительно пастырь Церкви на этотъ упрекъ молчить,—то плохо онъ дѣлаеть, что не сможетъ отразить голословнаго нападка.

Пастырь церкви еще лишается инициативы и полноправія тѣмъ, что „опутывается цѣлою сѣтью указовъ, циркуляровъ, предписаній, которымъ рѣшительно нѣтъ мѣста, при живой духовной и религіозной дѣятельности“... (81 стр.) Неужели есть указы, которые запрещаютъ священнику проявить энергію и дѣятельность на пользу своего храма и прихода? Указы и предписанія есть мѣра побудительная для лѣнливыхъ. Если-бы все духовенство стояло на высотѣ своего призванія—тогда дѣйствительно указы были бы не умѣстны. Но кто станетъ ручаться за это? До чего дошла бы нѣкоторая часть духовенства безъ этихъ руководственныхъ предписаній—указать не трудно... Нѣтъ... сѣтовать на эти пути не слѣдуетъ,—эти сѣтованія мало говорятъ въ нашу пользу. Указы и предписанія

существуютъ во всѣхъ вѣдомствахъ.—какъ потребность направлять дѣятельность по извѣстному пути.

Недостаточная матеріальная обеспеченность, унижительный способъ полученія вознагражденія за трудъ, служить, по словамъ о. Заг—аго, также причиной удаленія семинаристовъ отъ духовныхъ должностей.

Не отрицаемъ, конечно, этого мнѣніе; но есть другая причина сего бѣгства какъ кажется болѣе глубока.

Дѣйствительно, служба пастыря трудна, сопряжена съ различными лишеніями, требуетъ отрѣшенности отъ нѣкоторыхъ удовольствій сего міра, отличается однообразіемъ, побуждаетъ иногда пастыря прямо на подвигъ... Нынѣшнее поколѣніе людей, вообще, отличается изнѣженностью, любовью къ удобствамъ жизни, къ легкому и пріятному труду. Современная жизнь людей характеризуется преобладаніемъ матеріальныхъ интересовъ надъ идейными. Пусть это будутъ неизбежные запросы времени, или непреклонный законъ общаго соціального прогресса—тѣмъ не менѣе, это фактъ. Духовенство, желая не отставать отъ другихъ интеллигентныхъ сословій—усваиваетъ вѣшнюю цивилизацію. Появились новые потребности—нужны и средства. Средства наши колеблются. Духовенство, чувствуя дѣйствительныя матеріальныя нужды, иногда ропщетъ. Иные, подъ вліяніемъ какихъ-либо временныхъ затрудненій, выражаютъ негодованіе на свою службу, сѣгуютъ на бѣдность, различныя сужебныя непріятности и т. д. Прежде всего это бываетъ въ кругу семьи, гдѣ слушателями невольно являются дѣти, въ душу которыхъ еще съ малыхъ лѣтъ закрадывается пессимистическій взглядъ на службу отца; зарождается нелюбовь къ этому роду жизненнаго поприща и въ то же время—ложное, преувеличенное представленіе о службѣ и карьерѣ свѣтской.

Само духовенство мало вселяетъ въ дѣтей своихъ любви къ тому роду службы, на которомъ само трудится. Не единичный случай, что сами родители, попавъ на духовныя должности, тяготеютъ ими.

Чѣмъ-же духовному юношеству увлечься въ священство, если оно не всегда видитъ въ своихъ отцахъ и братьяхъ увлекательный образъ идеальнаго борца за христіанскую правду?!...

О. Заг—скій далѣе говоритъ, что подѣ вліяніемъ нравственнаго и матеріальнаго гнета „по-неволѣ падешь духомъ, опустятся руки, задумаешься надъ тяжелой непривлекательной жизнью священника“... Но приходитъ въ такое тяжелое душевное состояніе подѣ вліяніемъ вышеназванныхъ причинъ—не слѣдуетъ. Лучшей наградой для пастыря долженъ быть призывъ Спасителя: „Рабе благій и вѣрвый... войди въ радость Господа своего“... Вотъ гдѣ пастырь долженъ черпать для своей многострадальной дѣятельности побужденіе, а не въ тѣхъ измѣнчивыхъ человѣческихъ похвалахъ и наградахъ, которыхъ мы теперь не имѣемъ. Спаситель еще Апостоламъ, посылая ихъ на проповѣдь, сказалъ, что „не вездѣ пріймутъ васъ“... „во вы отрясите прахъ отъ ногъ своихъ“...

Настоящую замѣтку заключимъ слѣдующими словами. Бѣдность и унижительный способъ платы за трудъ, а также и упадокъ идейности, нравственнаго мужества, уклоненіе отъ идеаловъ Христа подѣ вліяніемъ „обмирщенія“,—вотъ главные причины нерѣдкаго ухода юношей изъ духовнаго сословія...

Сельскій Священникъ Ин. Горинъ.

Сл. Безлюдова.

ИЗЪ ЖИЗНИ РАСКОЛО-СЕКТАНСТВА.

МИССИОНЕРСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ТЕМНОТА РАСКОЛЬНИЧЕСКАЯ.

„Будетъ время, егда здравого ученія принимать не будутъ... (2 Тим. 4, 3)“

Правдничный день. На улицѣ около одного дома сидятъ нѣсколько человѣкъ, среди которыхъ находятся два старообрядца. Подхожу къ нимъ. Повдоровавшись, заходитъ рѣчь о причащеніи. Читаю имъ слова самого Господа нашего Іисуса Христа: „аще не съѣсте Плоти Сына Человѣческаго и не пиете Крови Его, живота не имате въ себѣ. Ядый Мою Плоть и пій Мойю Кровь имать животъ вѣчный и Азь воскрешу Его въ послѣдній день (Іоан. 6 гл. 53—54)“. Вотъ говорю, по словамъ самого Господа, кто не причащается св. Тайнъ,

тотъ не наслѣдуетъ и жизни вѣчной. Слова же Господа не могутъ не исполниться, потому что Онъ сказалъ: „небо и земля мимо идутъ, словеса же Моя не мимо идутъ (Мѡ. зач. 101).

— Что вы говорите о причастіи. Какое теперь хотите вы причастіе? Причастіе было до Никона патріарха, когда оно отъ самого Христа Спасителя сохранялось, не оскудѣвая въ чашѣ. Когда же Никонъ началъ править по своему книги, оно и изсякло. Съ тѣхъ поръ и нѣтъ причастія, сказалъ одинъ изъ старообрядцевъ.

Я спросилъ его: гдѣ вы нашли такое нелѣпое сказаніе о таинствѣ св. причащенія? Св. Евангелисты объ установленіи сего таинства такъ свидѣтельствуютъ: „пріемъ Іисусъ хлѣбъ, благослови, преломи и, давая ученикамъ, рече: пріемите, ядите сіе есть Тѣло Мое, еже за вы ломимое во оставленіе грѣховъ. Такожде пріимъ чашу вина, даде имъ глаголя: пійте отъ нея вси сія бо есть Кровь Моя Новаго Завѣта, яже за многія изливаема, во оставленіе грѣховъ. Сіе творите въ мое воспоминаніе (Мѡ. 26,—28; Марк. 14, 22—24; Лук. 22, 19—20)“. Православные священнослужители и исполняютъ это Христово повѣленіе, когда на литургіи по благословеніи священническомъ хлѣба и вина съ призваніемъ Св. Духа, хлѣбъ претворяется въ Тѣло Христово, а вино въ Кровь Христову. Вѣрные подъ видомъ хлѣба причащаются Тѣла Христова, подъ видомъ же вина Крови Христовой. Въ Великомъ Катихизисѣ, отпечатанномъ при патріархѣ Филаретѣ, говорится: „сіе есть дивное совершительное, яко въ ней верху являемая образы хлѣба и вина пребываютъ же сами о себѣ выше естества хлѣба и вина, сирѣчь видъ и вкусъ хлѣба есть, хлѣба же самаго нѣсть видъ и вкусъ вина есть, вина же нѣсть... (387 л. и об.)“. Вы же приводите свое самоизмышленное свидѣтельство.

— Что же по вашему того, что я говорилъ, нѣтъ въ Писаніи?

— Разумѣется нѣтъ. Это придумано просто вашими темными, не знающими Писанія, наставниками.

— Вы говорите, что безъ причастія спастись нельзя, а какъ же въ старину святые по 40 по 50 лѣтъ жили въ пустыняхъ гдѣ негдѣ было причаститься, а все таки они спаслись?

— Хотя нѣкоторые изъ святыхъ, жившихъ въ пустынѣ, и не причащались, но они, нужно замѣтить, принадлежали къ той Церкви, которая имѣетъ іерархію и гдѣ совершается таинство причащенія. Въ теченіе своей жизни и предъ отходомъ своимъ въ пустыню они несомнѣнно причащались св. Тайнъ, т. к. они были строгими исполнителями словъ Господа. Притомъ и предъ смертію они сподоблялись св. Тайнъ, какъ напр. преп. Марія Египетская, предъ смертію сподобилась св. причащенія отъ св. Засимы. Вы же въ теченіе всей своей жизни не причащаетесь св. тайнъ, значитъ и примѣры святыхъ жившихъ въ пустынѣ, къ вамъ не подходятъ.

— Да что вы все говорите про причастіе, да про причастіе Іуда вонъ причастился да погибъ, а разбойникъ безъ причастія попалъ въ рай, сказалъ раскольникъ.

— Этими своими словами вы худите св. таинство. Изъ вашихъ словъ заключается, что будто бы Іуда оттого и погибъ, что причастился. Между тѣмъ онъ погибъ не черезъ то, что причастился. Погибъ онъ за предательство Христа Спасителя. Христосъ въ Евангеліи сказалъ объ Іудѣ: „горе тому человѣку, имъ же Сынъ человѣческій предается, лучше бы ему не родиться (Мѡ. 26, 24)“. На тайной Вечери отъ руки Христа Спасителя причастился не одинъ только Іуда, а и остальные одиннадцать апостоловъ, но вѣдь они не погибли. Вы говорите, что разбойникъ спасся, не причащаясь св. Тайнъ, но черезъ то не значитъ, что и намъ по примѣру, разбойника не нужно причащаться. Разбойникъ былъ даже и не крещенъ, но вы не скажете, что посему и намъ не нужно креститься. Притомъ Господь повелѣлъ таинство причащенія совершать въ Его воспоминаніе: „сіе творите въ мое воспоминаніе“, сказалъ Господь И апостоль говоритъ: „елижды бо аще ясте хлѣбъ сей, и чашу сію пиете, смерть Господню возвѣщаете, дондеже убо прійдетъ (1 Кор. гл. 11, зач. 149)“. Вотъ апостолы и Церковь въ воспоминаніе смерти Господа нашего Іисуса Христа и совершаетъ таинство св. причащенія. Вы живете теперь послѣ смерти и воскресенія Спасителя, значитъ примѣръ этотъ къ вашему состоянію совсѣмъ не подходитъ. Итакъ, други мои,

жалкое ваше состояніе, что вы по словамъ Спасителя не можете имѣть надежды на жизнь вѣчную.

— Что дѣлать, будемъ жить, какъ живемъ, а въ вашу вѣру не пойдемъ; сказавъ это, старообрядецъ всталъ и направился къ своему дому.

Миссіонеръ Яковъ Глаголевъ.

Сл. Ольховатка, Волчанскаго уѣзда.

КЪ ВОПРОСУ О ПРОДАЖѢ ИКОНЪ.

Многимъ изъ сельскихъ пастырей, вѣроятно, приходилось наблюдать картину продажи иконъ по селамъ торговцами. Эти торговцы, нагрузивъ два—три воза иконами, ѣздятъ по селамъ и предлагаютъ крестьянамъ покупать у нихъ иконы. Обѣзжая село, они кричатъ при этомъ, подобно продавцамъ своихъ продуктовъ: „богивъ, богивъ, ай, бабы, кому богивъ“. Если, при этомъ, торговецъ нрава веселаго, то не стѣсняется къ подобнымъ выкрикиваніямъ прибавлять: „покупайте иконы, дешево отдаю“ и т. п. Торговецъ останавливается среди села, развязываетъ возы, выставляетъ на землю иконы, сюда сходятся крестьяне, и начинается торговля. Продавецъ хвалитъ свой „товаръ“, а покупатели указываютъ его недостатки.

Всѣмъ извѣстна характерная черта русскаго мужика—ездѣ и во всемъ торговаться, торговаться, какъ говорится, до послѣдняго. Здѣсь сказывается неотразимое вліяніе нашихъ ярмарокъ, гдѣ мужикъ „изъ кожи лезетъ вонъ“, лишь-бы выторговать какой гривеникъ или пятакъ. Эта особенность характера вошла у него въ плоть и кровь, сроднилась съ нимъ, и составляетъ неотъемлемое наслѣдіе его предковъ. Поэтому вполне понятно, что и при покупкѣ иконъ крестьянинъ не можетъ отрѣшиться отъ желанія поторговаться. Продавецъ знаетъ эту черту въ характерѣ мужика, и назначаетъ, поэтому, цѣны за иконы повыше; начинается торгъ; торговецъ уступаетъ, крестьянинъ прибавляетъ, и много проходитъ времени, пока оба, наконецъ, прійдутъ къ взаимному соглашенію. При этомъ нерѣдко устраивается обмѣнъ иконъ на продукты сельско-хозяйственнаго производства, какъ-то сѣно, зерновой хлѣбъ и пр. На ярмаркахъ, куда одновременно съѣзжается нѣсколько торговцевъ иконами, картина торговли принимаетъ иной видъ, еще болѣе обидный для религіознаго чувства христіанина. Даже у человѣка, равнодушнаго къ религіи,

такой способъ торговли иконами вызываетъ отвращеніе, какое же чувство можетъ испытывать истинно-вѣрующій христіанинъ, видя (такое) небрежное обращеніе съ иконами на ярмаркахъ! Недаромъ такой способъ торговли иконами составляетъ предметъ нареканія со стороны штундистовъ и другихъ сектантовъ. Въ данномъ случаѣ они совершенно справедливы. Въ самомъ дѣлѣ, обидно для религіознаго чувства то обстоятельство, что предметъ, которому мы усвоаемъ извѣстную долю святости,—составляетъ обыкновенный предметъ купли и продажи. Что можетъ служить гарантіей для людей грубыхъ и невѣжественныхъ, (каковыми большею частію являются торговцы иконами) противъ профанаціи религіознаго чувства христіанина и святости иконъ. У нихъ одна цѣль, лишь-бы побольше продать иконъ и побольше выручить за нихъ денегъ. Объ остальномъ они не заботятся. Они такъ свыкаются съ своимъ дѣломъ, что для нихъ продать икону на ярмаркѣ, все равно что продать какой-нибудь обыкновенный предметъ.

Пора-бы положить конецъ всему этому! Сдѣлать это не такъ трудно, нужна только инициатива. Вѣдь нашли же разумный способъ продажи восковыхъ свѣчей. Теперь по первамъ очень рѣдко, попадаются парафиновые свѣчи. А вѣдь, раньше такія свѣчи часто составляли предметъ жертвы Богу. Нѣчто подобное можно устроить и съ продажей иконъ. Какому нибудь изъ монастырей можно предложить устроить иконописную мастерскую, которая изготовляла бы потребное количество иконъ, для удовлетворенія нуждъ всей епархіи. Изъ этой общей мастерской иконы приобрѣтались-бы непосредственно всѣми церквами епархіи на началахъ комиссіонерскихъ, а потомъ уже церковными старостами или даже членами причта продавались-бы прихожанамъ изъ церкви. Проданная изъ церкви и освященная въ ней священникомъ икона будетъ имѣть больше значенія для крестьянина, чѣмъ та, которую онъ покупаетъ на ярмаркѣ, или обмѣниваетъ за мѣшокъ ржи или ячменя. Можно даже организовать снабженіе церковей иконами по примѣру свѣчнаго завода, устроивъ въ разныхъ пунктахъ комиссіонерскіе склады. Такъ или иначе, а устроить это дѣло надо непременно и какъ можно скорѣе; тѣмъ болѣе, что съ правильной постановкой продажи иконъ, можно улучшить живопись иконъ. Это тоже большое мѣсто въ жизни православной церкви. Даже для непосвященныхъ въ тайны живописнаго искусства очевидно, какъ далеки

отъ идеала произведенія нашихъ профессиональныхъ „богомазковъ“. Для нихъ изговленіе иконъ есть ремесло, доставляющее имъ пропитаніе, а потому неудивительно, что иконописное дѣло, обслуживающее нужды деревни, поставлено у насъ очень плохо. Этимъ дѣломъ занимаются люди неопытные, некультурные, неимѣющие надлежащей подготовки. Съ правильной постановкой продажи иконъ несомнѣнно улучшилась-бы и живопись.

Пожелаемъ же скорѣйшаго осуществленія изложенной нами мысли, съ которой всякій благомыслящій долженъ согласиться.

Священникъ Николай Куртенокъ.

сл. Борзвал, Купянского уѣзда

Архіерейскія богослуженія.

14-го сентября, въ день Воздвиженія Честнаго Креста Господня, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній изволилъ совершать литургію въ Харьковской Крестовоздвиженской церкви по случаю храмоваго праздника. Въ сослуженія участвовали мѣстные протоіерей о. Николай Любарскій и о. Павелъ Григоровичъ, ключарь собора прот. Іоаннъ Гончаревскій и благочинный прот. о. Петръ Полтавцевъ. Въ храмѣ присутствовало множество молящихся. Послѣ причастіа стиха было произнесено по назначенію слово протоіереемъ о. П. Григоровичемъ. При этомъ служеніи студенты семинаріи Андрей Николаевскій рукоположенъ во діавона. Въ тотъ же день Преосвященнымъ Евгеніемъ, Епископомъ Сумскимъ, совершена была литургія въ Кафедральномъ соборѣ въ сослуженіи архидіаконъта Афанасія и соборнаго причта. При этомъ служеніи учитель Михаилъ Номазановскій рукоположенъ во діавона въ Иоанно-Богословской церкви при Харьковской духовной семинаріи и діавонъ Крестовоздвиженской церкви с. Черкасской Лозовой, Харьковскаго уѣзда; Іоаннъ Гаврашенко рукоположенъ во священника въ Троицкой церкви, сл. Мезеновка, Ахтырскаго уѣзда.

— 16-го сентября, въ субботу, Его Высокопреосвященство преосв.

лялъ служить, въ 9 час. утра, молебень Божіей Матери въ Сумскомъ Преображенскомъ соборѣ. Въ служеніи принимали участіе, кромѣ ключаря Каедральнаго собора, тринадцать мѣстныхъ протоіереевъ и священниковъ. Пѣлъ прекрасный мѣстный хоръ пѣвчихъ. Въ храмѣ присутствовали учащіеся церковно-приходскихъ школъ и многіе граждане г. Сумъ.

— 17-го сентября, въ воскресенье, Его Высокопреосвященство изволилъ совершать литургію въ Рождество-Богородичной церкви слободы Юнаковки, Сумскаго уѣзда, по случаю исполнившагося столѣтія и обновленія этого храма. Въ сослуженіи съ Его Высокопреосвященствомъ участвовали: Членъ Государственнаго Совѣта протоіерей Тимоѣей Ивановичъ Буткевичъ, архимандритъ Харьковскаго Покровскаго монастыря Іосифъ, игумень Петро-Павловскаго монастыря, Черниговской епархіи, Евсевій, смотритель Сумскаго духовнаго училища протоіерей о. Аркадій Грузовъ, ключарь протоіерей Іоаннъ Гончаревскій, настоятель церкви и благочинный протоіерей о. Василій Петровскій, священникъ о. Петръ Рубанскій и священникъ о. Іоаннъ Петровскій. Пѣлъ хоръ мѣстныхъ пѣвчихъ. Церковь не могла вмѣстить необычайнаго множества народа, собравшагося на это торжество. Въ концѣ литургіи Владыка съ большимъ воодушевленіемъ сказалъ слово—на текстъ: „помянухъ дни древнія, и научихся“,—о необходимости подражать вѣрѣ, благочестію и доброй жизни нашихъ предковъ. Послѣ литургіи былъ отслуженъ благодарственный молебень и совершенъ крестный ходъ вокругъ церкви съ произнесеніемъ лѣтійныхъ прошеній и окропленіемъ храма и народа св. водою.

Въ тотъ же день Превосвященный Епископъ Евгений совершалъ литургію въ Покровскомъ монастырѣ. При этомъ служеніи студентъ семинаріи Андрей Николаевскій рукоположенъ во священника къ Варвариной церкви с. Райскаго, Ивюмскаго уѣзда, псаломщикъ Николай Васютинскій—во діакона къ Крестовоздвиженской церкви с. Червасной Дозовой, Харьковскаго уѣзда.

— 24-го сентября, въ воскресенье, Превосвященный Евгений Епископъ Сумскій совершалъ литургію въ Каедральномъ соборѣ въ сослуженіи: архимандрита Анаасія, ключаря протоіерей Л. Гончаревскаго, соборныхъ священниковъ—Д. Твердохлѣбова и В. Яновскаго и іеромонаховъ—Евстратія и Сергія. Слово произнесъ во назначенію священникъ А. Ждановскій. При этомъ служеніи псаломщикъ Трофимъ Мележикъ рукоположенъ во діакона къ Георгіевской церкви сл. Мосъпановой, Зміевскаго уѣзда.

Послѣ литургіи была отслужена Ею Преосвященствомъ панихида по бывшемъ Харьковскомъ губернаторѣ, генераль-маіорѣ К. С. Старынкевичѣ, скончавшемся въ г. Симбирскѣ отъ ранъ, полученныхъ при злодѣйскомъ на него покушеніи. Предъ панихидой Ею Преосвященствомъ сказано было краткое, но сильное слово по поводу возмутительнаго преступленія, жертвою котораго сдѣлался ни въ чемъ неповинный и прекрасный человекъ. На литургіи и панихидѣ присутствовали: Харьковскій временный генераль-губернаторъ, губернский и уѣздный предводитель дворянства, прокуроръ судебной палаты, попечитель учебнаго округа, городской голова и многіе другіе представители учреждений. Соборъ былъ полонъ молящихся.

— Въ понедѣльникъ, 25 сентября, Преосвященный Евгений Епископъ Сумскій, совершилъ всеобщее бдѣніе въ храмѣ при Харьковской духовной семинаріи.

— Во вторникъ, 26 сентября, Ею Высокопреосвященство, Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, дозволилъ совершить литургію въ храмѣ при Харьковской духовной семинаріи. Ею Высокопреосвященству сослужили: ректоръ семинаріи, прот. А. М. Юшковъ, предсѣдатель Совѣта Харьковского Епархіальнаго женскаго училища, прот. І. Х. Пичета, ключарь Кафедральнаго собора, прот. І. Н. Гончаревскій, священникъ Харьковской Христорождественской церкви А. Дьяковъ, священникъ Харьковской Преображенской церкви С. А. Уманцевъ и духовникъ семинаріи, священникъ С. М. Крохатскій. Послѣ заричастнаго стиха сказано было слово (О различіи евангельской любви и современной гуманности) инспекторомъ семинаріи Л. М. Вагредовымъ. Послѣ литургіи совершенно было молебствіе св. апостолу и евангелисту Іоанну Богослову.

Протоіерей І. Гончаревскій.

Праздникъ Успенія Божіей Матери въ Святогорской Успенской пустыни, городѣ Славянскѣ и Спаскомъ монастырѣ, что на мѣстѣ крушенія царскаго поѣзда, близъ ст. „Борки“ и посѣщеніе оныхъ Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ.

(Окончаніе *).

На четвертой верстѣ отъ ст. Горь, послѣ переправы на паромѣ черезъ рѣку Донецъ, Владыку встрѣтили крестьяне слободы Богородичной, лежащей здѣсь, на берегу Донца, причемъ пред-

*) См. Извѣст. по „Харьковской епархіи“ № 17 за 1906 годъ

ставители ихъ поднесли ему хлѣбъ-соль. Владыка принялъ хлѣбъ и вступилъ съ ними въ бесѣду:

„Все ли у васъ спокойно и хорошо“? спросилъ Владыка. Крестьяне отвѣчали: „Теперь пока спокойно, но приходятъ разные люди со стороны и подговариваютъ къ водненіямъ и безпорядкамъ“. Владыка отвѣчалъ имъ: „Не слушайте этихъ смутьяновъ. По ихъ винѣ теперь много появилось зла на святой Русь. Посмотрите, какіе теперь пошли грабежи и убійства; теперь — спалить стогъ сѣна, даже домъ ничего не стоитъ. А все это происходитъ отъ того, что люди потеряли страхъ Божій. Въ прежнее время люди боялись Бога, а потому считали грѣхомъ погубить даже и насѣкомое. А теперь, желая убить человѣка не считаютъ грѣхомъ, губить даже невинныхъ дѣтей. Но я вѣрую, что Господь обратитъ свой гнѣвъ на милость и пошлетъ миръ странѣ нашей. Будемъ просить Бога о помилованіи, молитесь Богу и вы — братіе и Онъ сохранитъ васъ. Примите отъ меня благословеніе на все доброе“. Съ этими словами Владыка сталъ благословлять народъ, который наперерывъ снѣшилъ принять архипастырское благословеніе. Сердечная рѣчь Владыки произвела на народъ благотворное впечатлѣніе.

Въ 5 часовъ по-полудни Владыка прибылъ въ городъ Славянскъ и прослѣдовалъ въ главную Троицкую церковь, что на базарной площади. Ко встрѣчѣ Архіепископа собралось очень много народа, такъ что обширный Троицкій храмъ былъ совершенно переполненъ, а многіе стояли внѣ храма. У входа въ церковь Владыку встрѣтилъ церковный староста Я. М. Осокинъ, а въ церкви встрѣчалъ мѣстный причтъ съ крестомъ и святою водою. Послѣ обычной встрѣчи Владыка прошелъ въ алтарь, гдѣ осмотрѣлъ престолы и затѣмъ, облачившись въ малое облаченіе, Владыка вышелъ на солею и произнесъ слѣдующую проповѣдь:

„Поздравляю васъ, братіе, съ праздникомъ Успенія Божіей Матери. Святая Церковь составила чудныя пѣсеннѣнія въ честь этого праздника. Чтобы понять красоту и высокое достоинство этихъ пѣсеннѣній, нужно присутствовать на богослуженіи въ тѣхъ св. храмахъ, гдѣ оно совершается истово, благоговѣнно и по уставу церковному, напр. въ Святогорской обители. Чудныя тамъ распѣвы церковныхъ пѣсней въ честь и славу Успенія Божіей Матери!“

Въ честь праздника Успенія много поется церковныхъ пѣсней. Но главная изъ нихъ есть „тропарь“ праздника; онъ кратко, но

сильно и ясно выражаетъ содержаніе праздника. Прошу прои́тъ этотъ тропарь. Послѣ пѣнія тропаря Успенію Владыка продолжалъ:

Пояснимъ кратко эту церковную пѣснь. „Въ рождествѣ дѣвство сохранила еси“. Это значитъ: Пресвятая Богородица! Ты въ рождествѣ сохранила дѣвство: Ты зачала и родила Сына Божія по наитію Св. Духа, а потому въ рождествѣ и по рождествѣ осталась дѣвою, и величаешься приснодѣвою; въ этомъ отношеніи надъ Тобою совершилось сверхъестественное, чудесное; въ Тебѣ побѣждены законы естества; Ты содѣлалась сосудомъ Божества, вмѣстившимъ въ Себѣ Сына Божія. А потому Ты стала выше всѣхъ небесныхъ ангеловъ, и мы почитаемъ Тебя честнѣйшею херувимъ и славнѣйшею безъ сравненія серафимъ. Далѣе въ тропарѣ говорится: „во успеніи міра не оставила еси, Богородице“. Это значитъ: хотя Ты нынѣ умерла, но не предалась тлѣнію; Сыну Твоему угодно было воскресить Тебя и переселить на небо. Но переселившись въ міръ ангельскій, Ты не оставила насъ, Ты ходатайствуешь предъ Сыномъ Твоимъ за грѣшный родъ человѣческой; Ты—заступница, ходатаица и помощница христіанъ.

„Преставилася еси къ Жivotу“, т. е. перешла въ жизнь вѣчную, блаженную,—въ общеніе съ возлюбленнымъ Сыномъ своимъ и Богомъ, источникомъ жизни—Спасителемъ и заняла первое мѣсто—превыше всѣхъ херувимовъ и серафимовъ.

„Мати сущи Живота“, т. е. Ты—матерь Подателя Жизни. Жизнію, Истиннымъ путемъ ко спасенію и Спасителемъ мы называемъ Господа Іисуса Христа, потому что Онъ пришелъ на землю для избавленія людей отъ грѣха, проклятія и смерти, для дарованія имъ вѣчной, блаженной жизни. Пресвятая Матерь Божія дала Ему по человѣчеству жизнь, а потому Она въ этомъ смыслѣ называется Матерь Живота...

„И молитвами твоими избавляеша отъ смерти души наша“. Это значитъ: Матерь Божія—взята на небо, и не напрасно Она тамъ: Она молится за насъ и своими молитвами избавляетъ насъ отъ смерти. Какой смерти? Мы все умремъ, потому что все люди смертны; только два лица избѣжали смерти—Енохъ и Іиія. Сама Матерь Божія подверглась закону смерти. Но есть другая смерть—духовная: это грѣхи наши и за оныя—вѣчное мученіе, являющееся слѣдствіемъ нашей грѣховной жизни. Отъ этой смерти Матерь Божія и избавляетъ тѣхъ грѣшниковъ, ко-

торые съ раскаяніемъ во грѣхахъ обращаются къ Ней, прося ея ходатайства и заступничества предъ Господомъ Богомъ. Вотъ каково значеніе этой церковной пѣсни

Помолимся же братіе, Пресвятой Матери Божіей!“

Этою проповѣдію Владыко началъ цѣлый рядъ проповѣдей, которыя онъ въ этотъ день произнесъ въ церквахъ города Славянска и въ которыхъ изъяснялъ различныя обстоятельства блаженной кончины Божіей Матери и выводилъ изъ нихъ нравственные уроки въ назиданіе слушателямъ. Прекраснымъ воодушевленнымъ произношеніемъ, при простотѣ, ясности и живости изложенія, проповѣди эти представляли живой интересъ, привлекали вниманіе и производили глубокое впечатлѣніе. При послѣднихъ словахъ проповѣди Владыка вышелъ на средину церкви и, взойдя на амвонъ, началъ молебенъ Божіей Матери. Въ сослуженіи участвовали: о. о. архимандриты—Вассіанъ и Аеанасій, ректоръ семинаріи протоіерей о. А. Юшковъ, ключарь протоіерей І. Гончаревскій, протоіерей о. В. Добровольскій, мѣстный настоятель и благочинный священникъ о. М. Пономаревъ, мѣстные священники—о. П. Даниловъ и о. С. Жуковъ и священникъ Александро-Невской церкви о. В. Бугуцкій. Пѣлъ мѣстный прекрасный хоръ. Въ концѣ молебна Владыка трогательно прочелъ съ колѣнопреклоненіемъ молитву ко Пресвятой Богородицѣ, а по отпущѣннѣ протоіакономъ были произнесены обычныя многолѣтія. На молебнѣ въ числѣ молящихся присутствовали: Славянскій городской голова П. М. Ламвинъ, директоръ Славянскихъ минеральныхъ водъ профессоръ Залѣсскій, Изюмскій исправникъ. Это посѣщеніе Владыкою Троицкой церкви, его проповѣдь и служеніе молебна при большомъ числѣ служащихъ, множествѣ молящихся и прекрасномъ пѣніи, имѣло весьма торжественный видъ и произвело трогательно-умилительное впечатлѣніе. Послѣ разоблаченія Владыка, поблагодаривъ за встрѣчу и похваливъ пѣніе, преподалъ всѣмъ общее благословеніе и отбылъ отсюда въ Воскресенскую церковь.

Воскресенская церковь—старѣйшая изъ церквей города Славянска, существуетъ уже болѣе ста лѣтъ. Въ недавнее время она на средства потомственныхъ почетныхъ гражданъ братьевъ Шнурковыхъ внутри заново передѣлана, снабжена новыми прекрасными иконостасами, богатою утварью и ризницею. Нынѣ стараніемъ своего церковнаго старосты А. В. Шнуркова она управляется снаружи и содержится въ образцовомъ порядкѣ и чи-

стотѣ. Къ прїѣзду Владыки и эта, довольно обширная, церковь была наполнена народомъ; кромѣ того очень много народа было и предъ входомъ въ церковь. При выходѣ изъ экипажа Владыка былъ встрѣченъ церковнымъ старостой А. В. Шнурковымъ, а при входѣ въ церковь—причтомъ съ крестомъ и святою водою. Принявъ встрѣчу, Владыка при пѣніи мѣстнаго хорошаго хора прослѣдовалъ въ церковь, гдѣ было совершено краткое моленіе съ провозглашеніемъ обычныхъ многолѣтій. Заспѣвъ Владыка тщательно осмотрѣлъ все три алтаря, начиная съ главнаго, и обошелъ всю церковь. Послѣ же осмотра обратился къ народу съ слѣдующею проповѣдію:

„Поздравляю васъ, братіе, съ праздникомъ Успенія Божіей Матери. Въ этотъ великій праздникъ мы воспоминаемъ и прославляемъ Ея блаженную кончину. А когда мы воспоминаемъ смерть какого-либо человѣка, намъ приходятъ на умъ дѣла, слова, желанія его послѣднихъ дней: мы вспоминаемъ, гдѣ онъ бывалъ предъ своею смертію, что дѣлалъ, говорилъ, чего желалъ и т. д. Вспомнимъ и мы, братіе, послѣднія завѣты, дѣла, желанія Матери Божіей.

Пресвятая Богоматерь, послѣ вознесенія на небо Господа Иисуса Христа, жила въ домѣ апостола Іоанна Богослова 15 лѣтъ. Въ это время Она посѣщала тѣ мѣста, гдѣ былъ Христосъ Господь, гдѣ Онъ проповѣдывалъ, совершалъ чудеса, молился. Попреимуществу Она любила посѣщать садъ Геосиманскій. Тамъ Она предавалась усердной молитвѣ; въ особенности молилась Она о томъ, чтобы Господь Иисусъ Христосъ поскорѣе взялъ Ее къ Себѣ изъ этого грѣшнаго міра. Св. архангелъ Гавріилъ, благовѣстившій Ей зачатіе Спасителя, возвѣстилъ Ей и Ея близкую кончину; при чемъ далъ Ей пальмовую вѣтвь. Такъ, Матерь Божія предъ своею кончиною пребывала въ молитвѣ. И мы, подобно Ей, должны чаще и усерднѣе молиться Богу и готовиться къ смерти. Пресвятая Матерь Божія предъ своею смертію пожелала видѣть апостоловъ, которые въ это время разсѣялись по разнымъ странамъ съ проповѣдію о Христѣ. И вотъ, дѣйствіемъ Всемогущества Божія, апостолы невидимою силою, на облакахъ, были перенесены во Іерусалимъ и явились къ Богоматери. Радостно было ихъ свиданіе, но они скоро и опечалились, узнавъ, что они призваны на погребеніе Ея. И дѣйствительно, черезъ 3 дня Богоматерь мирно предала духъ свой Богу, а Иисусъ Христосъ принялъ Ея Душу и вознесъ на небо. Тѣло

Ея было погребено въ Геесиманіи. Кончина—самая святая и блаженная. Мы, конечно недостойны такой кончины. Но намъ должно не только желать, но просить Бога для себя мирной христіанской кончины.

Послѣ блаженнаго успенія Богоматери, св. апостолы непрестанно воспоминали о Ней и за своей трапезой оставляли Ея мѣсто свободнымъ. Въ одно время когда апостолы за трапезой со скорбію воспоминали о Ней, Она вдругъ явилась имъ и сказала: „Я—съ вами до скончанія вѣка“, т. е. повторила тѣже слова, которыя сказалъ Іисусъ Христосъ послѣ воскресенія Своимъ ученикамъ. Святые апостолы открыли гробъ Ея и не обрѣли тамъ ея пречистаго тѣла: Она была воскрешена Господомъ и переселена на небо въ міръ ангельскій. Съ тѣхъ поръ Она вѣчно ходатайствуетъ за грѣшный родъ человѣческій и посылаетъ намъ свою помощь; такъ Она вездѣ съ нами.. Вотъ краткія свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ жизни и кончинѣ Богоматери. Будемъ, братіе, чаще вспоминать о семъ для нашего назиданія, чтобы, живя на землѣ добродѣтельно, готовиться къ жизни будущей. Вмѣстѣ съ тѣмъ будемъ молить Бога, чтобы Онъ, по милосердію Своему, и насъ удостоилъ блаженной кончины и общенія съ Нимъ и Его Матерію въ будущей жизни“.

И здѣсь проповѣдь Владыки была выслушана съ большимъ интересомъ и вниманіемъ. Окончивъ проповѣдь, Владыка преподавъ всѣмъ благословеніе и, простившись съ присутствовавшими, направился къ выходу; но шествіе его было очень затруднительно, такъ какъ всѣ наперерывъ спѣшили взять у него благословеніе. Изъ церкви Владыка по приглашенію церковнаго старосты А. В. Шнуркова заѣхалъ въ его домъ, гдѣ былъ радушно встрѣченъ и принятъ хозяевами. Здѣсь Владыка изволилъ пить чай, но долго оставаться не могъ въ виду того, что наступалъ вечеръ, а предстояло обозрѣть еще—двѣ церкви. Послѣ чая и любезной бесѣды съ хозяевами Владыка отправился во Всѣхсвятую-Кладбищенскую церковь. Когда прибылъ Владыка къ Всѣхсвятской церкви, былъ уже вечеръ и стояла сырая холодная погода, почему многіе изъ ожидавшихъ архіерейскаго пріѣзда разошлись; однако и здѣсь церковь наполнилась собравшимися горожанами. Послѣ обычной встрѣчи причтомъ и церковнымъ старостомъ и послѣ краткаго молебна съ многолѣтіемъ, Владыка пригласилъ одного изъ мальчиковъ рассказать исторію Успенія

Богоматери. Послѣ сего онъ обратился къ народу приблизительно съ такою проповѣдью:

„Празднуя нынѣ святое Успеніе Пресвятой Матери Божіей т. е. Ея блаженную кончину, естественно, намъ подумать о своей собственной кончинѣ. И вотъ я желаю вамъ, братіе, блаженной, христіанской кончины, потому что такая кончина есть великое счастье для человѣка. Здѣсь на землѣ нужно различать двѣ кончины: одна христіанская, мирная, другая кончина грѣшника. Въ житіяхъ святыхъ описаны эти два рода смерти—праведника и грѣшника, одна блаженная, радостная, другая страшная, лютая.

Благочестивый и добрый христіанинъ не боится смерти, но всегда помнить о ней и не обижается, когда другіе говорятъ ему о ней. Чувствуя приближеніе смерти, онъ спокойно, безъ страха, далаетъ распоряженія, часто пріобщается, соборуется, приглашаетъ къ себѣ знакомыхъ и бесѣдуетъ съ ними о предстоящей смерти, благословляетъ дѣтей, успокоиваетъ родныхъ, чтобы не скорбѣли. Бываютъ примѣры, что больной самъ готовитъ все нужное къ смерти (одѣяніе и др.) и дѣлаетъ распоряженіе о погребеніи. Предъ смертію помолвившись, онъ уже начинаетъ видѣть духовный міръ, его окружаютъ св. ангелы, и онъ спокойно, съ святою улыбкою наустахъ, переходитъ въ загробный міръ.

Совершенно иначе умираетъ грѣшникъ. Находясь въ болѣзни, онъ старается отдалять отъ себя мысль о смерти, боится приглашать священника и съ ненавистію относится къ тѣмъ, которые бы посоветовали ему это. Когда же наступаетъ страшный часъ смерти, онъ начинаетъ трепетать, предчувствуя свой судъ и осужденіе; его окружаютъ демоны, они летаютъ вокругъ него; отъ нихъ онъ приходитъ въ ужасъ и въ болыномъ страхѣ, нерѣдко съ скрежетомъ зубовъ, умираетъ! Тяжелъ переходъ грѣшника въ міръ загробный! Поэтому православные христіане молятся за умершихъ Господу Богу, и эти молитвы не напрасны: они много помогаютъ имъ. Въ житіяхъ святыхъ можно найти много примѣровъ, когда усердныя молитвы объ усопшихъ, особенно совершеніе заупокойныхъ литургій, приносятъ имъ болышую пользу и облегчали ихъ загробную участь настолько, что умершіе грѣшники изъ состоянія мученія переходили въ предначатіе блаженства.

Въ заключеніе помолимся и мы братіе о погребенныхъ на семъ кладбищѣ и за всѣхъ умершихъ“.

Послѣ этого по предложенію Владыки хоръ, духовенство и присутствовавшіе въ церкви пропѣли „со святыми упокой“. Затѣмъ Владыка простился, преподать всѣмъ общее благословеніе и отбылъ изъ церкви.

Отсюда Владыка посѣтилъ квартиру настоятеля Троицкой церкви и мѣстнаго благочиннаго о. М. Пономарева; при входѣ въ домъ Владыку встрѣтили съ хлѣбомъ—солью жена, дѣти и родственники о. благочиннаго. По входѣ въ домъ Владыко изволилъ одѣлать крестиками всѣхъ бывшихъ здѣсь дѣтей—о. благочиннаго и его родственниковъ. Затѣмъ Владыка пилъ чай и, послѣ недолгаго пребыванія здѣсь, отправился далѣе—для обзорѣнія четвертой церкви, что при станціи „Славянскъ“, въ 3¹/₂ верстахъ отъ города.

Не смотря на позднее время, въ Александро-Невской церкви при станціи „Славянскъ“ собралось много служащихъ и рабочихъ на желѣзной дорогѣ и жителей поселка.

Послѣ обычной встрѣчи и краткаго молебна, Владыка изволилъ тщательно осмотрѣть всю церковь и особенно новоустроенный сѣверный придѣлъ. Владыка остался доволенъ осмотромъ, хвалилъ произведенное расширеніе церкви устройствомъ придѣловъ, такъ какъ черезъ это образовался очень помѣстительный храмъ. Засимъ Владыка произнесъ слѣдующую проповѣдь:

„Нынѣ цѣлый день я прославлялъ Матерь Божию въ честь Ея Успенія; въ каждомъ храмѣ вашего града хотя нѣсколько словъ я сказалъ въ память Ея. Тоже хочу я сдѣлать и у васъ.

Приведу слова Господа Іисуса Христа: „Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка“. Слова эти, сказанныя Іисусомъ Христомъ послѣ Своего воскресенія апостоламъ и другимъ вѣрующимъ въ Него, относятся къ намъ и ко всѣмъ христіанамъ. Они означаютъ, что Христосъ Господь всегда пребудетъ съ нами и здѣсь на землѣ, и въ будущей жизни. Но вотъ что замѣчательно: когда на третій день послѣ блаженной кончины Богоматери апостолы, по просьбѣ апостола Фомы, открыли Ея гробъ, то тѣла Ея тамъ не оказалось. Это привело ихъ въ большой страхъ, они подозрѣвали, не похитилъ ли кто Ея тѣла. Въ этотъ день вечеромъ апостолы собрались на вечернюю трапезу, за которой мѣсто Богоматери, по обыновенію, оставалось свободнымъ. Когда они бесѣдовали и съ сокрушеніемъ сердца разсуждали о томъ, что не обрѣли Ея тѣла,—Она вдругъ явилась въ воздухѣ; для нихъ стало ясно, что Сынъ Вошій Іисусъ Христосъ воскресилъ

Ее изъ мертвыхъ и переселилъ на небо, при этомъ Она сказала апостоламъ тѣже слова, какія сказалъ Иисусъ Христосъ: „Я пребуду съ вами во всѣ дни“. Какъ же обрѣтается Она съ нами? Въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ Она называется „Заступница“, „Ходатаица“, „Покровъ“. Это показываетъ, что Она невидимо находится съ вѣрующими и, когда нужно, являетъ имъ свою многоразличную помощь. Во время своей земной жизни Матерь Божія испытывала многія скорби; страдала душой при видѣ мученій и крестной смерти Своего Божественнаго Сына. Поэтому, когда намъ приходится испытывать разныя житейскія скорби и нужды, Она является намъ Помощницей и Заступницей. Когда мы становимся на молитву предъ Ея иконою, Она слышитъ насъ и ходатайствуетъ за насъ предъ Богомъ. Многочисленные чудеса и чудотворныя иконы Божіей Матери служатъ тому доказательствомъ. И замѣчательно, что нѣтъ больше чудотворныхъ иконъ, какъ въ честь Пресвятой Богородицы. Не видѣмъ ли здѣсь очевидное исполненіе отрадныхъ словъ Ея, что Она всегда пребудетъ съ нами?

Но всѣмъ ли людямъ Матерь Божія являетъ Свою помощь? Конечно, Она готова помочь всѣмъ обращающимся къ Ней съ вѣрою, всѣмъ благочестивымъ и добрымъ христіанамъ. А если инымъ не помогаетъ, то причина сего лежитъ въ нихъ самихъ, въ недостаткѣ ихъ вѣры и благочестія. А потому, чтобы быть достойными Ея помощи, нужно быть твердо вѣрующими, трудолюбивыми, нравственными, добрыми“.

Это была уже четвертая проповѣдь Владыки въ этотъ день. Не смотря на это, она была произнесена, какъ всегда, съ живостию и воодушевленіемъ, что отражалось на слушателяхъ, съ большимъ вниманіемъ и интересомъ слушавшихъ ее. Окончивъ проповѣдь и освѣняя народъ благословеніемъ, Владыка вышелъ изъ церкви, сопровождаемый духовенствомъ и народомъ. Эту церковь, въ началѣ 19-го часа вечера, закончилось обрѣніе Славянскихъ церквей, которое надолго должно остаться памятнымъ для жителей города Славянска, — памятнымъ по его торжественности, простотѣ и наглядательнымъ проповѣдьямъ Владыки, сказаннымъ въ каждой церкви; по внимательному, благовѣдательному и отеческому отношенію его къ народу и, вообще, по такому духовному утѣшенію, которое доставляетъ православному русскому народу архіерейское богослуженіе и бесѣда.

Изъ церкви Владыка извоилъ (заходить) въ квартиру церковнаго старосты В. С. Голосяка, гдѣ ему предложена была закуска.

Пробывъ здѣсь около получала, Владыка переѣхалъ въ свой вагонъ, здѣсь ожидавшій его возвращенія, на отдыхъ послѣ очень продолжительнаго и тяжелаго труда въ теченіе всего дня. Во второмъ часу ночи вагонъ Владыки былъ прицѣпленъ къ ростовскому поѣзду для обратнаго слѣдованія на Харьковъ.

16-го августа, въ 10-мъ часу утра, поѣздъ, съ которымъ слѣдовалъ Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній остановился прямо противъ церкви Спасскаго монастыря, что на мѣстѣ крушенія царскаго поѣзда, близъ станціи „Ворки“. При выходѣ изъ вагона Владыка былъ встрѣченъ настоятелемъ этого монастыря игуменомъ Родіономъ съ братіей и въ сопровожденіи монашествующихъ и своей свиты прошелъ въ настоятельскіе покои. Побесѣдовавъ съ игуменомъ, Владыка сдѣлалъ распоряженія относительно предстоящихъ въ этотъ день богослуженій и крестнаго хода—по случаю храмоваго праздника главнаго монастырскаго храма и открытія здѣсь, согласно указу Св. Синода, на мѣсто Скита, Спасскаго монастыря—и затѣмъ, спустя полчаса, въ мантии, провожаемый со слагою, прошелъ въ храмъ. Какъ только Владыка преподалъ благословеніе стоявшимъ въ храмѣ и прошелъ въ алтарь, тотъ-часъ началось служеніе литургіи, которую совершалъ Святогорскій архимандритъ о. Вассіанъ въ сослуженіи съ настоятелемъ Спасскаго монастыря игуменомъ Родіономъ, протоіереемъ о. Василиемъ Добровольскимъ и четырьмя іеромонахами съ протоіакономъ В. Верблицемъ. Пѣлъ небольшой, но стройный хоръ монастырскихъ пѣвчихъ. Владыка слушалъ литургію, находясь въ алтарѣ. Послѣ пѣнія причастнаго стиха, Владыка въ полномъ облаченіи, вышелъ на солею и произнесъ глубоконазидательное и прочувствованное слово о праздникѣ въ честь Нерукотвореннаго Образа Христа Спасителя и о важности и значеніи этого праздника. Оно напечатано въ нашемъ журналѣ. По окончаніи литургіи, въ предшествіи служившихъ литургію, а также о. ректора семинаріи и ключаря кафедральнаго собора, послѣдовалъ выходъ Владыки на середину храма для служенія молебна. На солеѣ Владыка остановился, обращаясь къ игумену и братіи монастыря, оказалъ приблизительно слѣдующее: „Поздравляю Васъ, братія, съ вашимъ храмовымъ праздникомъ, а также и съ обращеніемъ вашей обители въ самостоятельный общезнаменитый монастырь! Отнынѣ вашъ свѣтъ, доселѣ бывший отдѣленіемъ Святогорскаго монастыря, преобразованъ и возвышенъ въ самостоятельную обитель. Это преобразование и возвышеніе имѣеть

очень важное значеніе: отнынѣ вамъ предоставляется самимъ, безъ посторонняго попеченія, развиваться и устроиться во внѣшнихъ условіяхъ своей жизни, а главное—развиваться и преуспѣвать во внутренней жизни, въ иноческихъ добродѣтеляхъ. Я потому и присоединяю къ внѣшнему богослуженію особыя молитвы, чтобы помолиться Господу, о новомъ монастырѣ,—чтобы благодать Божія и покровъ и заступленіе Божіей Матери всегда были съ нимъ. Вы и прежде заявили себя добрымъ религіознымъ вліяніемъ на окружающее населеніе. Старайтесь же, чтобы и впредь это вліяніе ваше возрастало и расширялось,—чтобы въ вашей обители и вашихъ храмахъ находилъ себѣ духовное утѣшеніе, отраду и успокоеніе всякій притекающій съ молитвой къ Господу Богу и Его Пречистой Матери.—Въ благословеніе вашей обители даю вамъ отъ себя этотъ святой образъ“.

При этихъ словахъ Владыка передалъ настоятелю монастыря образъ Перукотвореннаго Снаса въ серебрянной ризѣ и кіотѣ въ собственноручной подписью на оборотной сторонѣ.

Затѣмъ начался молебенъ, по окончаніи котораго совершенъ былъ крестный ходъ вокругъ монастырскаго храма. На каждой изъ четырехъ сторонъ храма были остановки, протодіакономъ произносились литійныя прошенія, пѣвчіе пѣли „Господи помилуй“ 40, 30, 50 и 3 раза, а Владыка окроплялъ храмъ и народъ Святою водою.

По возвращеніи въ церковь, протодіакономъ были возглаголены положенныя многолѣтія. По окончаніи всего богослуженія Владыка со славою: прослѣдовалъ въ настоятельскіе покои. Этимъ, около 2 часовъ дня, закончилось торжество храмоваго праздника и открытія самостоятельнаго монастыря въ бывшемъ Спасовомъ Скиту, а нынѣ Спасскомъ монастырѣ; что на мѣстѣ крушенія царскаго поѣзда, близъ станціи „Борки“.

Послѣ обѣда и небольшого отдыха, Владыка осматрѣлъ въ монастырѣ новостроющееся зданіе для гостиницы, школы и иконной и книжной лавки и посетилъ часовню у желѣзнодорожной насыпи, на мѣстѣ крушенія царскаго поѣзда въ 1888 году. Здѣсь по желанію Владыки была пропѣта краткая заупокойная литія съ провозглашеніемъ „вѣчной памяти“ Государю Императору Александру III. Въ 5 часовъ 47 минутъ вечера въ платформѣ, что у часовни, подошелъ желѣзнодорожный поѣздъ, и Владыка со своею свитою отбылъ въ г. Харьковъ, куда и прибылъ благополучно въ 7 часовъ 20 минутъ вечера. На Харьковскомъ вокзалѣ

Владыка былъ встрѣченъ экономомъ архіерейскаго дома о. архимандритомъ Іосифомъ, благочиннымъ протоіеремъ о. П. Полтавцевымъ, архіерейскимъ секретаремъ В. Смирнскимъ и др. Черезъ парадныя комнаты вокзала Владыка прослѣдовалъ къ выходу и, простившись съ сопровождавшими его въ поѣздѣ лицами, отбылъ въ своёмъ экипажѣ на дачу „Всѣхсвятское“.

Такъ совершалась описанная поѣздка Его Высокопреосвященства въ епархію, — поѣздка непродолжительная по времени, но многосодержательная и весьма благотворная для мѣстъ, посѣщенныхъ Владыкою. Глубокое и доброе впечатлѣніе долго будетъ сохраняться у тѣхъ, кому пришлось видѣть служеніе и слышать слово назиданія Владыки при его служеніяхъ!

Прот. І. Гончаревскій.

Пятидесятилѣтній юбилей священства настоятеля Николаевской церкви села Григоровки, Харьк. губ. и уѣзда, протоіеря М. Соколовекаго.

По случаю исполнившагося пятидесятилѣтія въ санѣ священника, настоятеля Николаевской церкви села Григоровки, Харьковскаго уѣзда, протоіеря о. Михаила Соколовскаго, мѣстный благочинный входилъ къ Высокопреосвященному Арсею Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому, рапортомъ о дозволеніи в разрѣшеніи почтить юбиляра пріятнымъ празднествомъ 9 мая сего 1906 года, что и разрѣшено Его Высокопреосвященствомъ.

По этому случаю духовенство 2-го округа Харьковскаго уѣзда прибыло въ село Григоровку въ означенный день къ концу литургіи совершаемой о. юбиляромъ, совместно съ двумя священниками. Храмъ былъ переполненъ молящимися. Послѣ отпуста, мѣстный благочинный, священникъ Александръ Вертеловскій, прочелъ указъ Консвсторіи о разрѣшеніи празднованія, а затѣмъ, обратившись къ юбиляру, стоявшему на софитѣ, прочелъ адресъ священнослужителей слѣдующаго содержания:

„Ваше Высокопреподобіе, Досточтимый Отецъ протоіерей Михаилъ Васильевичъ!

Уже семьдесятъ слѣшкомъ лѣтъ Вы служите Господу Богу, какъ христіанинъ и пятьдесятъ лѣтъ служите Ему, какъ пастырь Церкви и дѣятель на различныхъ должностяхъ въ нашей Харьковской Епархіи и въ частности во второмъ благочинническомъ округѣ Харьковскаго уѣзда. Посему мы, священнослужители сего втораго округа, считаемъ своимъ священнымъ долгомъ достойно почтить и

привѣтствовать съ исполнившимся 50 лѣтіемъ служенія Вашего въ священномъ санѣ.

Благословенъ Господь Богъ, даровавшій Вамъ крѣпость и силу, твердо и непреткновенно пройти въ теченіе полувѣка это длинное и многотрудное поприще служенія пастырскаго!

Всѣ пятьдесятъ лѣтъ служенія своего Вы провели црв. семь святомъ храмѣ, въ которомъ и донынѣ возносите святыя молитвы, и который за Ваше здѣсь служеніе приведенъ въ такой благолѣпный видъ. Своей пастырѣ, Вы, достоуважаемый отецъ протоіерей, посвятивши и отдали всѣ лучшіе годы жизни, всѣ свои силы, ибо начали здѣсь служеніе свое предъ престоломъ Божиимъ мужемъ полнымъ цвѣтущаго здоровья и бодрыхъ силъ, а нынѣ предстоите предъ Господомъ старцемъ, убѣленнымъ сѣдинами. Вы, какъ вѣрный воинъ Христовъ, цѣлыя полувѣка беззмѣнно провели на одномъ посту, въ семь приходѣ, не перемѣняя его на болѣе лучшіе, какъ удовлетворяющіе человѣческому самолюбію. Нѣсколько невольнѣй прошло предъ Вами, много добраго сѣмени Вы посеяли въ сердцахъ ихъ, талантливо проповѣдывая съ церковной кафедры и законоучительствуя въ нѣсколькихъ мѣстныхъ школахъ Вашего прихода. Такою ревностью и заботливостью о приходѣ Вы по достоинству снискали къ себѣ благорасположеніе и любовь своей пастырѣ, выраженный въ свое время, поднесеніемъ Вамъ драгоценнаго наперснаго креста отъ прихожанъ.

Но много Вы потрудились, досточтимый отецъ протоіерей, и на другихъ должностяхъ, непрерывно занимаемыхъ Вами въ продолженіе всего полувѣкового періода времени. За это время Вами занимаемы были слѣдующія должности: помощника Благочиннаго 2-го округа Харьковскаго уѣзда, члена Правленія Харьковскаго Духовнаго училища, депутата нашего округа, уполномоченнаго на Епархіальныхъ сѣздахъ члена Благоченническаго Совѣта и цензора проповѣдей окружнаго духовенства.

Уже одно перечисленіе свѣхъ должностей, занимаемыхъ Вами, красворѣчиво говоритъ о Вашей разносторонней и многоплодной дѣятельности, за каковую Вы по справедливости удостоились многочисленныхъ знаменъ отличія и наградъ, начиная отъ первой награды для священнослужителя—скромнаго набедренника и оканчивая орденомъ Святаго Владиміра 4-й степени, пожалованнаго Вамъ Его Величествомъ. Что же касается отношеній Вашихъ къ вамъ, священнослужителямъ округа, то они всегда проливнуты были добросердечностью и снисходительностью. Служебныя права

и преимущественно никогда не давали пищи гордости и самомнѣнію; напротивъ, основнымъ правиломъ всей вашей дѣятельности, всегда служили и служатъ кротость и смиреніе. Эти прекрасныя черты Вашего характера преимущественно влекутъ къ Вамъ насъ и всѣхъ знающихъ Васъ. Вы обладаете рѣдкимъ дарованіемъ, вездѣ и со всѣми „миръ имѣть“. По должности члена Благочинническаго Совѣта, Вы, достоуважаемый отецъ протоіерей, при всѣхъ недоразумѣніяхъ между членами причтовъ, старались устанавливать миръ, примирять враждующихъ. Такими счастливыми дарованіями обладаютъ не всѣ, такая сложная и въ то же время успѣшная дѣятельность выпадаетъ на долю далеко не каждаго общественнаго дѣятеля. Мы не въ силахъ по достоинству оцѣнить всѣ понесенныя Вами многочисленныя труды, но, движимые къ Вамъ исключительно глубокимъ уваженіемъ и любовью, искренно благодаримъ Васъ за все, земно Вамъ кланяемся и просимъ Васъ досточтимый отецъ протоіерей въ знакъ преданности нашей, примите отъ насъ на молитвенную память сей святой Образъ тезоименитаго Вамъ Святаго Архистратига Михаила, который своими молитвами и заступничествомъ передъ Господомъ Богомъ, да оградитъ Васъ и да поддержитъ Ваши силы на многіе и многіе годы, для утѣшенія насомымъ Вашимъ, для назиданія намъ, меньшимъ собратіямъ Вашимъ, и для служенія Святой церкви Христовой*.

Принявъ изъ рукъ священника Дмитрія Сукачева образъ Архистратига Михаила, облобызавъ и передавъ его въ алтарь, юбиляръ взволнованнымъ голосомъ сказалъ:

„Высокочтимые отцы! Отъ всей души приношу вамъ благодарность за честь, которую вы мнѣ оказываете, по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія моей настырской службы, за ваши добрыя чувства, выражаемая моему недостоинству и за Ваше святое подношеніе. Не смѣю сомнѣваться въ Вашей искренности, но и не смѣю думать, что это должная дань мовимъ какимъ либо достоинствамъ и заслугамъ: принимаю это, какъ вашу милость, мною незаслуженную. Вы выражаете похвалу моей старости и долготѣнному служенію. Правда, что немногимъ изъ нашихъ собратій достается въ удѣлъ столь продолжительное служеніе; изъ моихъ пятидесяти товарищей, съ которыми я окончилъ курсъ семинаріи, осталось въ живыхъ не болѣе трехъ человѣкъ; но Премудрый говоритъ: старость честна не многолѣтняя, возрастъ старости житіе нескверное; стало быть, старость поставляется не въ количествѣ лѣтъ, а въ доброй, благочестивой и богоугодной жизни; я же, огля-

дываясь на мое прошлое, могу только сказать словами св. Апостола Павла: ни о чемъ же похваляюсь только о немощахъ моихъ; много я прожилъ, во много встрѣчалъ въ жизни преткновеній, соблазновъ, вокушеній, противъ которыхъ, какъ человекъ, не всегда могъ устоять, вопреки моимъ не только пастырскимъ, но и христіанскимъ обязанностямъ; благодарю Господа, благодарющаго мнѣ, что Онъ человеколюбиво о мнѣ и не поустыня погрязнуть мнѣ въ тѣхъ житейскихъ тревоженіяхъ; слово Божіе говоритъ: Господь не хочетъ смерти грѣшника, но еже обратится и живу быти ему; глубоко вѣрю, что если Господь судилъ мнѣ дожить до настоящаго времени, то единственно по своему человеколюбію и милосердію, ожидая моего покаянія и исправленія; да будетъ имя Господне благословенно. Высокочтимые отцы! съ величайшею радостію приѣмлю ваше святое подношеніе—образъ Св. Архистратва Михаила, съ благоговѣніемъ лобызаю его, отъ всей души благодарю; да будетъ образъ сей залогомъ нашего единенія в любви; считаю соею священною обязанностію молиться у сего образа о себѣ и о васъ, моихъ собратіяхъ, да даруетъ пастырсконачальникъ нашъ Господь Іисусъ Христосъ проходить намъ не легкий путь нашего спасенія непреткновенно, не соблазнено, не постыдно, во славу Божію и душевную пользу нашихъ пасомыхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ прошу и вашихъ святыхъ молитвъ у престола Божія, да даруетъ мнѣ Господь Богъ не постыдно завершить воприще пастырскаго моего служенія и да подастъ мнѣ непостыдную и мирную кончину; еще разъ сердечно благодарю васъ за все и дѣлаю вамъ земной поклонъ“.

За сямъ церковный староста г. Алексѣевъ, обратившись къ юбиляру, прочелъ адресъ, отъ лица прихожанъ слѣдующаго содержанія: „Глубокоуважаемый отецъ Михаилъ! Сегодня, вмѣстѣ съ храмовымъ празднякомъ во имя Святителя Николая, Мирликійскаго Чудотворца, мы, прихожане Григоровской Николаевской церкви, празднуемъ исполнившійся 50-ти лѣтній юбилей священнослуженія Вашего въ этомъ храмѣ. Много силъ, труда и здоровья положено Вами во время служенія въ этомъ приходѣ на благо духовныхъ чадъ Вашихъ, за что мы, собравшіеся, считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ выразить Вамъ свою искреннюю и глубокую благодарность. Общительный, готовый, всегда подѣляться со всякимъ изъ насъ своимъ мыслями и чувствами, радостями и печалами, Вы, отецъ Михаилъ, съ первыхъ дней служенія и по сіе время остаетесь пастыремъ добрымъ и вѣрнымъ своему долгу.

За время долголѣтняго служенія здѣсь, Вамъ вмѣстѣ съ Вашими прихожанами, довелось пережить два великихъ историческихъ момента: въ 1861 г.—освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, а нынѣ начало устроенія живаго народнои, при участіи его достойныхъ избранниковъ. Чуткій сердцемъ, Вы поняли, что освобожденному отъ рабства темному народу прежде всего необходимо просвѣщеніе и, придавая этому громадное значеніе, Вы въ это переходное время—отъ крѣпостничества до современныхъ дней, положили не мало труда на насажденіе грамотности въ приходѣ, начавъ обученіе дѣтей въ первые годы служенія, за неимѣніемъ школы, въ собственной квартирѣ, в продолжая его затѣмъ въ мѣстной фабричной и церковно-приходской школахъ. Считаеиъ долгоиъ отмѣтить также Ваши неустанныя попеченія о благолѣпін этого св. храма, расширеннаго и украшеннаго, главнымъ образомъ, Вашими заботами. Не только мы, чада Ваши, знаемъ Васъ, глубокоуважаемый О. Михайлъ, за дѣятеля усерднаго в гуманнаго, но в Епархіальное вѣдомство отмѣтило Васъ таковыиъ, своимъ избраніемъ въ депутата, слѣдователя, помощника благочиннаго и т. п., каковыя исполняя обязанности, Вы свискали себѣ доброе имя и добрую славу.

Честь и слава Вамъ, дорогой пастырь, наставникъ и труженникъ на нивѣ Божіей и нивѣ народнои. Да сохранятъ Васъ Господь молитвами Св. Николая, Мврлнкійскаго Чудотворца, и да поддержитъ Ваши силы на многія лѣта на благо признательныхъ духовныхъ чадъ Вашихъ“.

По окончаніи чтенія адреса, прихожане поднесли образъ Св. Николая, Св. Библию, служебникъ, посохъ и камилавку, причеиъ юбиляръ сказалъ слѣдующую рѣчь: „Возлюбленныя мои духовныя чада! Я не знаю, какъ благодарить Васъ за Ваши добрыя благородныя чувства, выражаемыя мнѣ, по случаю исполнившася пятидесятилѣтія моеи у васъ пастырской службы, за ваше чествованіе меня и ваши любовно лестныя для меня подношенія. Быть можетъ, было бы лучше, въ моемъ смреніи и сознаніи своихъ недостойнствъ, уклониться мнѣ отъ этого чествованія и отсрѣтато празднованія моего исполнившася пятидесятилѣтняго пастырскаго служенія у васъ. Быть можетъ, на ваши превозношенія моихъ качествъ, какъ человека и священнослужителя, было бы лучше стѣбгнать рѣшительнымъ словомъ—я не заслужилъ этого; такъ я и хотѣлъ было сдѣлать, этимъ,—признаюсь в объясняется нѣкоторая запоздалость празднованія пятидесятилѣтняго

моего пастырскаго служенія, исполнявшася значительно ранѣе (6 ноября 1905 г.). Но подумавъ, я рѣшилъ, что не хорошо и нельзя намъ, а пастырямъ особливо, на все смотрѣть по своему и видѣть только свои удобства или неудобства и т. п. Нынѣ же я двадцатирицею вознаграждаюсь за свою рѣшимость на открытое празднованіе моего пятидесятилѣтняго служенія, пусть это празднованіе и чествованіе незаслужено мною. Но какъ отрадно и отрадно не мнѣ одному, а всѣмъ собравшимся здѣсь видѣть васъ, моихъ добрыхъ прихожанъ, признательныхъ моихъ духовныхъ чадъ, съ столь свѣтлыми, радостными, праздничными и высокими чувствами любви и признательности, очами. Простите, если я уклонюсь на минуту отъ предмета моей рѣчи; мнѣ вспоминаются здѣсь, въ данный моментъ, золотыя слова одного изъ лучшихъ и горячо вѣровавшихъ нашихъ писателей, Феодора Михайловича Достоевскаго: «Мы на землѣ недолго, мы дѣлаемъ много дѣлъ дурныхъ и говоримъ много словъ дурныхъ, а потому будемъ же всѣ ловить удобную минуту совѣстнаго общенія нашего, чтобы сказать другъ другу и хорошее слово». Вы благодарите меня за мои добрыя пастырскія дѣйствія, а сегодня я долженъ еще болѣе быть благодарнымъ вамъ и признательнымъ за дѣлаемое вами такъ поучительно, возвышенно и благородно напоминаніе мнѣ, что на склонѣ дней моихъ я особенно долженъ постараться оправдать ваши добрыя чувства ко мнѣ, любовь и расположеніе. И повѣрьте, что, если старые люди умѣютъ цѣнить свѣтлые, теплые, солнечные и погодные дни, то еще больше они умѣютъ и способны цѣнить, замѣчаемая ими добрыя, свѣтлыя чувства и расположенія. Мнѣ хочется сказать еще нѣчто въ заслуженную вами похвалу: позабывъ немощи мои и недочеты по службѣ у васъ, вы сегодня высказываете мнѣ лишь одни одобренія и признательность вашу ко мнѣ; изъ этого я убѣждаюсь, что вы, какъ истинные христіане, не хотите помнить зла, а желаете помнить одно лишь добро; что вы въ то же время помните великую истину, что похвала живительнѣе порицанія, что слово благодарности живительнѣе слова укоризны; такъ нѣкогда и Великій Императоръ св. Константинъ сказалъ, что, если бы онъ случайно увидѣлъ вващаго въ грѣхъ священника, то прикрылъ бы его своею императорскою мантиею; все это дѣлаетъ и вамъ великую честь. Закончу мое слабое слово къ вамъ словами св. Апостола Павла, который всегда радовался о неослабѣвающей вѣрѣ духовныхъ чадъ своихъ: „посему и я, услышавъ о вашей вѣрѣ во

Христа Иисуса и любви ко всемъ святымъ, непрестанно благодарю за васъ Бога, вспоминая о васъ въ молитвахъ своихъ.

За симъ приношу вамъ, мой возлюбленный духовный чада, сердечную благодарность за ваши любвеобильныя, лестныя для меня подношенія—Св. Библию, посохъ и камвлавку; Св. Библия—лучшая изъ книгъ, потому, что она указываетъ намъ путь къ вѣчно-блаженной жизни; ею я назидался и васъ назидаль и буду назидаться и васъ назидать; подносимый вами посохъ, какъ символъ пастырства, будетъ служить мнѣ постояннымъ напоминаніемъ и побужденіемъ къ неуклонному исполненію моихъ пастырскихъ обязанностей у васъ до послѣднихъ дней моего служенія; вы украшаете мою сѣдую голову камвлавкой,—да украситъ Господь и ваши головы премудростію и разумомъ, во еже разумѣти и творити волю Его благоугодну и совершенну, да преспѣвая возрастомъ и сѣдинами старости, подвизаясь въ богоугодной, христіанской жизни, достигая въ мѣру возраста исполненія Христова, достигнете вѣчно-блаженной, никогда нестарѣющей жизни“.

Вслѣдъ за этимъ, однимъ изъ прихожанъ, жителемъ хутора Ледного, былъ поднесенъ образъ св. Архистратва Михаила и высказана была благодарность юбиляру за благоустроеніе церковной школы, находящейся въ означенномъ хуторѣ, юбиляръ же сказалъ: Возлюбленный мой духовный чада! Сердечно благодарю васъ за ваше подношеніе сего святого образа, за ваше привѣтствіе и за выраженныя вами добрыя чувства ко мнѣ. Прослуживъ у Васъ болѣе пятидесяти лѣтъ, я всегда пользовался вашимъ вниманіемъ, уваженіемъ, расположеніемъ и любовію, чѣмъ всегда сердечно утѣшался; нынѣ же вы еще болѣе утѣшаете меня явнымъ выраженіемъ своего ко мнѣ расположенія въ поднесеніи сего св. образа; считаю своею священною, пастырскою обязанностию молиться у сего образа, да даруетъ намъ Господь благоденственное и мирное житіе, здравіе и спасеніе и во всемъ благое посильшеніе, а главное да направляетъ Онъ васъ на путь къ достиженію вѣчно-блаженной жизни.

Прослуживъ у васъ болѣе пятидесяти лѣтъ я, конечно, не всемъ и не всегда могъ угодить; если въ семьѣ глава семьи не всегда можетъ угождать всемъ членамъ семьи, то тѣмъ болѣе въ такой громадной семьѣ, какъ приходъ, неизбежны столкновенія, недоразумѣнія, пререканія и другія непріятности; недовольныхъ за что либо мною, прошу простить мнѣ и покрыть своею любовію мои недочеты по службѣ и прегрѣшеніямъ. Съ величайшею радостію

пріемлю отъ васъ подносимый вамъ сей св. Образъ; съ благоговѣніемъ его лобызаю и отъ всей души благодарю васъ*.

За свмь, учительница Леднянской церковной школы поднесла отъ себя и дѣтей на блюди хлѣбъ—соль. По окончаніи молебна, отсуженнаго соборне, послѣ обычныхъ многолѣтій, было провозглашено многолѣтіе маствутому юбиляру, прслужившему съ честію и славою пятьдесятъ лѣтъ въ одномъ и томъ же селѣ и при этой святой церкви. Нужно было видѣть все происходившее, чтобы понять и то чувство радости юбиляра, которое приходится въ жизни на долю очень и очень немногихъ избранныхъ и тѣ слезы, которыя лились изъ старческихъ глазъ юбиляра, какъ слезы благодаренія Творцу за прожитое и переживаемыя минуты...

По окончаніи всего, почитателя отиравшись въ домъ къ глубоко-чтимуому юбиляру и соединившись всѣ въ одну семью—и духовные и свѣтскіе, приняли радушно предложенную трапезу, во время которой были прочтены прѣвѣтствія отсутствовавшихъ священнослужителей округа, и всѣ провели весь день въ радости и веселіи сердца.

Благочинный церковей 2-го округа Харьковскаго уѣзда,

Священникъ Александръ Вертеловскій.

Памяти священника П. Н. Луценкова.

Текущаго года, марта 31-го дня, въ 8 час. вечера, тихо скончался отъ порока сердца священникъ Павелъ Николаевичъ Луценковъ, на 58 году отъ рожденія. Усопшій—сынъ священника Георгіевской церкви города Лебедина, бывшій воспитанникъ Харьковской духовной семинаріи, въ которой окончилъ курсъ въ 1870 году. Въ Бозѣ почившимъ Архіепископомъ Нектаріемъ онъ былъ рукоположенъ во священника къ Архангело-Михайловской церкви зашт. города Бѣлополя, Сумскаго уѣзда, въ каковомъ городѣ Господь указалъ ему и подругу жизни въ лицѣ дочери священника Надежды Васильевны Квитуницкой. Эта подруга жизни не пользовалась здоровьемъ, почему, не проживъ почти десятка лѣтъ, скончалась отъ чахотки въ селѣ Степановкѣ, Сумскаго уѣзда, оставивъ на рукахъ молодого супруга двухъ малолѣтнихъ сыновей, изъ коихъ второй былъ одного года отъ рожденія и притомъ очень болѣзненный. Такимъ образомъ, усопшій о. Луценковъ свыше 20 л. оставался вдовымъ, лично заботясь о дѣтихъ съ ихъ малолѣтства. Много было усопшему отеческихъ заботъ и скорбей при такомъ семейномъ его положеніи. Но скорби эти въ

дальнѣйшей жизни усугубилась тѣмъ, что ни одинъ изъ вскормлен-
ныхъ имъ сыновей не окончилъ курса семинаріи и всѣ отеческія
заботы и затраты не имѣли пріятнаго результата.

Кромѣ того и въ служебномъ отношеніи усопшему было много
напріятностей и неудачъ, что было поводомъ въ частымъ его пере-
ходамъ съ одного мѣста на другое. Какъ видно изъ формуляра,
покойный много заботился о благоуукрашеніи храмовъ, при кото-
рыхъ священствовалъ, ревностно и съ пользою проходилъ службу,
состоялъ законоучителемъ въ народныхъ школахъ и особенно тру-
дился по сбору пожертвованій въ Русско-Турецкую войну, въ
память которой имѣлъ знакъ Краснаго Креста. Особыхъ наградъ
по епархіальномъ вѣдомствѣ онъ не былъ удостоенъ, имѣя только
набедренникъ и фіолетовую скуфью, хотя прослужилъ болѣе 30
лѣтъ. Послѣдніе 4—5 лѣтъ усопшій, часто и сильно болѣлъ, что
побуждало его каждый годъ пріѣзжать въ Харьковъ для лѣченія.

За годъ предъ своею смертію о. Луценковъ уволился за штатъ
и проживалъ въ родномъ городѣ Лебединѣ. Въ началѣ марта н. с.,
отъѣзжая изъ Лебедина въ Харьковъ на лѣченіе, онъ соборовался
и причастился Св. Тавны. Предвидя скорый отходъ въ вѣчность,
покойный приготовилъ для себя полное облаченіе и выражалъ же-
ланіе умереть и быть погребеннымъ въ родномъ городѣ Лебединѣ.
Но Господь судилъ иначе: о. Луценковъ умеръ въ Харьковѣ и
погребенъ въ оградѣ Холодногорской Всѣхсвятской церкви, при
которой нынѣ священствуетъ родной его братъ.

Мврѣ праху твоему, Божій слуга и труженникъ, и вѣчная память!

Иноепархіальный отдѣлъ.

**Можетъ ли пастырь служить панихиды по казненнымъ
преступникамъ?**

Такой вопросъ былъ предметомъ обсужденія въ Екатер. Еп.
Вѣд. Вопросъ, очевидно, воляѣ своевременный и умѣстный. Свя-
щенникъ часто оказывается поставленнымъ въ очень затрудни-
тельное положеніе, когда обращаются къ нему съ просьбою отслу-
жить панихиду по казненному преступнику. Если онъ согласится
исполнить желаніе людей, къ нему обращающихся, то рискуеть

навлечь на себя подозрѣніе въ сочувствіи революціи; если откажется молиться объ умершихъ, то можетъ вызвать обвиненія въ трусости и недостаткѣ нравственнаго мужества. Вопросъ этотъ рѣшается, какъ *частное мнѣніе*, въ томъ смыслѣ, что воплнѣ позволительна и различна съ духомъ христіанской любви молитва о казненныхъ преступникахъ не только частная, но и общественная; но нельзя категорически утверждать, чтобы священникъ обязанъ былъ служить панихиду по нимъ во всякое время и при всякихъ условіяхъ: иногда само по себѣ хорошее дѣло можетъ быть неумѣстнымъ, вреднымъ и даже прямо дурнымъ. Кому не извѣстно, что въ настоящее время съ просьбами о панихидахъ нерѣдко обращаются къ настоятелю люди совершенно невѣрующіе, обращаются не по религиознымъ мотивамъ, а вслѣдствіе желанія чрезъ посредство церкви выразить протестъ противъ правительства. А между тѣмъ религія и богослуженіе ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить какимъ нибудь чуждымъ цѣлямъ, помимо освещенія и спасенія людей. Превращать общественное богослуженіе въ средство политической демонстраціи—значало бы допускать прямое кощунство, за которое священникъ долженъ дать отвѣтъ предъ Богомъ. Отсюда воплнѣ понятно его право отказаться отъ служенія панихиды и революционерамъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда о такомъ его проситъ невѣрующіе люди, когда эта просьба опредѣляется побужденіями или цѣлями, не имѣющими ничего общаго съ религіей, и когда исполненіе ея могло бы послужить причиною беспорядковъ, а можетъ быть, и кровопролитія... Рѣшеніе вопроса, по нашему мнѣнію, правильное, но едва ли имѣющее важное практическое значеніе. Причина та, что далеко не всегда можно опредѣлить дѣйствительныя побужденія и цѣли, которыми руководствуются обращающіеся къ священнику съ просьбою о панихидѣ, а тѣмъ болѣе предусмотрѣть всѣ возможныя послѣдствія ея. Лучшій совѣтъ—поступать всегда по истинной христіанской совѣсти.

Съѣздъ школьныхъ дѣятелей въ г. Гроднѣ.

Съѣздъ школьныхъ дѣятелей въ городѣ Гроднѣ (предсѣдатель уѣздныхъ отдѣленій Совѣта, уѣздныхъ наблюдателей школъ), завѣдующихъ и учителей второклассныхъ и начальныхъ школъ, состоявшійся въ маѣ мѣсяцѣ, между прочимъ постановлялъ: 1) въ отдаленныхъ отъ церквей школахъ право преподаванія Закона Божія предоставить учителямъ съ присвоеніемъ имъ полнаго оклада жалованья за законоучительскія труды; 2) увели-

читать срокъ обученія до 4 лѣтъ въ нѣсколькихъ одноклассныхъ школахъ, въ двухъ на уѣздъ, гдѣ на лицо двѣ классныя комнаты и помощникъ учителя; 3) выписывать книги не только отъ издательской комиссiи Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ, репертуаръ коей уже исчерпанъ школамъ, но и отъ другихъ книгоиздателей, сообразуясь съ мѣстными вуждами; 4) спрашивать ежегодно особою кредитъ на наглядныя пособія; 5) признано желательнымъ учрежденіе педагогическаго музея при Училищномъ Совѣтѣ; 6) неопустительно вести народныя чтенія во всѣхъ школахъ, имѣющихъ собственныя помѣщенія, причемъ представить учителю побольше инициативы въ дѣлѣ выбора матеріала для чтенія и устраивать показательныя сады в огородахъ при школахъ, имѣющихъ участки земли; 7) ходатайствовать объ уравненіи въ правахъ законоучителей церковно-приходскихъ школъ съ законоучителями школъ министерскихъ въ отношеніи права воспитанія дѣтей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ в 8) нормальнымъ минимальнымъ окладомъ жалованья учащимъ установленъ—360 р. съ прибавкой за каждое пятилѣтіе службы; въ 25-му году служебной дѣятельности учитель долженъ получать 600—660 рублей. (Гродн. Епар. Вѣдом. № 23).

Разныя извѣстія и замѣтки.

Хроника церковно-общественной жизни.

Судьба католической церкви во Франціи — предостереженіе для служителей нашей церкви.

По поводу гоненій на католическую церковь на западѣ, сотрудничавъ „Церковно-общественной жизни“ (въ Казани) предостерегаетъ служителей нашей церкви отъ подобной же участи, поставивши эпиграфомъ своей статьи слова Спасителя: „Если не покаетесь, также погибнете“. Причины гоненій на католическую церковь усматриваются авторомъ въ жизни самой римской церкви, въ ея стремленіи къ самодержавной политической власти надъ міромъ и въ тѣхъ недостойныхъ средствахъ, которыми пользовалась она для удержанія за собою этой власти; именно: въ запрещеніи народу читать Библию, въ „святой“ инквизиціи, въ учрежденіи разбойничьяго (sic) ордена иезуитовъ, въ провозглашеніи догматовъ о сверхдолжныхъ заслу-

тахъ святыхъ и о папской непогрѣшимости и т. п. Бѣдствія, постигшія католическую церковь во Франціи, ею заслужены, по мысли автора. Она сама себя долго рыла яму, и яма поглощаетъ ее. И невольно приходятъ въ голову автора слова, сказанныя членомъ іудейскаго сведрїона Гамалииломъ: „Если предпріятіе человѣческое, то оно рухнетъ; а если отъ Бога, то вы не можете разрушить его“. Намъ, православнымъ христіанамъ, слѣдуетъ надъ этимъ призадуматься. Мы тоже должны припомнить прошлую исторію своей церкви, ей настоящее и посмотрѣть, не ждетъ ли в насъ нѣчто, подобное судьбѣ католичества? Что у насъ въ прошломъ? Есть ли за нами такіе „самобытные“ грѣхи, кои возбуждали бы негодованіе и ненависть къ русскому духовенству? Есть! Ихъ не мало. И особенно великъ грѣхъ—человѣкоугодничество. Достаточно припомнить слѣдующій фактъ. Императоръ Петръ III былъ задушенъ „вѣрными рабами“ своей великой супруги Екатерины второй, въ чемъ сознался въ письмѣ А. Орловъ... Слѣдующій шагъ грѣхъ, какъ и у католиковъ, не совсѣмъ благообразная нравственная жизнь духовенства.

— Англійскіе археологи открыли въ самое послѣднее время отлывчо сохранившуюся записъ бесѣды Господа Іисуса Христа съ фарисеями въ храмѣ Іерусалимскомъ.

На пергаментномъ листѣ возложено посѣщеніе Спасителемъ и его учениками Іерусалимскаго храма и разговоръ Іисуса Христа съ фарисеями. Фарисеи упрекаютъ Христа за то, что Онъ и ученики Его передъ входомъ во храмъ не исполняли предписанныхъ обрядовъ очищенія. Іисусъ Христосъ отвѣчаетъ, указывая, въ чемъ разница между внѣшней и внутренней чистотой. Этотъ текстъ во многихъ пунктахъ совпадаетъ съ извѣстными текстами въ Евангеліи отъ Луки и отъ Маттея, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ установлено учеными, содержитъ въ себѣ нѣкоторые, не упомянутыя въ Новомъ Завѣтѣ, слова, при чемъ составитель найденнаго списка обнаруживаетъ изумительное знаніе еврейскаго языка и мѣстоположенія всѣхъ зданій Іерусалимскаго храма. Листъ, на которомъ начертанъ текстъ, взбѣденъ червями, но необыкновенно мелкій и тонкій почеркъ невзвѣстнаго писца, даже завитушки и украшенія заглавныхъ буквъ, различаются вполне хорошо.

— Въ газетахъ появилось извѣстіе, будто вселевскій патріархъ приглашаетъ православныхъ патріарховъ іерусалимскаго и александрійскаго для совѣщанія по различнымъ вопросамъ. Патріархъ предлагаетъ созывъ мѣстнаго собора по дѣламъ церкви.

— 27 іюня въ Петербургѣ за всеобщей, въ церкви при Синодальномъ Мвтрофаніевскомъ Подворьѣ, архіепископомъ Антоіемъ Волынскимъ постриженъ въ монашество д. с. с. Александръ Иноземцевъ, директоръ 3 казанской гимназіи. Новопостриженному наречено имя Серафимъ, въ честь преподобнаго Серафима Саровскаго, жизнеописанію котораго новопостриженный иже посвятилъ обширныя литературныя изслѣдованія. О. Серафимъ былъ любимъ учениками в образцовымъ директоромъ. Службу оставилъ только въ семь учебномъ году. О. Серафимъ будетъ жить въ Почаевской лаврѣ и далѣе сана іеромонаха не желаетъ принимать высокихъ іерархическихъ почестей.

— Въ отвѣтъ на запросъ особой комиссіи, работающей при Министерствѣ Юстиціи по вопросу о реформѣ бракоразводнаго судопроизводства, Святѣйшій Синодъ выразилъ принципиально согласіе на передачу свѣтскому суду слѣдственной части бракоразводныхъ процессовъ, возникающихъ по обвиненію одной изъ сторонъ въ прелюбодѣяніи или неспособности къ брачному сожителству. Процессы же, возникающіе по другимъ поводамъ, должны согласно заключенію Св. Синода, остаться въ вѣдѣніи духовнаго суда.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПО СЛУЧАЮ РАСПРОДАЕТСЯ ПАСѢКА

Прот. М. И. Буткевича

въ количествѣ 140 ульевъ пчель.

Можно приобрести частями по нѣсколько ульевъ разныхъ классическихъ системъ.

Пасѣка находится на дачѣ близъ ст. Мереза.

Тамъ же продается до ста пустыхъ ульевъ, — центробѣжка, рамки и другія пчеловодныя принадлежности

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ И. Г. АЙВАЗОВА:

1. Орловскій миссіонеръ. създъ въ связи съ вопросомъ о свободѣ совѣсти. Цѣна 75 коп.
2. Новое Вселенское Христіанство—Религія Конца. Древне-іудейская и христіанская культуры. Цѣна 35 коп.
3. Всемирная задача христіанства. Христіанское Самодержавіе. Ц. 25 к.
4. Религіозная правда Русскаго Самодержавія. Цѣна 10 коп.
5. Къ вопросу о смертной казни. Цѣна 25 коп.
6. Внутренняя миссія въ Тамбовской епархіи за 25 лѣтъ. Цѣна 40 к.
7. Бесѣда съ сектантами о субботахъ и воскресномъ днѣ. Цѣна 20 к.
8. Миссіонерская полемика. Цѣна 20 коп.

Готовится къ изданію: „Русское сектантство“. Ц. 25 к.

Съ требованіями обращаться въ большіе книжные магазины и къ автору.

Харьковъ, Екатеринославская улица, 31.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Біографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средне-вѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовныя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами?“ В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихриствѣ. Профес. А. Д. Бѣляева.—„Книга Рууъ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Тамбовскаго).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія мовизма“ Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Линицаго.—„Законъ причинности“. (Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“. Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ», свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно, отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй ЮШКОВЪ.
Дѣйств. Статск. Совѣтникъ Константинъ ИСТОМИНЪ.